U 376/196

И 376/196
54

БОРЬБА СЪ ПРИРОДОЮ

НА

БАЛКАНАХЪ

въ зиму съ 1877 на 1878 годъ.

БИБЛ. ПУБЛ. ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА
„ДОСУГЪ И ДѢЛО“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищ. «Общественная Польза».
Большая Подъяческая, д. № 39.
1884.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 декабря 1883 года.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
8090-46

2007097081

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе 1

Подъемъ на горы.

Глава первая. Вступленіе.—Неподготовленность къ переходу за Балканы.—«Западный отрядъ». — Движеніе по предгоріямъ.—Яблоница. — Бдительность турокъ. — Энергическая рѣчь генерала Гурко. — Первыя затрудненія въ колоннѣ генерала Рауха.—Выносливость солдатъ и офицеровъ.—Овладѣніе Правецкой позиціей.—Заоблачный ночлегъ.—Движеніе отряда генерала Дандевиля. — Изумленіе турокъ.—Взятіе Этрополя 8

Глава вторая. Приготовленіе къ движенію на Этропольской Балканъ. — Передвиженіе артиллеріи руками.—Необычный подъемъ на Вратешки. — Отчаянная схватка на вершинѣ Греата. — Ночлегъ въ виду Шандорникскаго редута. — Движеніе впередъ Семеновскаго и Измайловскаго полковъ.—Ночлегъ на снѣгу и подъ дождемъ. — Атака Шандорника и занятіе Вратешскаго и Златицкаго перевaловъ. — Остановка дѣйствій 47

Зимовка на горахъ.

Глава третья. Тяжесть работъ по укрѣпленію позиціи.—Убійственная погода. — Снѣгъ, туманы, гололедица. — Недостатокъ продовольствія, обуви и одежды. — Невозможность согрѣться. — Опасности отъ непріятельскаго огня 93

Глава четвертая. Тягости сторожевой службы.—Геройскіе подвиги псковичей.—Трудность положенія лейбъ-Гренадеръ. — Усиленіе болѣзнен-

ности.—Страшныя потери въ людяхъ.—Извѣстія о паденіи Плевны.—Графъ Шуваловъ 2-й. — Генералъ Красновъ. — Конецъ стоянки на Балканахъ 124

Переходъ черезъ Балканы.

Глава пятая. Невозможность фронтальной атаки турецкихъ позицій. — Планъ генерала Гурко.—Распредѣленіе колоннъ.—Начало движенія главной колонны на Чурьякъ. — Усилія войскъ.—Медленность движенія.—Прибытіе въ Чурякъ 151

Глава шестая. Трудность пути на Умургачъ.—Полная невозможность поднять артиллерію. — Неимовѣрныя усилія войскъ.—Затруднительное положеніе отряда генерала Вельяминова. — Мученія Пензенскаго и Тамбовскаго полковъ.—Отчаянное положеніе отряда.—Послѣдняя ночь на Умургачѣ.—Спускъ и движеніе на Чурьякъ 172

Глава седьмая. Движеніе колонны генерала Дандевиля.—Гора-Баба.—Радость полковъ Великолуцкаго и Псковскаго при извѣстіи о движеніи.—Мученія войскъ при подъемѣ. — Ужасная погода.—Гибельная мятель.—Отчаянное положеніе войскъ на вершинѣ горы.—Геройскій подвигъ дисциплины войскъ въ ночь съ 16-го на 17-е декабря. — Страшныя потери отъ мороза.—Отступленіе въ Этрополь 195

Заключеніе 221

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Самымъ энергическимъ дѣйствіемъ русской арміи въ войну съ Турціей 1877—1878 гг.,—дѣйствіемъ, заслужившимъ наибольшее удивленіе какъ самихъ русскихъ, такъ и всѣхъ иностранцевъ,—былъ переходъ нашихъ войскъ черезъ Балканскія горы зимою 1877 года.

Въ исторіи войнъ трудно найти что-либо подобное этому колоссальному предпріятію, по величію его замысла и по невѣроятной трудности выполненія. Какъ извѣстно, переходъ черезъ Балканы совершенъ былъ русской арміей почти одновременно въ восьми различныхъ, болѣе или менѣе удаленныхъ другъ отъ друга, пунктахъ: черезъ перевалы—Чурьякскій, Бабаконакскій, Златицкій, Троянскій, Иметлійскій, Шипкинскій, Травненскій и Сливненскій. Такимъ образомъ, Балканы были перейдены нами, среди самаго суроваго времени года, почти на всемъ ихъ протяженіи, причемъ нѣкоторымъ нашимъ отрядамъ, какъ, напримѣръ, Западному отряду генерала Гурко, пришлось переносить борьбу съ грозной природой горъ въ теченіи цѣлаго полутора мѣсяца, а для Шипкинскаго отряда генерала Радецкаго борьба эта длилась около пяти мѣсяцевъ.

Переходъ черезъ Балканы 1877 года поражаетъ насъ и съ бытовой своей стороны. Предпріятіе перехода черезъ Балканы сводилось, главнымъ образомъ, къ преодолѣнію колоссальныхъ препятствій, воздвигаемыхъ суровою зимнею природою горъ, и было поставлено въ зависимость преимущественно отъ извѣстныхъ качествъ русскаго солдата, сдѣлавшихъ возможною для насъ побѣду надъ самой природой...

Картины этой борьбы съ грозной природой горъ, такъ сказать, бытовая сторона перехода черезъ Балканы—и получаетъ для насъ первостепенное значеніе. Вліяніе на успѣхъ этого предпріятія закаленнаго характера, необычайной выносливости и другихъ несравненныхъ качествъ русскаго солдата—было несомнѣнно. Можно смѣло утверждать, что только русскій солдатъ, русская арміа—была способна преодолѣть такія страшныя препятствія, какія преодолѣла на Балканахъ наша молодая армія, сравнявшаяся въ настоящемъ случаѣ, своею нечеловѣческою выносливостію съ знаменитыми по своему закалу суворовскими «чудо-богатырями».

Упомянутая, чисто бытовая сторона столь великаго событія, какъ переходъ нашей арміи черезъ Балканы, и вызвала преимущественно всеобщее удивленіе и послужила главнымъ образомъ причиной единодушныхъ похвалъ.

Въ самомъ дѣлѣ, есть что-то невѣроятное, необычайное въ этомъ нечеловѣческомъ терпѣніи и устойчивости, съ какими преодолѣвалъ нашъ солдатъ колоссальныя препятствія, воздвигаемыя ему на каждомъ шагу суровой природой Балканскихъ горъ. Все это великое событіе—зимній переходъ черезъ Балканы—состояло, можно сказать, изъ одного непрерывнаго ряда геройскихъ усилій солдатъ и ихъ по-истинѣ богатырскихъ трудовъ. Здѣсь было все и по преимуществу—борьба съ природой. Одно уже сравненіе убыли въ войскахъ отъ непріятельскаго огня и потерь отъ вліянія стихій—несомнѣнно указываетъ на неизмѣримый перевѣсъ въ этомъ дѣлѣ фактовъ борьбы съ природой надъ событіями чисто военнаго характера.

Да и по самому свойству горной войны, потери отъ огня противника должны были быть здѣсь менѣе значительны, нежели въ открытомъ полѣ, такъ какъ горная мѣстность всегда допускаетъ возмож-

ность обходовъ, маневрированія и постояннаго пользованія обильными естественными прикрытіями. Но это-то обстоятельство и ставитъ, въ свою очередь, солдата лицомъ къ лицу съ природой, вызывая его на борьбу съ естественными препятствіями, представляемыми ему на каждомъ шагу горною мѣстностью.

Борьба нашихъ войскъ съ природой Балканскихъ горъ значительно усложнялась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что войскамъ нашимъ пришлось тащить за собою черезъ горы массу тяжеловѣсныхъ орудій и снарядовъ, доставка которыхъ на горы съ помощью какихъ-либо животныхъ, за отсутствіемъ удобныхъ дорогъ, становилась положительно немыслимою... Это-то обстоятельство и удесятеряло трудности борьбы съ балканской природой и дѣлало ихъ поистинѣ невыносимыми.

Главнымъ же образомъ, тяжесть горнаго похода для нашихъ войскъ увеличивалась съ наступленіемъ чрезвычайно суровой зимы на Балканахъ, открытыя вершины которыхъ предоставлены дѣйствію страшныхъ стихій на полномъ просторѣ,—стихій,—противустоять которымъ, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, для нашего солдата, одѣтаго нерѣдко въ легкую шинелишку и при неизбѣжной въ военное время скудости пищи,—было необычайно тяжкимъ подвигомъ!

Въ виду всего сказаннаго, а также вслѣдствіе того обстоятельства, что борьба эта была выдержана нашей «молодой» арміей,—стоитъ остановиться подробно на богатырскихъ трудахъ нашихъ войскъ и на ихъ необычайныхъ лишеніяхъ, какъ на самомъ блестящемъ подвигѣ нашей арміи и какъ на характеристикѣ вообще русскаго человѣка, и русскаго солдата въ частности.

Подвигъ этотъ, весьма любопытный и интересный самъ по себѣ, безъ сомнѣнія будетъ имѣть также воспитательное значеніе и для будущихъ поколѣній, въ особенности въ виду высокихъ цѣлей прошлой войны; въ настоящее же время, несомнѣнно, можетъ служить блестящимъ доказательствомъ преимуществъ новой воинской системы, воспитавшей столь доблестное поколѣніе воиновъ.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію самаго хода и причинъ этой борьбы, умѣстно будетъ, однако, поставить общій вопросъ: неизбѣжны ли были для нашей арміи, если не форспрованіе Балканскихъ про-

*

ходовъ, предпринятое нами въ столь широкихъ размѣрáхъ, то эти тяжкія и продолжительныя лишенія и страданія, которыми сопровождался переходъ черезъ Балканы?

Несомнѣнно, что, по первоначальному плану кампаніи, совсѣмъ не имѣлось въ виду форсировать балканскіе проходы въ столь широкихъ размѣрахъ, въ какихъ пришлось впослѣдствіи прибѣгнуть къ этому средству. Тѣмъ болѣе никто не могъ заранѣе предвидѣть, что столь трудное и обширное предпріятіе, какъ переходъ черезъ Балканы всей нашей арміи, придется предпринять намъ въ разгаръ зимы, среди самыхъ неблагопріятныхъ климатическихъ условій. Необходимость форсированія многихъ балканскихъ проходовъ застала насъ, такимъ образомъ, совершенно врасплохъ и была поставлена на очередь уже какъ средство быстро окончить кампанію, грозившую затянуться на продолжительное время. Вотъ почему войска наши приступили къ этому великому предпріятію, будучи совершенно неподготовлены къ нему, плохо одѣтыя и обутыя, безъ достаточнаго количества продовольственныхъ запасовъ и почти безъ всякихъ средствъ для поднятія на огромныя горы значительнаго числа тяжеловѣсныхъ пушекъ и артиллерійскихъ парковъ. Конечно, въ нашъ вѣкъ машинъ, желѣзныхъ дорогъ и другихъ удобствъ, странно какъ-то слышать о тѣхъ невѣроятныхъ лишеніяхъ и о тѣхъ первобытныхъ способахъ, какими совершалось передвиженіе за Балканы нашей артиллеріи и пѣхоты, тѣмъ болѣе что война велась нами въ странѣ какая бы она тамъ ни была, а все-таки въ европейской. Въ наше время войны, обыкновенно, не предпринимаются безъ того, чтобы не обезпечить заранѣе различными мѣрами, на сколько только позволяютъ средства и возможность, всѣ необходимыя удобства сообщеній и передвиженій войскъ на предстоящемъ театрѣ войны, а также и всѣ необходимыя удобства солдатскаго быта при данной боевой обстановкѣ. И если мы припомнимъ, что даже наши войны въ средне-азіатскихъ степяхъ и пустыняхъ предпринимались за послѣднее время неиначе, какъ по предварительной и тщательной подготовкѣ къ веденію войны при данныхъ условіяхъ и по возможно полной заготовкѣ средствъ для облегченія тяжелой службы солдата при непривычныхъ условіяхъ:—то намъ вполнѣ будетъ понятно, на

сколько неожиданно захватила насъ вторая половина турецкой кампаніи, наполненная такими страными лишеніями войскъ и сопровождавшаяся столь невыносимой обстановкой боеваго солдатскаго и офицерскаго быта.

Но тѣмъ болѣе славы нашимъ «молодымъ» войскамъ, которыя, будучи поставлены въ такія условія, не только не уронили боевыхъ преданій нашей старой арміи, но еще увеличили ея славу.

Необходимо также замѣтить, что, даже при самомъ бѣгломъ осмотрѣ какъ общаго плана нашего перехода черезъ Балканы, такъ и въ особенности нѣкоторыхъ подробностей его, легко убѣдиться, что весь онъ былъ основанъ преимущественно и главнымъ образомъ на увѣренности въ русскомъ солдатѣ, на непоколебимой вѣрѣ въ его испытанную дисциплину и выносливость. Трудно даже и предположить, чтобы безъ этой увѣренности въ солдатѣ могли быть двинуты колонны, въ разгаръ зимы, черезъ такія страшныя горы, какъ Умургачъ, Баба-гора, Троянскій перевалъ и проч. Конечно, эта увѣренность значительно должна была облегчить намъ сложный трудъ организаціи форспрованія балканскихъ проходовъ; но тѣмъ болѣе чрезъ это выпадало обязанностей и трудовъ на долю нашего солдата, который, какъ мы уже сказали выше, и вынесъ на своихъ плечахъ всю тяжесть этого колоссальнаго предпріятія.

Не имѣя, однако, задачи касаться чисто военной стороны упомянутаго предпріятія и ограничиваясь одной лишь бытовой стороной его, мы въ настоящемъ очеркѣ не будемъ входить въ подробный разборъ плановъ различныхъ начальниковъ, тѣмъ болѣе, что для этого не нашлось бы еще и достаточно полнаго матеріала. Точно также, по недостатку свѣдѣній, а главное по обширности предмета, мы не можемъ взяться описывать переходъ черезъ Балканы во всемъ его объемѣ, какъ онъ былъ задуманъ и совершенъ въ различныхъ пунктахъ этихъ горъ, почти на всемъ ихъ протяженіи. Для нашихъ цѣлей будетъ вполнѣ достаточно остановиться на переходѣ черезъ Балканы «Западнаго отряда» генерала Гурко. Какъ избытокъ матеріала относительно этого отряда, такъ и обиліе характерныхъ чертъ въ выполненіи имъ столь труднаго и сложнаго плана перехода черезъ Балканы — даютъ намъ возможность нарисовать полную кар-

тину понесенныхъ при этомъ трудовъ и лишеній и, болѣе или менѣе подробную, характеристику этого предпріятія, а также и несравненныхъ качествъ русскаго солдата, совершившаго столь много тяжкихъ подвиговъ въ минувшую кампанію. Въ этомъ отношеніи описаніе перехода черезъ Балканы Западнаго отряда можетъ служить болѣе или менѣе точной характеристикой форсированія балканскихъ проходовъ и прочими нашими отрядами. Вотъ почему мы займемся описаніемъ только перехода черезъ Балканы Западнаго отряда генерала Гурко.

Необходимо также замѣтить, что съ именемъ этого генерала, которому такъ часто поручались въ прошлую войну наиважнѣйшія задачи, связаны были, болѣе или менѣе тѣсно, военныя операціи почти во всѣхъ занятыхъ нами балканскихъ проходахъ. Такъ, Западный отрядъ былъ двинутъ къ Бабакопакскому перевалу по иниціативѣ генерала Гурко, и совершилъ переходъ черезъ эти горы подъ его непосредственнымъ руководствомъ. Отрядъ генерала Карцева былъ переброшенъ черезъ Троянскій перевалъ также по первоначальному предложенію генерала Гурко, въ видахъ содѣйствія Западному отряду въ предполагавшемся движеніи его отъ Софіи къ Шипкинскому перевалу, съ цѣлью выручки гарнизона этого пункта. Потому-то подробное описаніе перехода черезъ Балканы Западнаго отряда, какъ руководимаго непосредственно самимъ генераломъ Гурко, можетъ почти характеризовать положеніе и прочихъ нашихъ отрядовъ въ Балканскихъ горахъ. Въ виду этого, мы и считали необходимымъ собрать, по возможности, полный матеріалъ о переходѣ нашихъ войскъ черезъ Балканы, по крайней мѣрѣ относительно Западнаго отряда генерала Гурко, какъ игравшаго въ этомъ отношеніи наиболѣе выдающуюся роль, и изложить этотъ матеріалъ въ возможно точномъ хронологическомъ порядкѣ и въ строгой системѣ, избѣгая всего случайнаго или посторонняго. Матеріаломъ для насъ послужили, при этомъ, статьи, разсказы и воспоминанія, принадлежащія гг.: А. Пузыревскому («Воен. Сборн.» 1879 г. №№ 3-й и 4-й. «Русская Старина». 1881 г. №№ 11 и 12-й), барону Н. Каульбарсу («Воен. Сборн.» 1879 г. №№ 10-й и 12-й), кн. Л. В. Шаховскому («Два похода за Балканы». Москва. 1878 г.), И

Зноско-Боровскому 1-му («Сборн. ворн. разсказовъ» кн. В. Мещерскаго, т. IV), А. Луганину, Н. Гредякину, Михневичу, Бутовскому и Макъ-Гахану («Голосъ» 1877 — 78 гг.), Иванову («Новое Время» 1878 — 78 гг. и многимъ другимъ; а также — оффиціальныя реляціи командировъ частей Западнаго отряда и самаго начальника этого отряда *).

---

*) Полный списокъ статей, послужившихъ матеріаломъ при составленіи настоящаго очерка, заключаетъ въ себѣ слѣдующія названія:

«Воспоминаніе офицера генеральнаго штаба». А. Пузыревскаго («Воен. Сборн.». 1879 г. №№ 3 и 4). *«Переходъ черезъ Балканы въ 1877 году»*. Его же («Русская Старина». 1881 г. №№ 11 и 12). *«Стоянка на Этропольскомъ Балканѣ»*. Барона Н. Каульбарса («Воен. Сборн.» 1879 г. №№ 10 и 12). *«Съ театра войны 1877 — 1878 гг. Два похода за Балканы»*. Кн. Л. В. Шаховскаго. Москва. 1878 г. *«Умуръ-чъ, Софія и Правецъ. Письмо врача»* («Сборн. воен. разсказовъ» кн. В. Мещерскаго, т. II). *«Зимній походъ* (Дневникъ офицера артиллериста)». М. Ч. («Сборн. воен. разсказовъ» кн. В. Мещерскаго, т. III). *«Шандорникъ. Лѣвый флангъ арабконакской позиціи»* П. П. П. (тамъ же). *«Воспоминаніе о Бабѣ-горѣ»*. В. (тамъ же). *«Воспоминанія объ Этрополѣ, изъ походныхъ записокъ армейца»*. В. (тамъ же). *«Воспоминаніе объ этропольскихъ Балканахъ, изъ походныхъ записокъ армейца»*. В. (тамъ же). *«Изъ дневника офицера л.-гв. Павловскаго полка за походъ 1877 — 78 гг.»*. («Сборн. воен. разсказовъ» кн. В. Мещерскаго, т. IV). *«Правецъ 11 ноября 1878 года»*. П. Зноско-Боровскаго 1-го (тамъ же). *«Форсированный маршъ на Шандорникъ и Большіе Балканы»*. Д. Р. (тамъ же). *«Балканскій и Забалканскій походъ л.-гв. Волынскаго полка»*. А. Луганина (тамъ же). *«Дневникъ Лейбъ-Гренадера»*. Н. Гредякина (тамъ же). *«Изъ воспоминаній офицера л.-гв. Егерскаго полка»*. Б. (тамъ же). *«Изъ похода л.-гв. Семеновскаго полка»*. Михневича (тамъ же). *Изъ дневника л.-гв. Сапернаго батальона* (тамъ же). *«Изъ походныхъ воспоминаній л.-гв. конной артиллеріи»*. Е. П. (тамъ же). *«Тяжелыя минуты на Балканахъ»*. Отрывки изъ дневника гвардейца» Н. З. Б. (Тамъ же).

Кромѣ того: оффиціальныя реляціи командировъ частей Западнаго отряда и самаго начальника отряда.

ПОДЪЕМЪ НА ГОРЫ.

Вступленіе. — Неподготовленность къ переходу за Балканы. — «Западный отрядъ».—Движеніе по предгоріямъ.—Яблоница.—Бдительность турокъ.—Энергическая рѣчь генерала Гурко.—Первыя затрудненія въ колоннѣ генерала Рауха.—Выносливость солдатъ и офицеровъ.—Овладѣніе Правецкой позиціей.—Заоблачный ночлегъ. — Движеніе отряда генерала Дандевиля. — Изумленіе турокъ. — Взятіе Этрополя.

Приступая, къ описанію перехода черезъ Балканы собственно Западнаго отряда генерала Гурко, мы, въ виду постановленныхъ нами выше цѣлей, упомянемъ только въ короткихъ словахъ какъ о причинахъ этого движенія, такъ и о его цѣляхъ и средствахъ.

Какъ извѣстно, въ концѣ октября мѣсяца 1877 года, по занятіи гвардейскимъ отрядомъ генерала Гурко, на софійскомъ шоссе, Телиша, Горняго и Дольняго Дубняковъ, была окончательно замкнута линія обложенія плевны нашими войсками. Остальныя части нашей дѣйствующей арміи занимали въ Болгаріи весьма важныя стратегическія позиціи на линіи рѣки Янтры (армія Наслѣдника Цесаревича) и на Шипкѣ (корпусъ Радецкаго), обезпечивая возможность спокойнаго продолженія блокады Плевны. Словомъ, наши операціи подъ Плевной могли бы считаться въ то время обезпеченными, если бы не было признано всѣми слишкомъ тяжелымъ положеніе нашего Шипкинскаго отряда и еслибъ не было получено тогда же извѣстій о сформированіи въ Софіи Мегеметомъ-Али новаго значительнаго турецкаго отряда, съ цѣлью попытки прорвать линію обложенія

Плевны со стороны Орханіе, или Берковца, и содѣйствовать тѣмъ освобожденію Османа-паши.

Съ цѣлью предупредить возможныя дѣйствія противъ Плевны со стороны арміи Мегемета-Али и въ виду возможности отдѣлить для того значительную часть силъ отъ нашихъ войскъ, собравшихся въ избыткѣ подъ Плевной, генералъ-адъютантъ Гурко предложилъ, въ концѣ октября мѣсяца, на обсужденіе главной квартиры слѣдующій планъ дѣйствій: собрать возможно большее число свободныхъ войскъ, двинуть ихъ затѣмъ по софійскому шоссе къ Балканамъ, разбить находившуюся въ періодѣ организаціи армію Мегемета-Али, перейти затѣмъ Балканы и, занявъ южный раіонъ горъ съ Софійскимъ округомъ, двинуться далѣе, долиной Гіопса, въ тылъ турецкой Шипкинской арміи, и атаковать ее одновременно съ генераломъ Радецкимъ, въ видахъ освобожденія послѣдняго отъ невыносимаго положенія на Шипкѣ. Далѣе генералъ-адъютантъ Гурко предлагалъ даже развить успѣхъ своихъ дѣйствій въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, съ цѣлію придать рѣшительный оборотъ кампаніи *).

Столь смѣлое и, можетъ быть, даже рискованное предложеніе должно было, конечно, вызвать въ главной квартирѣ сильныя возраженія. Во-первыхъ, едвали могла предстоять необходимость именно въ наступательныхъ дѣйствіяхъ для того, чтобы парализовать всякія попытки Мегемета-Али-паши, тѣмъ болѣе что въ это время всѣ наши отряды въ Болгаріи держались строго оборонительнаго образа дѣйствій, находясь, къ тому же, на нѣкоторыхъ пунктахъ въ весьма критическомъ положеніи (Елена, Шипка). Съ другой стороны, трудно было соединить двѣ столь несовмѣстимыя задачи, какъ:—съ одной стороны, парализпрованіе попытокъ Мегемета-Али къ освобожденію Плевны, а съ другой—выручка Шипкинскаго отряда генерала Радецкаго... Наконецъ, никто не былъ приготовленъ къ такому смѣлому предпріятію, какъ переходъ черезъ Балканы, въ наступавшее суровое время года. Въ особенности трудно было ручаться, въ этомъ случаѣ, за успѣшное разрѣшеніе продовольственнаго вопроса.

*) См. «Воспоминанія офицера генеральнаго штаба». «Воен. Сборн.» 1879 года, № 3.

Тѣмъ не менѣе, благодаря возникшимъ уже въ то время въ главной квартирѣ предположеніямъ о возможности начатія наступательныхъ дѣйствій на нѣкоторыхъ пунктахъ театра войны, а также—благодаря полученнымъ извѣстіямъ о готовности сербовъ присоединиться къ намъ въ Софіи, планъ генерала Гурко былъ утвержденъ, и онъ получилъ въ свое распоряженіе отрядъ, даже большій по силамъ, чѣмъ предполагалъ онъ самъ, съ разрѣшеніемъ въ первыхъ числахъ ноября двинуться за Балканы.

Какъ мы увидимъ ниже, генералу Гурко не удалось выполнить многаго изъ задуманнаго имъ плана. Такъ, армія Мегемета-Али не была разбита въ періодъ ея сформированія, а напротивъ—ей удалось довести эту организацію до конца и сильно укрѣпиться на Балканахъ, на Бабаконакскомъ перевалѣ. Затѣмъ отрядъ генерала Гурко вскорѣ вынужденъ былъ остановить свое наступленіе, отчасти вслѣдствіе вышеупомянутаго обстоятельства, а также вслѣдствіе полученнаго извѣстія о прорывѣ турокъ у Елены. Наконецъ, выручка Шипкинскаго отряда совершилась, какъ извѣстно, также помимо отряда генерала Гурко. Главная же и существенная цѣль движенія генерала Гурко за Балканы—обезпеченіе со стороны Софіи нашего отряда обложенія Плевны—была достигнута вполнѣ.

Нечего также и говорить о томъ, что, вслѣдствіе столь быстраго рѣшенія вопроса о движеніи за Балканы, никакихъ приготовленій къ передвиженію войскъ черезъ снѣжныя вершины этихъ горъ не могло быть сдѣлано. Артиллерію не успѣли снабдить какими-либо спеціальными средствами для перевозки ея черезъ страшныя кручи Балкановъ; люди также не были снабжены сколько-нибудь надежными средствами отъ вліянія осенней или зимней стужи въ горахъ. Къ тому же, за невозможностью движенія обозовъ черезъ горы, пришлось даже оставить весь запасъ амуниціи въ Боготѣ... Что же касается до продовольственнаго вопроса, генералъ Гурко предполагалъ собрать, ко дню выступленія, пятидневный запасъ сухарей на людяхъ и шестидневный въ обозѣ, итого на 11 дней. Затѣмъ, при открытомъ, будто бы, изобиліи скота въ странѣ, считалось возможнымъ увеличить для людей ежедневную мясную порцію, вслѣдствіе чего дачу сухарей предполагалось сохранить на половину, и такимъ образомъ отрядъ въ этомъ отношеніи считался уже обезпеченнымъ на 22 дня.

Затѣмъ предполагалось, что дальнѣйшее продовольствіе отряда можетъ быть обезпечено какъ изъ средствъ еще мало разоренной страны, по которой предстояло двигаться отряду, съ каковою цѣлію и были отправлены впередъ въ д. Радомирцы—команды хлѣбопековъ, такъ и изъ турецкихъ складовъ, частью уже захваченныхъ нашей кавалеріей, а частью еще ожидавшихъ этой участи. Вообще, турецкіе запасы провіанту, сложенные, по слухамъ, въ различныхъ пунктахъ на пути предстоявшаго намъ движенія, играли, какъ видно, большую роль въ разрѣшеніи вопроса о снабженіи нашего отряда продовольствіемъ. Этотъ взглядъ на снабженіе арміи продовольствіемъ изъ предполагаемыхъ складовъ противника, конечно, весьма смѣлъ. На сколько, вообще, прочно могло быть обезпечено продовольствіе войскъ на основаніи вышеупомянутыхъ предположеній, можно уже видѣть изъ того обстоятельства, что самъ подполковникъ Пузыревскій, докладывавшій и защищавшій проектъ генерала Гурко въ главной квартирѣ, разсказывая объ этомъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», тутъ же замѣчаетъ, что, даже стоя еще подъ Плевною, въ Дольнемъ Дубнякѣ, онъ, подполковникъ Пузыревскій, около мѣсяца жилъ исключительно на сухаряхъ, которыми изодралъ себѣ съ непривычки десны, а пища, какая случалась, приготовлялась въ водопойномъ ведрѣ, т. е. въ ведрѣ, изъ котораго поились лошади... Если такія лишенія терпѣлъ офицеръ генеральнаго штаба, находясь еще подъ Плевною, то что же ожидало солдатъ, когда они заберутся въ глубь непріятельской страны, на Балканы?

Изо всего сказаннаго выше можно заключить, какія страшныя лишенія предстояло перенести отряду генерала Гурко, двинутому среди глубокой осени, безъ достаточно теплой одежды, безъ вѣрнаго обезпеченія продовольственными запасами, къ негостепріимнымъ вершинамъ Балканскихъ горъ.....

Отрядъ генералъ-адъютанта Гурко, получившій названіе «Западнаго отряда» арміи, былъ составленъ изъ 43 батальоновъ, 53 эскадроновъ и сотенъ, 120 пѣшихъ и 54 конныхъ орудій *).

*) Горный походъ такъ неожиданно захватилъ насъ, что при гвардейскомъ корпусѣ совсѣмъ не оказалось горной артиллеріи; при гвардейской пѣхотѣ, за-

Принимая, круглымъ числомъ, батальонъ въ 700 человѣкъ, а эскадронъ и сотню въ 100 человѣкъ, получимъ общую численность отряда въ 30,000 пѣхотинцевъ и 5,000 всадниковъ, при 174 орудіяхъ.

Для дѣйствія собственно противъ непріятельскихъ силъ вышеприведенныхъ войскъ, можетъ быть, было достаточно, такъ какъ Мегеметъ-Алп успѣлъ въ то время набрать, изъ различныхъ пунктовъ ввѣреннаго ему раіона, всего до 42 батальоновъ пѣхоты — весьма слабаго состава, 46 орудій, 5 эскадроновъ регулярной кавалеріи и около 500 черкесовъ, въ общемъ—до 20,000 человѣкъ; при этомъ большая часть упомянутыхъ силъ состояла изъ плохо обученныхъ и частью уже деморалпзованныхъ войскъ — редифа и мустахфыза.

Но дѣло въ томъ, что отряду генерала Гурко предстояло вести борьбу не съ однѣми только непріятельскими силами, но и, главнымъ образомъ, съ колоссальными препятствіями, представляемыми горною мѣстностью. Чтобы понять всю трудность этой послѣдней борьбы, нужно припомнить, что отрядъ въ 35,000 человѣкъ долженъ былъ перетащить черезъ горныя кручи, не имѣя никакихъ спеціальныхъ для того средствъ, 174 орудія, изъ которыхъ 120 было девятифун-

---

кимъ образомъ, имѣлись только девятифунтовыя орудія, всего менѣе пригодныя къ движенію балканской кручи...

Составъ всего Западнаго отряда былъ слѣдующій:

1-я и 2-я гвардейскія пѣхотныя дивизіи	32 бат.		
Гвардейская стрѣлковая бригада.	4 »		
Гвардейскій саперный батальонъ.	1 »		
2-я бригада 3-й пѣхотной дивизіи	6 »		
6 полковъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи	— »	24 эск.	
Сводная драгунская бригада	— »	8 »	
Кавказская казачья бригада	— »	12 »	
Сводная донская казачья бригада	— »	12 »	
1-я и 2-я гвардейскія артиллерійскія бригады. .	— »	— »	96 оруд.
2, 3, 5 и 5 гвардейскія конныя батареи. . . .	— »	— »	24 »
Три батареи 3-й артиллерійской бригады . . .	— »	— »	24 »
16-я конная батарея, №№ 15, 18 и 19 донскія казачьи батареи и 1-я конно-горная батарея. .	— »	— »	30 »
Всего . . .	43 бат.	56 эск.	174 оруд.

товыхъ, т. е. вѣсившихъ каждое по 100 пудовъ! По среднему разсчету, каждое орудіе въ отрядѣ приходилось на 200 человѣкъ. На сколько невыгодно было подобное отношеніе, можно убѣдиться изъ слѣдующихъ соображеній: нормальнымъ отношеніемъ артиллеріи къ числу людей, т. е. при движеніи войскъ по обыкновенной мѣстности и при возможности двигать артиллерію съ помощью лошадей, — считается 4 орудія на 1,000 человѣкъ. Между тѣмъ, изъ вышеприведенныхъ цифръ относительно состава Западнаго отряда видно, что въ этомъ отрядѣ, которому приходилось, конечно, отказаться отъ помощи лошадей при встаскиваніи на страшныя кручи горъ стопудовыхъ орудій и нести послѣднія, чуть не на плечахъ своихъ, — въ этомъ, говоримъ, отрядѣ отношеніе артиллеріи къ числу людей было значительно болѣе даже нормальнаго, т. е. вмѣсто 4 орудій на 1000 человѣкъ, въ немъ приходилось 5 орудій на тѣ же 1,000 человѣкъ, или одно орудіе на 200 человѣкъ! Къ этому слѣдуетъ прибавить еще массу чрезвычайно тяжеловѣсныхъ зарядныхъ ящиковъ, которые предстояло встаскивать на горы тѣмъ же людямъ почти-что на рукахъ, ибо помощь животныхъ на страшно крутыхъ подъемахъ горъ и въ этомъ случаѣ была совершенно безполезна... Вышеупомянутое отношеніе артиллеріи къ числу людей въ Западномъ отрядѣ — показываетъ какъ много предстояло трудовъ войскамъ для предстоявшаго движенія черезъ Балканскія горы... Ниже мы увидимъ, что отряду пришлось впослѣдствіи бросить по сю сторону Балкановъ *около половины всей взятой съ собой артиллеріи*, за невозможностью перетащить ее всю черезъ горы. Тѣмъ не менѣе, войска не мало помучились до этого съ излишнею артиллеріею.

Впрочемъ, сказанное выше не вполнѣ еще уясняетъ трудность предстоявшаго передвиженія артиллеріи черезъ Балканскія горы. Если бы поручить, напримѣръ, какой нибудь партіи рабочихъ въ 200 человѣкъ перетащить черезъ горы стопудовое орудіе и нѣсколько тяжеловѣсныхъ зарядныхъ ящиковъ, то, быть можетъ, они исполнили бы это порученіе безъ особеннаго труда. Во-первыхъ, рабочіе взялись бы за это дѣло не торопясь, во-вторыхъ — всячески приноравливаясь къ нему и выбирая для того болѣе удобное и болѣе подходящее время или мѣсто. Совсѣмъ въ другомъ положеніи нахо-

дился отрядъ генерала Гурко. Здѣсь люди должны были тащить за собой на горы орудія и заряды и, въ то же время, сражаться съ непріятелемъ. Вслѣдствіе этого увеличилась, съ одной стороны, тяжесть труда, съ другой—неизбѣжно отвлекалась часть силъ отъ участія собственно въ перетаскиваніи орудій и зарядовъ; при этомъ некогда уже было ни приноравливаться къ труду, ни выбирать для этого подходящее время или мѣсто, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ слѣдуютъ категорическія приказанія, чтобъ были орудія въ такой-то часъ тамъ-то...

Прибавьте ко всему вышесказанному еще то обстоятельство, что солдать и безъ того обремененъ въ походѣ ношею тяжелаго ружья и мѣшка съ сухарями,—а также наступившее суровое время года, неизбѣжный въ военное время недостатокъ пищи и отсутствіе теплой одежды:—и тогда вполнѣ будетъ понятна вся тяжесть предстоявшихъ войскамъ Западнаго отряда трудовъ и лишеній!

Что касается до погоды, то еще до выступленія Западнаго отряда къ Балканамъ, въ концѣ октября мѣсяца, подъ Плевной начали уже показываться предвѣстники суровой зимы. Перепадавшіе до того времени дожди смѣнились густыми туманами. Ночные морозы начали иногда доходить до трехъ градусовъ, такъ что палатки солдатъ промерзали насквозь. У большинства людей вслѣдствіе этого открылся страшный кровавый поносъ. При такихъ-то обстоятельствахъ приходилось войскамъ Западнаго отряда двинуться изъ-подъ Плевны къ Балканскимъ горамъ, гдѣ стужа и морозы уже въ то время были гораздо сильнѣе, нежели подъ Плевной. При этомъ, какъ мы уже знаемъ, люди вовсе не были снабжены полушубками и довольствовались поношенными мундирами и довольно уже поистрепавшимися шинелями; только у гвардейскихъ солдатъ имѣлись, на каждомъ, шерстяныя вязаныя фуфайки, полученныя еще въ Петербургѣ, но также сильно уже обносившіяся подъ Плевной.

Тѣмъ не менѣе, въ началѣ ноября мѣсяца, войска Западнаго отряда бодро двинулись къ Балканскимъ горамъ. 1-го ноября выступила изъ-подъ Плевны 2-я гвардейская пѣхотная дивизія; за нею двинулась, 3-го ноября, 1-я гвардейская пѣхотная дивизія, а 4-го ноября выступилъ изъ Дольняго Дубняка и штабъ Западнаго отряда.

Движеніе въ первое время производилось безпрепятственно по

превосходнѣйшему софійскому шоссе и при благопріятной погодѣ. Небо совершенно разъяснилось; дни сдѣлались солнечные и довольно теплые; но свѣтлыя лунныя ночи были, по-прежнему, холодны, съ сѣвернымъ пронизывающимъ вѣтромъ, такъ что къ утру всѣ предметы покрывались густымъ инеемъ, точно снѣгомъ. Къ тому же, зелень по дорогѣ почти вся исчезла, и общая картина мѣстности носила отпечатокъ какой-то суровости, напоминавшей о близости зимы...

За Радомирцами началась уже настоящая горная мѣстность, составлявшая собственно предгоріе Балкановъ. Шоссе, по которому продолжали двигаться войска, обсаженное по обѣ стороны деревьями, шло уже извилинами съ горы на гору и изворачивалось въ ущельяхъ и долинахъ. Съ каждымъ часомъ пути горы становились все громаднѣе и круче, нерѣдко съ обнаженными отъ всякой растительности обрывами, и доходили въ иныхъ мѣстахъ до высоты 3,000 футъ; мѣстами встрѣчались отдѣльно стоящія горы, съ куполообразными вершинами; долины и ущелья съуживались, и въ нихъ глубинѣ ручейки и рѣчки стремились быстрѣе по каменистому ложу,—а вдали, сквозь голубоватый туманъ, виднѣлись уже темныя массы настоящихъ горъ-великановъ...

Мѣстность постепенно становилась все живописнѣе. Воздухъ кругомъ былъ чистъ и прозраченъ. По дорогѣ встрѣчалось множество фонтановъ, вода въ которыхъ была очень хороша. Подъ вліяніемъ этой новой обстановки и здороваго горнаго воздуха, люди замѣтно оживились и даже кровавые поносы мало-по-малу прекратились. Тѣмъ не менѣе горная стужа давала уже себя чувствовать. Чѣмъ выше поднимались кручи и чѣмъ живописнѣе становилась мѣстность, тѣмъ чувствительнѣе дѣлался холодъ и вѣтеръ... Днемъ солнце еле уже согрѣвало. Оттаявшая, подъ вліяніемъ его лучей, земля съ наступленіемъ темноты охватывалась морозомъ, дорога подмерзала, и гололедица становилась къ ночи нестерпимой. Лошади съ трудомъ уже везли даже на небольшую гору.

Артиллерія шла по дорогѣ въ два орудія. Войска растянулись длинной вереницей по широкому шоссе: колонны пѣхоты, артиллерійскіе парки, колонны кавалеріи — шли въ перемежку. По извилистой дорогѣ, то поднимающейся въ гору, то огибающей горныя кручи,

виднѣлись въ разнообразныхъ группахъ войска или двигающіяся, или отдыхающія на бивуакахъ въ сторонкѣ, среди красивой обстановки горъ. Завертываясь въ свои истасканныя шинелишки и закусывая сухаремъ, солдаты отдыхали, и затѣмъ опять брели впередъ по горамъ. 5-го ноября, къ вечеру, погода однако снова совершенно испортилась; подулъ холодный, рѣзкій вѣтеръ, поднялась мятель сдѣлалось такъ холодно, что офицеры ежились на сѣдлѣ, а солдаты прибавляли шагу. Начальники кутались кто въ пальто, кто въ пальто бурку. Но это было только еще преддверіе всѣхъ лишеній и ужасовъ горнаго похода...

Къ 9-му ноября всѣ войска Западнаго отряда стянулись наконецъ къ д. Яблоницѣ, расположенной на вѣсотѣ 1,381 фута среди еще болѣе высокихъ, окружающихъ ее, горъ.

Весь обозъ, за исключеніемъ ящиковъ и лазаретныхъ линеекъ, былъ оставленъ въ д. Радомирцахъ, такъ что отъ этой деревни всѣ тяжести должны уже были идти на вьюкахъ. Въ отрядѣ передавали другъ другу, что генералъ объявилъ всѣмъ начальникамъ, чтобы «ни одного колеса не было въ обозѣ».

Въ Яблоницѣ, войска Западнаго отряда были задержаны на нѣсколько дней, съ приказаніемъ укрѣпиться на позиціи, хотя непріятеля и не было видно. Погода стояла все время пасмурная, по ночамъ было довольно свѣжо и очень сыро. Палатки намокали страшно, и солдаты старались днемъ не заглядывать туда. Тоска на позиціяхъ царила, вообще, невыносимая, по случаю остановки движенія и безпѣльнаго состоянія на одномъ мѣстѣ. Только съ пригономъ въ бивуаку порціоннаго скота, позиціи наши обыкновенно нѣсколько оживлялись. Живо солдаты раскладывали костры, веселѣе становилось на позиціи отъ появившихся огоньковъ, каждый хлопоталъ уже около своей манерки, тянулись и команды внизъ къ Искеру за водою. Каждому находилась работа: одинъ рубилъ дрова, другой разводилъ костеръ, тотъ пошелъ съ тремя манерками за водой, а тамъ уже сидятъ, на корточкахъ и глубокомысленно смотрятъ на закипающіе котелки... Но вотъ незамѣтно наступаетъ вечеръ. Солдаты вползаютъ въ мокрыя палатки, или просто въ ложементы, и начинаютъ между собой тихіе разговоры, вспоминая про свою родину, про теплыя хаты, а кругомъ становится все тише и тише, шаговъ часовыхъ почти уже

не слышно; туманъ собирается надъ Искеромъ, точно молочная рѣка течетъ по долинѣ; вотъ полоса его набѣгаетъ на холмы, и они окутываются словно бѣлымъ саваномъ...

Съ нашихъ аванпостовъ открывался обширный видъ на лежащіе впереди далевія темныя массы горъ, занятыя турками, спрятанными въ извилистыхъ кручахъ, на гребняхъ вершинъ и въ лѣсахъ, покрывающихъ склоны горъ. Наши аванпосты были расположены въ 10 верстахъ отъ Яблоницы, у Осикова, по обѣ стороны софійскаго шоссе; состояли они изъ казаковъ—кубанцевъ, кучками въ 5 человѣкъ, разбросанными по возвыше нностямъ. Пять маленькихъ невзрачныхъ лошадей стоятъ кружкомъ около вороха сѣна, тутъ же въ сторонкѣ горитъ небольшой огонь, на которомъ кубанцы варятъ себѣ щи изъ капусты съ сухарями; ружья поставлены въ козлахъ наготовѣ; но непріятеля не видно вовсе. Какая-то мертвая тишина царила и въ окружающихъ горахъ, покрытыхъ наверху снѣгомъ, сверкающимъ на солнцѣ...

Выходившіе за наши аванпосты, верстъ на пять впередъ, русскіе развѣдчики—полковникъ Паренцевъ и хорунжій князь Церетелевъ съ 50-ю охотниками-осетинами—видѣли турецкую пѣхотную цѣпь, поставленную на горныхъ хребтахъ, для охраненія не только большихъ дорогъ, но и трудно-проходимыхъ вьючныхъ тропинокъ; турецкіе солдаты стояли на снѣгу попарно, на разстояніи 50 саженъ, другъ отъ друга, причемъ на самыхъ перевалахъ замѣтны были вырытые ровики для пѣхоты. Очевидно было, что турки, наученные опытомъ ханкіойскаго обхода, зорко стерегли теперь малѣйшія горныя тропинки и что, слѣдовательно, захватить нынѣ турокъ врасплохъ было невозможно.

Между тѣмъ, опасность предстоявшихъ намъ операцій въ горахъ и неизбѣжныхъ при этомъ трудовъ и лишеній—начала, повидимому, все болѣе и болѣе сознаваться въ средѣ начальства отряда. Узнавъ объ этомъ, генералъ Гурко собралъ къ себѣ всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей и произнесъ передъ ними энергическую рѣчь, въ которой предложилъ строго слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не позволялъ себѣ никакихъ сужденій относительно хода нашихъ дѣйствій, при чемъ замѣтилъ: «впослѣдствіи меня будетъ судить исторія; теперь же единственные судьи моихъ дѣйствій главнокомандующій и

Государь Императоръ, и пока эта голова на плечахъ (онъ указалъ на свою голову)—она одна будетъ распоряжаться». Затѣмъ, очертивъ предстоящія отряду трудности, генералъ-адъютантъ Гурко желалъ получить ручательство командировъ частей, что войска выдержатъ съ честью и твердостью предстоящія имъ гигантскія усилія. Разумѣется, всѣ единодушно отвѣчали, что ручаются за свои части.

Изъ Яблоницы предстояло уже повести первоначальныя операціи противъ турецкихъ позицій въ горахъ. Изъ произведенныхъ рекогносцировокъ и развѣдокъ о непріятелѣ выяснилось, что турки занимали довольно сильныя позиціи на софійскомъ шоссе, не доходя г. Орханіе — у Правца, и на дорогѣ на Бабаконакскій перевалъ — впереди города Этрополя. Такъ какъ Правецъ лежитъ на дорогѣ изъ Орханіе въ Этрополь, то предположено было направить главный ударъ на Правецкія позиціи турокъ. Съ этой цѣлью составлены были два отряда: одинъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта графа Шувалова, предназначенный для дѣйствія собственно противъ Правецкихъ позицій турокъ; другой—подъ начальствомъ генералъ-маіора Дандевиля, направленный на Этрополь, съ цѣлью удержать гарнизонъ этого города отъ подачи помощи правецкимъ войскамъ *).

Послѣдуемъ прежде всего за войсками графа Шувалова.

Отрядъ графа Шувалова былъ, въ свою очередь, раздѣленъ на двѣ колонны: одна **), подъ начальствомъ генералъ-маіора Эллиса 1-го, была направлена по софійскому шоссе, непосредственно противъ фронта правецкихъ позицій; другая ***), подъ начальствомъ генералъ-маіора Рауха, была двинута въ обходъ лѣваго фланга правецкихъ позицій, по горной тропинкѣ, на Лаковице. Остальныя части оставались въ резервѣ.

---

*) Третій отрядъ—изъ гвардейской кавалеріи, подъ начальствомъ генералъ-маіора Клодта, былъ направленъ изъ Врацы на Орханіе, для демонстраціи противъ этого пункта.

**) Лейбъ-гвардіи Московскій полкъ, 2-й и 3-й гвардейскіе стрѣлковые батальоны, три сотни кубанскихъ казаковъ, 8 пѣшихъ и 6 конныхъ орудій.

***) Лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, 1-й и 4-й гвардейскіе стрѣлковые батальоны, три сотни кубанскихъ казаковъ, команда л.-гв. сапернаго батальона, 4 орудія л.-гв. 6-й донской батареи, 2 орудія 8-й донской батареи и 2 орудія конно-горной батареи.

Позиція турокъ у Правца состояла изъ длиннаго горнаго кряжа, который по высотѣ своей господствовалъ надъ ближайшими къ нему, съ нашей стороны, высотами. Ложементы турокъ пересѣкали кряжъ во всѣхъ направленіяхъ и представляли огонь въ нѣсколько ярусовъ; на болѣе важныхъ пунктахъ на кряжѣ имѣлись блиндированные редуты и батареи. Дорога или шоссе проходила по подошвѣ этого кряжа, подъ страшнымъ обрывомъ, огибая его съ лѣвой стороны. Такимъ образомъ, турки могли обстрѣливать каждаго человѣка, рискнувшаго проѣхать по шоссе. Вообще вся Правецкая позиція турокъ была неприступна съ фронта, по причинѣ страшной крутизны подъемовъ на нее. Поэтому главный ударъ туркамъ предоставлено нанести обходной колоннѣ генерала Рауха, долженствовавшей зайти во флангъ и тылъ Правецкихъ высотъ, гдѣ были болѣе доступные пути на позицію турокъ; колоннѣ же генерала Эллиса 1-го, двинутой прямо по шоссе, предстояло вести лишь демонстративныя дѣйствія противъ фронта непріятеля.

10 ноября, съ разсвѣтомъ, на бивуакѣ въ д. Яблоницѣ все засуетилось; еще недостаточно разсвѣтало, а войска уже выступали. Колонна генерала Эллиса двинулась изъ Осикова, въ 9 часовъ утра, по софійскому шоссе. Было холодно и сыро. Съ утра туманъ долго не разсѣявался, и войска двигались какъ бы ощупью. Тѣмъ не менѣе, шедшіе впереди колонны владикавказцы живо заставили непріятельскіе аванпосты очистить ближайшія къ намъ высоты. Эти дѣйствія колонны генерала Эллиса, не смотря на весьма сильный отвѣтный артиллерійскій огонь турокъ, заставили послѣднихъ окончательно отойти на главную ихъ позицію на горномъ кряжѣ у Правца. Въ то же время былъ вызванъ изъ резерва изъ Осикова 2-й батальонъ Псковскаго полка.

Вечеромъ получено было донесеніе отъ генерала Рауха, что его колонна, вслѣдствіе встрѣченныхъ ею на дорогѣ неимовѣрныхъ препятствій, дошла въ этотъ день только до половины назначеннаго ей пути. Поэтому графъ Шуваловъ, находившійся все время при колоннѣ генерала Эллиса, приказалъ войскамъ послѣдняго ночевать на занятыхъ позиціяхъ *).

*) Въ теченіи ночи графъ Шуваловъ поднялъ нѣсколько орудій на горы, по-

Съ трехъ часовъ по полуночи по всей линіи завязалась снова жаркая артиллерійская перестрѣлка съ турками.

11-го ноября, около часу по полуночи, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ турокъ показалась, наконецъ, голова колонны генерала Рауха. Тогда-же прибылъ на позицію графа Шувалова генералъ-адъютантъ Гурко и приказалъ поставить на высокую гору, куда еле-были встащены ночью 4-хъ-фунтовки, еще два 9-ти-фунтовыхъ орудія... Доставка этихъ орудій была поручена л.-гв. Финляндскому полку, только что прибывшему изъ резерва по распоряженію генерала Гурко.

Такъ какъ подъемъ былъ страшно труденъ, то на лошадяхъ взвезти туда 9-ти-фунтовки нечего было и думать. Послали за волами, но набрать ихъ достаточное число не успѣли. Пришлось финляндцамъ самимъ тащить орудія на рукахъ; на каждое орудіе было отряжено по ротѣ солдатъ. Гора была такъ крута, что человѣку и безъ всякой ноши взбираться на нее было трудно, а наши солдаты тащили туда 9-ти-фунтовыя орудія! Потъ катился съ нихъ градомъ, они едва переводили духъ, а все подвигались впередъ. Дотащили, наконецъ, до первой площадки и остановились отдохнуть; оставалось пройти еще третью часть горы. Тогда послали нѣсколько разъ Измайловскаго полка на смѣну финляндцамъ...

— Нѣтъ, мы не дадимъ! мы ихъ тащили, мы ихъ и уставимъ,— отвѣчали финляндцы, и съ крикомъ и пѣснями бѣгомъ встащили двѣ девяти-фунтовки на самый гребень горы...

Такъ какъ главный ударъ туркамъ должна была все-таки нанести колонна генерала Рауха, то на позиціи графа Шувалова во весь этотъ день должны были ограничиться лишь усиленіемъ артиллерійскаго огня противъ фронта непріятеля.

Послѣдуемъ теперь за колонной генерала Рауха, на долю которой выпали большія трудности въ дѣлѣ овладѣнія Правецкой позиціей.

Путь для колонны генерала Рауха, въ обходъ Правецкой позиціи, былъ скорѣе вьючною тропинкою, которая была заранѣе обрекогносцирована подполковникомъ генеральнаго штаба Пузыревскимъ, ко-

---

строилъ батарею на 8 девяти фунтовыхъ орудій и вызвалъ изъ резерва Измайловскій полкъ.

торый относительно этой непроходимой тропинки сообщилъ, что дорога до Вздрэри не представляетъ особенныхъ неудобствъ. Отсюда дорога представляетъ постоянно крутые и длинные, часто около версты, подъемы и спуски, иногда превращающіеся въ тропинку, теряющуюся въ дубовыхъ лѣсахъ и порослякъ, покрывающихъ въ этомъ мѣстѣ дикія предгорія Балкановъ. Часто полотно тропинки состоитъ изъ сплошнаго камня, огромными ступенями подымавшагося вверхъ; въ иныхъ мѣстахъ оно шло по промоинамъ, усѣяннымъ высоко торчащими каменными глыбами. Кое-гдѣ часть полотна была совершенно сорвана горными потоками, такъ что движеніе становилось здѣсь невозможнымъ; точно также оно почти прекращалось въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ каменные утесы выдвигались до половины дороги, такъ что колеса должны были принимать здѣсь совершенно наклонное положеніе къ пропасти... Подходя къ деревнѣ Калугерову, тропинка то и дѣло переходитъ съ одного берега Малаго Искера на другой, а отъ деревни Калугерова до деревни Лаковице она вьется по ущелью рѣчки Правца, также постоянно переходя съ одного берега на другой; при этомъ оба упомянутые ручья, какъ и всѣ горныя рѣчки, текутъ стремительно, имѣютъ каменистое дно и глубокія впадины, незамѣтныя подъ водою.

Въ виду всего сказаннаго, вышеописанная тропинка представляла такія трудности для движенія артиллеріи, что даже 4-хъ-фунтовыхъ орудій не представлялось возможности провезти по ней.

Тѣмъ не менѣе, рѣшено было воспользоваться этимъ длиннымъ и труднымъ путемъ, такъ какъ мѣстные жители не могли указать другой обходной дороги.

На картѣ вышеописанный путь, т. е. разстояніе между д. Яблоницей въ юго-восточномъ направленіи къ Правцу, представляется лишь короткимъ однодневнымъ переходомъ, не превышающимъ, повидимому, пятнадцати верстъ; въ дѣйствительности же переходить здѣсь приходится, считая всѣ извилины дороги, чуть ли не пятьдесятъ верстъ и, къ тому же, по труднѣйшимъ подъемамъ и спускамъ, по самымъ первобытнымъ тропинкамъ! Вслѣдствіе этого, колонна генерала Рауха, чтобы поспѣть къ мѣсту дѣйствія одновременно съ прочими нашими войсками, должна была выступить днемъ раньше прочихъ отрядовъ.

9-го ноября, въ два часа по-полудни, колонна эта, въ числѣ 5,000 человѣкъ, выступила изъ Яблоницъ. Чтобы вполнѣ понять предстоявшія затрудненія отряду, необходимо припомнить, что изъ этого числа людей онъ долженъ былъ выдѣлить значительную часть для прикрытія движенія и наблюденія за непріятелемъ; такую же часть людей отдѣлить для разработки пятидесяти-верстнаго пути въ помощь сапернамъ; остальнымъ же людямъ приходилось тащить на себѣ восемь 4-хъ-фунтовыхъ орудій и нѣсколько зарядныхъ ящиковъ... Такимъ образомъ отрядъ долженъ былъ въ одно и то же время и передвигать черезъ всѣ препятствія орудія и зарядные ящики, и разрабатывать дорогу, и прикрывать движеніе со стороны непріятеля.

Само собою разумѣется, что никакого колеснаго обоза, исключая зарядныхъ ящиковъ, съ отрядомъ не было взято; даже лазаретныя линейки были оставлены назади; всѣ офицерскія вещи, перевязочныя принадлежности и динамитъ слѣдовали на вьюкахъ. Сухарей люди имѣли достаточный запасъ на себѣ, въ мѣшкахъ, патроны въ сумкахъ и карманахъ, всего по 90 патроновъ на человѣка.

И такъ, въ два часа по-полудни, 9-го ноября, отрядъ выступилъ изъ деревни Яблоницъ и движеніе вплоть до д. Ведрари было произведено въ обыкновенномъ походномъ порядкѣ, съ соблюденіемъ лишь извѣстныхъ мѣръ предосторожности, на случай столкновенія съ непріятелемъ. На первый разъ колонна шла всего три часа, и съ пяти до восьми часовъ вечера простояла на бивуакѣ въ д. Ведрари, чтобы дать отдыхъ людямъ, въ виду предстоявшихъ трудностей, а также съ цѣлью дать время разставить въ надлежащихъ мѣстахъ рабочія команды и начать исправленіе пути. При этомъ, на первой половинѣ пути воспрещено было производить взрывы динамитомъ. Точно также на бивуакѣ костровъ не зажигали, чтобы не открыть движенія туркамъ, и не готовили ни ѣды, ни чая; люди пробавлялись однимъ лишь черствымъ хлѣбомъ.

Отъ д. Ведрари пришлось уже особымъ образомъ организовать движеніе и принять мѣры для энергической разработки дороги. Артиллерія была распредѣлена по всей колоннѣ главныхъ силъ, причемъ каждому баталіону было придано по два орудія, которыя, такъ сказать, и должны были быть перевозимы усиліями всѣхъ людей баталіона. При дальнѣйшемъ слѣдованіи отряда пришлось, впрочемъ,

Генералъ-Адъютантъ Гурко.

нѣсколько иначе организовать движеніе артиллеріи, а именно: къ каждому орудію и зарядному ящику придано было по 40 человѣкъ, изъ которыхъ 20 назначались собственно для перетаскиванія орудій, а 20 несли оружіе своихъ товарищей. Команды эти находились въ вѣдѣніи офицеровъ, которые, такимъ образомъ, и становились отвѣтственными за движеніе ввѣренныхъ имъ орудій.

Въ 11 часовъ ночи, главныя силы отряда начали движеніе. Рабочіе успѣли уже разработать часть пути. Не смотря на относительно значительный составъ отряда, движеніе происходило въ глубокой тишинѣ. Вначалѣ облачное, небо стало понемногу разъясняться, и вскорѣ взошедшая луна слабо освѣтила путь медленно двигающейся колонны.

Такъ какъ дорога тотчасъ изъ дер. Ведрари ведетъ горнымъ ущельемъ, то отрядъ скоро растянулся на значительное разстояніе, а торчащіе на пути камни, промоины и косогоры заставили всю колонну вытянуться буквально гуськомъ. Въ самомъ началѣ этого пути дорога была уже не хороша, но люди еще кое-какъ подвигались впередъ. Артиллерія же съ первыхъ шаговъ потребовала помощи пѣхоты. Особенно приходилось осторожно двигаться на крутыхъ поворотахъ, такъ какъ уносы орудій (переднія лошади), загнувъ по дугѣ, вытягивались потомъ по прямой линіи, и такимъ образомъ орудіе легко могло сорваться въ пропасть. Потребовались величайшія усилія отъ людей, поддерживавшихъ орудія руками и привязывавшихъ крѣпкіе канаты къ жерламъ пушекъ и, такимъ образомъ, съ неимовѣрнымъ трудомъ удерживавшихъ ихъ отъ паденія.

Послѣ перваго перехода на правый берегъ Малаго Искера, отрядъ почти сразу началъ подвигаться по нависшей надъ пропастью тропинкѣ, поднимавшейся до высоты облаковъ, которыя вскорѣ и скрыли отрядъ въ своемъ мракѣ... Здѣсь дорога была такъ узка, что наружныя колеса лафетовъ шли на поларшина надъ пропастью, причемъ оси принимали наклонное къ пропасти положеніе... Отряду стоило здѣсь нечеловѣческихъ усилій тянуть впередъ артиллерію и особенно зарядные ящики. Горныя орудія двигались еще достаточно свободно; четырехъ-фунтовыя же конныя орудія почти на каждомъ шагу требовали помощи людей; что же касается до зарядныхъ ящиковъ, то они составляли истинное мученіе отряда. Движеніе ихъ безпрерывно задерживало отрядъ. Несмотря, однако, на всю ловкость прислуги и

дружную помощь людей, одинъ зарядный ящикъ съѣхалъ съ дороги, а другой съ упряжкой и лошадьми сорвался въ пропасть на глубину двадцати саженъ, такъ быстро, что даже не успѣли перерубить всѣхъ постромокъ, причемъ коренную лошадь дышломъ подняло на воздухъ, опрокинуло назадъ и убило, а ѣздовой былъ задушенъ. Остальнымъ людямъ, что состояли при фурѣ, удалось во-время вскарабкаться на утесы и тѣмъ избѣгнуть неминуемой смерти. Солдаты, видя это, стали предлагать оставить фуры на мѣстѣ, вызывалсь порохъ и ядра съ самоотверженіемъ нести на рукахъ; но, въ виду опасности подобнаго способа переноски снарядовъ, это не было разрѣшено. Тогда удвоены были усилія людей, и фуры стали втягиваться на горы съ новою энергіей. Опрокинувшійся ящикъ дружными усиліями людей только на слѣдующій день былъ вытащенъ и также прибылъ къ своему мѣсту.

Взрытою тропинкою дотого трудно было подвигаться, что ноги лошадей постоянно вязли въ разсѣлинахъ камней и копыта у нихъ срывались съ костей до крови. Лошадей было немного при отрядѣ, безъ нихъ же идти впередъ было невозможно, а потому принуждены были обвязать безкопытныя ноги тряпками, и такимъ-то образомъ бѣдныя животныя опять тянули вверхъ тяжелыя пушки и фургоны. Всю ночь 10-го ноября и утро 11-го подвигались несчастныя лошади впередъ, приставая на пути, не проходя и двухъ верстъ въ часъ.

Что выстрадали люди на этомъ длинномъ переходѣ—невозможно также передать словами! Пріученные къ мясу, котораго имъ всегда давалось вволю, солдаты здѣсь пробавлялись одними лишь черствыми сухарями. Съ тяжелымъ мѣшкомъ на спинѣ, каждому изъ нихъ приходилось еще тащить орудія и фургоны и, въ то же время, карабкаться со скалы на скалу при неимовѣрныхъ усиліяхъ, такъ какъ, не будучи горцами, они не имѣли той сноровки, которою избѣгается излишняя трата силъ. Достаточно сказать, что многіе шатались отъ утомленія какъ пьяные, что три солдата умерли на дорогѣ отъ утомленія! Солдату Семеновскаго полка отдавили колесомъ ногу, другому сломали бедро и два ребра... Но замѣчательно при этомъ, что, какъ со стороны солдатъ, такъ и со стороны офицеровъ, не только не слышно было ни малѣйшаго ропота, но, напротивъ, всѣ считали, такъ сказать, для себя вопросомъ чести провести успѣшно ввѣрен-

ныя имъ орудія, и гордились понесенными трудами. Въ особенности артиллеристы подавали примѣръ въ дружныхъ усиліяхъ и бодромъ настроеніи духа.

Кромѣ препятствій, встрѣчаемыхъ на каждомъ шагу на тропинкѣ еще сильно задерживалъ движеніе отряда, всю ночь окутывавшій горы, густой туманъ. При этомъ людямъ, вытянувшимся гуськомъ изъ-за малѣйшаго препятствія приходилось поминутно всѣмъ останавливаться то на 5 минутъ, то на часъ и даже дольше. При подобномъ горномъ походѣ, солдатъ, разъ попавши между опредѣленными частями отряда, долженъ уже былъ и оставаться тутъ, словомъ—долженъ былъ находиться въ такомъ же положеніи, какъ «въ хвостѣ» передъ кассою театра, когда выдаются билеты...

Особенно были тяжелы эти остановки во время частыхъ переходовъ черезъ рѣчку Искеръ. Рѣка здѣсь такъ извивается между горными вершинами, что отряду пришлось цѣлые десять разъ переправляться черезъ рѣчку, прежде чѣмъ онъ добрался до слѣдующей по пути деревни Калугерова! Когда впереди что нибудь случалось, всѣ идущіе сзади тоже останавливались, и кого этотъ случай застигалъ во время перехода черезъ рѣку, то ему приходилось останавливаться въ самой рѣкѣ, иногда по поясъ въ водѣ! Въ такомъ положеніи нѣкоторымъ приходилось ждать часа по полтора! Вѣтеръ былъ довольно сильный, а потому, когда офицеры взлѣзали на коней, думая этимъ облегчить свое положеніе въ рѣкѣ, то насквозь мокрыя ноги ихъ начинали страшно зябнуть. Не, забудьте также что это была ночь,—всѣхъ такъ и клонило ко сну... Но, при упомянутыхъ остановкахъ въ водѣ, никто не имѣлъ возможности прислониться къ чему нибудь, чтобъ хоть на минутку вздремнуть....

Невыносимы были эти остановки и на твердой дорогѣ: только что солдатъ сядетъ, начнетъ дремать — опять поднимайся, и не успѣетъ онъ сдѣлать 20 — 30 шаговъ, какъ снова остановка...: Верхомъ ѣхать было еще хуже: всѣ офицеры вели лошадей въ поводу.

Такъ шли люди всю ночь и все утро 10-го ноября, и къ часу по-полудни отрядъ началъ, наконецъ, подтягиваться къ с. Калугерову, пройдя, такимъ образомъ, въ четырнадцать часовъ всего лишь 12 верстъ! При всемъ томъ, одинъ батальонъ семеновцевъ, съ че-

тырьмя орудіями, значительно отсталъ и не могъ прибыть къ указанному времени даже въ Калугерово.

Въ Калугеровѣ дана была отряду самая короткая остановка, не болѣе часа времени, такъ какъ здѣсь стало уже очевидно, что если отряду не идти впередъ, съ наибольшею поспѣшностью, то онъ не дойдетъ до долины Правца къ назначенному времени. Вслѣдствіе этого, отрядъ сталъ подвигаться впередъ со всевозможною поспѣшностью.

Путь отъ Калугерова хотя былъ нѣсколько лучше предъидущаго, но крайней мѣрѣ, безъ длинныхъ подъемовъ, но также требовалъ разработки. Тотчасъ по прибытіи въ Калугерово отставшей артиллеріи, отрядъ тронулся впередъ, вдоль по руслу небольшой горной рѣчки Правечки. Пришлось ее перейти разъ двадцать, дороги никакой, подъемы изъ рѣчки страшно крутые, а потому артиллерія шла большею частью по самому руслу; но и тутъ было не легче: по всему руслу разбросаны были громадные каменья, между которыми съ шумомъ пробивалась рѣка, а по сторонамъ высились отвѣсной стѣной лѣсистые, или совершенно обнаженные скаты горъ...

Около 4-хъ часовъ по полудни, 10-го ноября, отрядъ началъ мало по малу стягиваться къ д. Лаковице. Оставивъ здѣсь батальонъ пѣхоты для прикрытія отставшихъ орудій, генералъ Раухъ двинулъ немедленно колонну далѣе, по дорогѣ, указанной мѣстными жителями.

Туманъ, висѣвшій надъ горами весь этотъ день, къ вечеру до того сгустился, что оказалось, наконецъ, совершенно невозможнымъ двигаться впередъ почью, по неизвѣстнымъ никому тропинкамъ. Къ тому же дорога начала опять перебѣгать съ одной кручи на другую, суживаясь въ иныхъ мѣстахъ до ширины пѣшеходной тропинки, т. е. требовала опять на каждомъ шагу разработки и громадныхъ усилій для перевозки артиллеріи. Между тѣмъ лошади находились уже въ работѣ съ двѣнадцати часовъ дня 9-го числа, т. е. тридцать часовъ; при этомъ кормъ, какъ лишняя тяжесть, былъ сброшенъ съ лафетовъ, вслѣдствіе чего лошади находились безъ пищи уже $1\frac{1}{2}$ сутокъ; ихъ только поили, когда проходили черезъ рѣчки. Людямъ приходилось еще тяжелѣе: они сдѣлали ночной переходъ по горамъ въ 27—28 верстъ, безъ сна, безъ отдыха, неся на своихъ

плечахъ артиллерію, и въ теченіи тридцати часовъ ни разу не варили себѣ горячей пищи. Очевидно было, что въ этотъ день, даже вечеромъ, отрядъ не поспѣетъ къ дѣлу.

Въ такихъ обстоятельствахъ генералъ Раухъ рѣшился остановиться на ночлегъ, съ тѣмъ, чтобы съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня продолжать движеніе въ обходъ турокъ.

Былъ уже шестой часъ вечера, когда колонна, отойдя версты $1^1/_2$ отъ д. Лаковице, остановилась, среди наступившей темноты, на ночлегъ. Бивуакъ пришлось выбрать на небольшой полянѣ, на хребтѣ, окруженномъ громадными, поросшими лѣсомъ вершинами. Не смотря на то, что было довольно свѣжо, разводить костры, въ виду близости непріятеля, было строго воспрещено. Люди, окончательно выбившіеся изъ силъ, не раздувая огня и не принимая пищи, тутъ-же, какъ кто гдѣ стоялъ, такъ и повалились отъ усталости, какъ снопы... Не прошло и получаса, какъ весь бивуакъ, освѣщаемый слабымъ лунымъ свѣтомъ, пробивавшимся сквозь облака и туманъ, погрузился уже въ мертвую тишину. Всѣ крѣпко спали, несмотря на крайне неудобную постель, въ видѣ кукурузнаго поля съ торчащими стволами срѣзанныхъ колосьевъ... Когда офицеры стали обходить бивуакъ, то нашли даже часовыхъ спящими глубокимъ сномъ, изъ котораго ихъ никакая брань, никакія угрозы пробудить уже не могли, хотя они тутъ стояли чуть не лицомъ къ лицу съ непріятелемъ! Только неутомимые кубанскіе казаки, поставленные пикетами на окружающихъ высотахъ, зорко стерегли отдыхающій отрядъ.

Лошади также пластами растянулись на землѣ, лишь только ихъ выпрягли, и продрожали, бѣдныя, всю ночь—не отъ холода, а отъ чрезмѣрнаго напряженія силъ.

Какъ ни холодна была эта туманная ночь, она казалась изнеможеннымъ людямъ большимъ благодѣяніемъ. Всѣ отлично проспали всю ночь. Наступило утро 11-го ноября. Солдаты поднялись какъ встрепанные, и снова имъ пришлось идти впередъ, переправляться черезъ рѣчку Правечку и опять подниматься по ущелью, круто шедшему въ гору...

Близокъ казался уже конецъ этого тяжелаго подъема, но тутъ люди достигли уже высшей степени изнеможенія. Сила воли какъ-то во всѣхъ притупилась, едва сознавалась близость непріятеля; не бы-

ло ни ропота, ни неохоты въ людяхъ, а просто полнѣйшій упадокъ силъ, невозможность собраться съ духомъ для дальнѣйшаго карабканья по скаламъ! Вдругъ, съ вершинъ, высящихся надъ ущельемъ, открытъ былъ непріятелемъ сильный огонь по нашей колоннѣ... Пришлось остановиться и завязать перестрѣлку. Оказалось, что турки заняли оба склона ущелья, въ особенности правый, гдѣ у нихъ на послѣдней высотѣ, у выхода изъ ущелья, были вырыты ложементы и укрѣпленія для артиллеріи. За ущельемъ проходило орханійское шоссе, на которомъ былъ расположенъ укрѣпленный лагерь турокъ. Шедшіе впереди нашей колонны, кубанцы тотчасъ же спѣшились и полѣзли въ гору, обходя правый флангъ турокъ.

Роты 1-го гвардейскаго стрѣлковаго батальона были также двинуты на высоту вправо отъ дороги и, несмотря на страшное утомленіе, бодро пошли противъ фронта и въ обхватъ лѣваго фланга турокъ. Подвигаясь шагъ за шагомъ, пользуясь кустами и другими прикрытіями, цѣпляясь за сучья и опираясь на ружья, наши изнеможенные стрѣлки упорно лѣзли на кручи, постепенно вытѣсняя турокъ все далѣе и далѣе къ ихъ ложементамъ и батареямъ. Въ помощь стрѣлкамъ были двинуты вскорѣ семеновцы, направленные по лѣвой сторонѣ ущелья; при этомъ горы были такъ круты, что нѣкоторымъ ротамъ семеновцевъ пришлось, подъ непріятельскимъ огнемъ, буквально катиться внизъ на спинахъ по совершенно голымъ песчано-каменистымъ скатамъ... Къ 6-ти часамъ пополудни прибыли, наконецъ, къ мѣсту дѣйствія наши далеко отставшія назади орудія, причемъ расчистку дороги и встаскиваніе орудій на высоты пришлось производить подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ. Но мѣткій огонь стрѣлковъ и появленіе нашей артиллеріи окончательно заставили непріятеля бросить не только ложементы, но и три лагеря на орханійскомъ шоссе. Съ наступленіемъ сумерекъ, турки бѣжали по направленію къ Орханіе, провожаемые огнемъ нашей артиллеріи.

Оказалось, что колонна генерала Рауха вышла противъ лѣваго фланга Правецкой позиціи турокъ, отъ куда и опрокинула ихъ. Отрядъ генерала Эллиса 1-го, продолжавшій стоять на занятыхъ имъ высотахъ передъ фронтомъ Правецкой позиціи, къ вечеру этого дня успѣлъ войти въ связь съ колонной генерала Рауха и также содѣйствовалъ

усиленнымъ артиллерійскимъ огнемъ преслѣдованію бѣжавшихъ турокъ. Но значительная часть ихъ осталась еще во фронтѣ Правецкой позиціи въ ложементахъ, откуда они были выбиты уже въ 2 часа по-полуночи 200-ми охотниковъ л. гв. Измайловскаго полка, незамѣтно подравшимися, подъ покровомъ темноты, къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ.

Такимъ образомъ, къ утру 12-го ноября, вся Правецкая позиція турокъ перешла въ наши руки. Потери наши въ обѣихъ колоннахъ были ничтожны: въ колоннѣ генерала Рауха выбыло изъ строя всего 30 человѣкъ, а въ колоннѣ генерала Эллиса 11 человѣкъ.

Турки, вообще, повержены были въ такое несказанное удивленіе энергіей и предпріимчивостью, выказанными въ этомъ случаѣ русскими войсками, такъ были поражены быстротою нашего прихода, что, нажатые съ фронта и обойденные съ фланга, они не замедлили отступить, лишь только увидѣли, что имъ открытъ путь къ тому лишь съ одной стороны *).

Однако, столь легкая, съ военной точки зрѣнія, побѣда была одержана цѣною тяжкихъ трудовъ и лишеній людей. Въ реляціяхъ конечно не упоминается о павшихъ отъ истощенія и болѣзней, о сбившихъ себѣ ноги по скаламъ и кручамъ Балкановъ и проводившихъ въ рваномъ платьишкѣ холодныя ноябрскія ночи... Но въ этомъ-то и заключалась вся суть дѣла. Главнымъ образомъ весь успѣхъ былъ пріобрѣтенъ твердостью начальниковъ и выносливостью солдатъ и офицеровъ. Войска двигались по горной мѣстности, гдѣ не было дорогъ и гдѣ каждую версту можно было смѣло приравнять къ пяти верстамъ ходьбы по ровной мѣстности, вслѣдствіе утомительности и тяжести пути.

Помимо важнаго результата, добытаго въ этомъ случаѣ овладѣніемъ сильной непріятельской позиціей, переходъ этотъ былъ чрезвычайно полезенъ отряду еще тѣмъ, что онъ закалилъ людей вконецъ, подвергнувъ ихъ самому серьезному испытанію, которому можетъ быть подвержена человѣческая храбрость и сила устойчивости. Люди мрутъ отъ усталости, но все же идутъ впередъ и впередъ

*) Турки занимали позицію у Правца въ числѣ 9 батальоновъ, при 3-хъ дальнобойныхъ орудіяхъ и одной горной батареѣ.

и для возвращенія утраченныхъ силъ имъ не требуется никакого другаго возбудительнаго средства, какъ непріятельскій огонь, который возвращаетъ имъ силы и бодрость, будто по мановенію волшебнаго жезла! Съ такими войсками генералъ Гурко, конечно, могъ рисковать, рѣшаясь на дальнѣйшее движеніе въ горы.

По окончаніи боя у Правца, вечеромъ 11-го ноября, войска наши могли, наконецъ, убѣдиться, на какую высоту они забрались: теперь они стояли буквально выше облаковъ. Еще къ концу боя, передъ закатомъ солнца, внизу подъ ногами нашихъ войскъ, на склонахъ горъ начали сгущаться массы сѣраго тумана. Передъ войсками развернулась самая величественная картина! Облака освѣтились розовымъ отсвѣтомъ тамъ, гдѣ сквозь нихъ силились пробиться лучи заходящаго солнца; фантастическое освѣщеніе это представляло живѣйшій контрастъ со склонами горныхъ вершинъ, на которыхъ упорно сгущались тѣни усиливающагося тумана. И надо всѣмъ этимъ дымъ отъ пушекъ медленно подымался къ небу блѣдно-фіолетовыми клубами! Даже возбуждающій интересъ битвы, за которою всѣ слѣдили, не въ силахъ былъ заставить забыть красоты окружающей природы, и всѣ часто отрывались отъ сцены военныхъ движеній за тѣмъ лишь, чтобъ еще хоть однимъ взглядомъ окинуть развернутый передъ ними волшебный ландшафтъ. Но вотъ мракъ сгустился. Кончилась битва. Взошла луна. И картина разомъ измѣнилась, будто на сценѣ театра! Внизу вздымалось и росло сплошное море бѣлыхъ облаковъ, словно живое чудовище надвигавшихся на горныя твердыни. Луна придавала облакамъ синеватый отливъ, и какъ ни воздушна была ихъ масса, при лунномъ освѣщеніи они принимали видъ вполнѣ солидныхъ снѣжныхъ сугробовъ. Только высочайшія изъ окрестныхъ вершинъ тамъ и сямъ торчали темными островами на этомъ бѣломъ морѣ. Вдали виднѣлся маленькою точкою конусъ, занятый семеновцами и стрѣлками.

— Наши-то!... говорили солдаты: ишь вѣдь куда забрались— выше облака ходячаго!...

Войскамъ разрѣшено было, наконецъ, развести костры. Тотъ, кто не ѣлъ ничего горячаго три дня, тотъ пойметъ какое впечатлѣніе произвело на войска разрѣшеніе развести огонь... По всѣмъ склонамъ горныхъ вершинъ тотчасъ же запылали костры, и при каж-

домъ изъ нихъ освѣтилось по маленькой группѣ солдатъ, варящихъ чай и приготовляющихъ ѣду. Всѣ бивуаки войскъ, расположенныхъ подъ облаками, ясно обозначились заревомъ, блестѣвшимъ на поверхности послѣднихъ.

Къ счастію, солдатамъ удалось разыскать чѣмъ утолить свой трехдневный голодъ: въ турецкихъ лагеряхъ найдено было много пищи; стояли цѣлыя бочки съ масломъ и медомъ. Чисто съ дѣтскою радостью солдаты накладывали масло въ карманы и запускали руки въ медъ... Нѣкоторые изъ нихъ были бѣлы какъ мельники, благодаря найденной ими у турокъ мукѣ, изъ которой вездѣ уже кругомъ пеклись пироги...

— Звѣзды, звѣзды-то!—повторяли укладывавшіеся у костровъ солдаты, поужинавъ и завертываясь въ шинели: чистое море эти облака внизу! И чудеса эти самые Балканы...

Оставимъ пока колонну графа Шувалова на занятой имъ позиціи у Правца и перейдемъ къ отряду генералъ-маіора Дандевиля, направленному изъ Осикова къ Этрополю, съ цѣлью удерживать на мѣстѣ гарнизонъ этого пункта, во время нашихъ операцій противъ Правецкихъ позицій. Отряду генерала Дандевиля предстояло также дѣйствовать преимущественно обходами по горамъ, и потому войскамъ его пришлось тоже не мало потрудиться надъ протаскиваніемъ артиллеріи черезъ горныя трущобы.

Дорога отъ Осикова вплоть до г. Этрополя ведетъ по ущелью рѣки Малаго Искера, которое съ обѣихъ сторонъ обставлено высоко поднимающимися горами съ конусообразными вершинами. Горы идутъ многочисленными кряжами въ нѣсколько рядовъ, вправо и влѣво отъ ущелья, совершенно перпендикулярно къ нему. Вначалѣ довольно широкое Искерское ущелье, по мѣрѣ приближенія къ Этрополю, постепенно суживается, и горы, его стѣсняющія, становятся все выше и круче. По дну ущелья глухо реветъ, прорываясь съ бѣлою пѣной между камней, горный потокъ—Малый Искеръ, по берегу котораго и пролегаетъ довольно сносная дорога на Этрополь.

Недалеко отъ Осикова, близъ деревни Липенки, существуетъ второй подъемъ, или, вѣрнѣе, заброшенная горная тропинка, весьма

трудная для проѣзда и идущая по горамъ на Троицкій монастырь и затѣмъ спускающаяся тоже къ Этрополю.

На вышеописанныхъ двухъ этропольскихъ дорогахъ, въ Искерскомъ ущельи и у Троицкаго монастыря, турки заняли сильно укрѣпленныя позиціи на командующихъ высотахъ. Кромѣ того, они имѣли укрѣпленный лагерь противъ выхода изъ Искерскаго ущелья, въ долинѣ, позади города Этрополя.

Для дѣйствія противъ Этрополя генералъ-маіоръ Дандевиль раздѣлилъ свой отрядъ на три колонны: одна, подъ начальствомъ принца Ольденбургскаго, направлена была въ обходъ Искерскаго ущелья; другая—подъ начальствомъ полковника Авинова—по самому ущелью, и третья—подъ начальствомъ полковника Рыдзевскаго, въ обходъ Искерскаго ущелья, слѣва *). Въ виду трудности горной тропинки отъ Липенскаго ущелья къ Троицкому монастырю, генералъ-маіоръ Дандевиль не согласился дать этому отряду артиллеріи, не смотря на усиленныя просьбы полковника Рыдзевскаго и командира батареи 3-й артиллерійской бригады, опытнаго и боеваго офицера, полковника Тизенгаузена, стоявшаго въ резервѣ съ четырьмя своими 4-хъ фунтовыми орудіями. Просьбы собравшихся во множествѣ при отрядѣ вооруженныхъ болгаръ, подъ предводительствомъ храбраго болгарина Георгія Антонова, также не были приняты во вниманіе, хотя болгары и увѣряли, что на липенской дорогѣ существуетъ только одинъ трудный подъемъ для артиллеріи, по которому они все-таки брались встащить 4-хъ-фунтовки. Однако высылать орудія съ незначительнымъ отрядомъ, по совершенно неизвѣстной дорогѣ, генералъ Дандевиль нашелъ невозможнымъ. Онъ ограничился только тѣмъ, что приказалъ саперамъ, по возможности, скорѣе разработать дорогу съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день, если окажется возможнымъ, выслать орудія къ отряду.

И такъ, 10-го ноября, отрядъ генералъ-маіора Дандевиля двинулся къ Этрополю тремя колоннами.

---

*) Въ первой колоннѣ были: 3 бат. л.-гв. Преображенскаго, 4 девяти-ф. оруд. и 2 конно-горныхъ. Во второй—1 бат. л.-гв. Преображенскаго полка, 1 бат. л.-гв. Гренадерскаго и 2 девяти-ф. орудія. Въ третьей—Великолуцкій пѣхотный полкъ, 4 сотни кубанцевъ и гвардейская саперная команда.

Рано утромъ изъ Осикова двинулись, черезъ горы, колонны принца Ольденбургскаго и полковника Авинова. Около 12-ти часовъ дня обѣ эти колонны подошли къ расположенію непріятеля, сильно укрѣпившемуся. Встрѣченные сильнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ турокъ, наши передовыя войска остановились, поджидая отставшую артиллерію. При этомъ колонна принца Ольденбургскаго лишь къ четыремъ часамъ по-полудни сосредоточилась передъ непріятельскимъ расположеніемъ, такъ какъ движеніе артиллеріи, въ особенности 9-тифунтовыхъ орудій, по крутымъ горамъ, ущельямъ и горнымъ тропамъ, было крайне затруднительно. Цѣлый день отрядъ вставкивалъ орудія на крутыя вершины противъ фронта турецкой позиціи, и какъ только удалось поднять два девятифунтовыхъ орудія въ ущелье и два—на высоты праваго берега, тотчасъ же завязался артиллерійской бой; пѣхота же, расположившаяся на склонахъ горныхъ кряжей, гдѣ едва была замѣтна въ громадныхъ очертаніяхъ высотъ, перестрѣливалась съ турками лишь изрѣдка, когда расходились облака, покрывавшія горы.

Между тѣмъ, въ этотъ же день, какъ только забрежжилось туманное утро, двинулся по Липенскому ущелью обходный отрядъ полковника Рыдзевскаго, безъ артиллеріи. Кубанцы, въ своихъ буркахъ, на маленькихъ лошадкахъ, бойкой рысцой беззвучно протрусили впереди, нагнувшись на коняхъ; за ними потянулись храбрые армейцы—великолужцы, закуривъ болгарскій табачекъ и держа «носогрѣйки» въ зубахъ; затѣмъ болгарская чета Георгія Антонова отправилась также за отрядомъ, стараясь не безъ гордости идти въ рядахъ съ великолужцами; все это скрылось въ густомъ туманѣ Липенскаго ущелья, и долго еще потомъ, неуклюжей рысью, догоняли ихъ въ разбродъ офицерскіе вьюки на тощихъ лошадкахъ, ведомыхъ на длинномъ поводу бѣгущими деньщиками, — и одинъ за другимъ и эти вьюки ныряли въ тотъ же туманъ... Отрядъ двигался почти по самому дну узкаго ущелья, между чрезвычайно высокими и крутыми склонами, поросшими густымъ лѣсомъ. Ярко взошедшее солнце вскорѣ разогнало утренній туманъ и день заблисталъ надъ Липенскимъ ущельемъ. Около полудня колонна Рыдзевскаго подошла къ подъему изъ ущелья у д. Липенки. Дорога взбиралась здѣсь узкой просѣкой въ лѣсу, по уступамъ крутаго ската. Отрядъ едва могъ ка-

рабкаться по этому карнизу, лѣпившемуся по отвѣсному почти скату и поднимавшемуся колѣнами все выше и выше. Пройдя самый крутой подъемъ изъ ущелья, дорога выходила изъ лѣсу и поднималась на перевалъ, уже болѣе или менѣе доступный для движенія даже артиллеріи. Выйдя на перевалъ около 2-хъ часовъ пополудни, полковникъ Рыдзевскій послалъ двѣ стрѣлковыя роты великолужцевъ прямо по дорогѣ на Троицкій монастырь, а съ прочими войсками колонны двинулся лѣвѣе дороги, по горной тропѣ, въ обходъ турецкой позиціи у Троицкаго монастыря, такъ какъ болгары увѣрили его, что по этой тропѣ можно зайти ночью незамѣтно, въ тылъ позиціи турокъ у монастыря и захватить ихъ тамъ всѣхъ живьемъ. Дойдя къ ночи съ величайшими трудомъ, по вышеупомянутой тропинкѣ, до непріятельской позиціи, полковникъ Рыдзевскій былъ неожиданно встрѣченъ оттуда сильнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, и, послѣ неудачной атаки, долженъ былъ отступить, съ потерею одного раненаго офицера, 42 убитыхъ и 94 раненыхъ нижнихъ чиновъ. Присоединившись затѣмъ къ двумъ своимъ стрѣлковымъ ротамъ, полковникъ Рыдзевскій, не доходя Троицкаго монастыря, повернулъ направо и вышелъ на высоты, командующія этропольскою долиною, гдѣ и окопался въ виду отступившаго на край долины непріятеля, подъ выстрѣлами орудій съ турецкой позиціи у Троицкаго монастыря. Сюда ему было послано изъ резерва подкрѣпленіе изъ 2-го батальона л.-гв. Гренадерскаго полка, подъ командой капитана Засулича, который подошелъ къ разсвѣту.

Въ ту же ночь, съ 10-го на 11-е ноября, отрядомъ принца Ольденбургскаго, безъ выстрѣла, былъ взятъ вѣнчавшій гору Острому редутъ, изъ котораго турки уходили на ночь, и къ которому теперь не успѣли добѣжать во-время. Вслѣдствіе потери столь важной позаціи, они принуждены были бросить всю передовую позицію, тотчасъ же занятую отрядомъ принца Ольденбургскаго. Непріятель расположился на слѣдующемъ кряжѣ горъ и вокругъ главнаго редута, запиравшаго выходъ изъ Искерскаго ущелья, и вплоть до вечера 11-го ноября продолжалъ съ нашимъ отрядомъ артиллерійскую и ружейную перестрѣлку. Въ подкрѣпленіе колонны принца Ольденбургскаго были двинуты изъ резерва орудія, которыя, заставили вскорѣ замолчать непріятельскую артиллерію, обстрѣливавшую ущелье.

Между тѣмъ, положеніе отряда полковника Рыдзевскаго противъ Троицкаго монастыря было незавидное. Хотя отрядъ тамъ окопался, но турки сильно обстрѣливали его гранатами изъ-подъ Троицкаго монастыря; наши же могли отвѣчать имъ, за неимѣніемъ орудій, только ружейнымъ огнемъ. Полковникъ Рыдзевскій вновь просилъ артиллеріи; о томъ же просилъ и присоединившійся къ нему ночью съ батальономъ лейбъ-гренадеръ капитанъ Засуличъ. Но генералъ Дандевиль, не получая еще извѣстія о разработкѣ саперами подъема изъ Липенскаго ущелья, медлилъ посылать туда артиллерію. Храбрый полковникъ Тизенгаузенъ, остававшійся до сихъ поръ, съ своими четырехъ-фунтовками въ резервѣ, то и дѣло справлялся у генерала, ожидая, что вотъ-вотъ ему прикажутъ... Къ вечеру Рыдзевскій вновь прислалъ записку о томъ, что онъ будетъ вынужденъ—завтра отступить, если не будетъ прислано артиллеріи, что турки подходили къ нему изъ Троицкаго монастыря, но были отбиты огнемъ, и что онъ долженъ былъ перемѣнить позицію. Между тѣмъ и отъ саперъ получено было, наконецъ, извѣстіе, что они не могли многаго сдѣлать своими кирками и лопатами въ камнѣ, но что орудія поднять можно. Вмѣстѣ съ тѣмъ явился изъ отряда Рыдзевскаго и пылкій болгаринъ Георгій Антоновъ, и объявилъ, что не уйдетъ отъ начальника отряда, покуда не дадутъ орудій, и что онъ головой ручается за доставку орудій Рыдзевскому; съ этой цѣлью *товарищи Антонова* — болгары—привезли даже съ собою двухколесную арбу, очень поворотливую, съ большою платформою, запряженною буйволами. Генералъ Дандевиль потребовалъ, наконецъ, къ себѣ полковника Тизенгаузена. Послѣдній стоялъ уже тутъ, за болгарами, и ждалъ, и надобно было видѣть его восторгъ, когда генералъ объявилъ, что онъ въ ночь выступаетъ...

— А у меня ужь все готово! скороговоркой проговорилъ полковникъ, убѣгая на свою батарею.

Въ прикрытіе орудій назначались двѣ роты лейбъ-гренадеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ полковникъ Любовицкій получилъ приказаніе принять команду отъ полковника Рыдзевскаго и выѣхать къ нему немедленно.

Совсѣмъ уже стемнѣло, когда четыре четырехфунтовыхъ орудія полковника Тизенгаузена, съ двумя ротами лейбъ-гренадеръ, трону-

лись въ Липенское ущелье, провожаемые общими пожеланіями успѣха. Впереди ихъ, взмахнувъ винтовку на плечо, бодро зашагалъ Георгій Антоновъ, съ своей четой и двухколесными арбами, запряженными парою воловъ. Всѣ были увѣрены, что теперь туркамъ ужь не сдобровать, а о подъемѣ орудій совсѣмъ и не безпокоились, какъ будто это было дѣло самое обыкновенное. Вскорѣ взошла луна, и отрядъ, провожавшій орудія, приблизился къ описанному уже нами подъему изъ ущелья близъ д. Липенки. Такъ какъ тропинка, идущая здѣсь на протяженіи около трехъ верстъ по скату горы, была необыкновенно узка и крута, къ тому же прилегала къ обрыву саженъ въ тридцать глубины и, вслѣдствіе глинистаго грунта, была очень скользка, то пришлось прибѣгнуть къ разборкѣ орудій, различныя части которыхъ, т. е. передки, тѣла и лафеты, были сняты и положены отдѣльно на двухколесныя арбы, запряженныя волами; съ помощью воловъ, болгаръ и великолужцевъ, орудія эти, несмотря на темную и туманную ночь, можно сказать—чудомъ, быстро были встащены по частямъ на высоты, причемъ болгары несли заряды на рукахъ и въ башлыкахъ вплоть до позиціи полковника Рыдзевскаго. Въ 8 часовъ утра всѣ четыре орудія были уже на позиціи, а въ 10 часовъ утра открыли огонь по непріятелю.

Услыхавъ наши выстрѣлы передъ Троицкимъ монастыремъ, турки не хотѣли вѣрить ушамъ своимъ и, какъ послѣ разсказывали болгары, двое турецкихъ пашей въ Этрополѣ, и безъ того неладившіе между собою, окончательно уже поссорились другъ съ другомъ, въ спорѣ о невозможности появленія съ этой стороны русскихъ орудій. Однако турки немедленно спустились, передъ отрядомъ Рыдзевскаго, въ Этропольскую долину, такъ что выстрѣлы изъ нашихъ орудій не могли уже достигать непріятельскаго расположенія.

Между тѣмъ всѣ усилія отряда принца Ольденбургскаго, 11-го ноября, прогнать своимъ огнемъ турокъ изъ редута, запиравшаго выходъ изъ Искерскаго ущелья, были безуспѣшны. Поэтому, съ разсвѣтомъ 12-го ноября, для овладѣнія этимъ редутомъ были посланы еще подкрѣпленія, съ помощью которыхъ войска начали быстро подвигаться впередъ, охватывая лѣвый флангъ непріятеля. А такъ какъ въ это время было уже получено извѣстіе о занятіи войсками графа Шувалова Правецкой позиціи турокъ, то генералъ Дандевиль, въ

Генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ 2-й.

виду обнаруженной уже слабости этропольскаго отряда турокъ, рѣшился немедленно перейти въ энергическое наступленіе.

По предварительному соглашенію съ принцемъ Ольденбургскимъ, полковникъ Любовицкій, принявшій уже команду надъ лѣвой колонной Рыдзевскаго и подкрѣпленный еще батальономъ лейбъ-гренадеръ *), началъ также наступать, одновременно съ правой колонной, охватывая крайній правый флангъ турокъ и отчасти даже заходя въ тылъ ихъ позиціи у Троицкаго монастыря. При этомъ четыре орудія полковника Тизенгаузена, несмотря на страшную крутизну скатовъ и обиліе высокихъ и обрывистыхъ скалъ, съ невмовѣрнымъ усиліемъ были постепенно спускаемы съ вершины позиціи все ближе и ближе къ непріятельскому лагерю, находившемуся между позиціею и городомъ Этрополемъ.

Охваченные съ обоихъ фланговъ пѣхотою, обстрѣливаемые отовсюду артиллеріею, угрожаемые также съ тыла движеніемъ отряда полковника Любовицкаго и получивъ уже, вѣроятно, извѣстіе о паденіи Правца, турки поспѣшно очистили укрѣпленія, запиравшія выходъ изъ Искерскаго ущелья, и отступили къ укрѣпленному лагерю у Этрополя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ войска отряда принца Ольденбургскаго, съ величайшими усиліями передвигая черезъ горы артиллерію, подались впередъ и заняли выходъ изъ ущелья.

Около 6½ часовъ вечера, турки наконецъ не выдержали дружнаго натиска русскихъ и принуждены были бѣжать по направленію къ Арабъ-Конаку. Городъ Этрополь былъ немедленно занятъ преображенцами, а турецкій лагерь лейбъ-гренадерами и великолужцами; часть же великолужцевъ осталась ночевать при орудіяхъ полковника Тизенгаузена, спускъ которыхъ по крутымъ скатамъ, безъ дорогъ, съ наступленіемъ темноты, представлялъ большія затрудненія.

Преслѣдованіе турокъ тою же ночью не могло состояться; но 13-го ноября, съ разсвѣтомъ, для преслѣдованія ихъ былъ двинутъ изъ Этрополя отрядъ, подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора Краснова: изъ драгунскаго Екатеринославскаго полка, батальона пре-

*) 12-го ноября было послано полковнику Любовицкому по Липенскому ущелью еще шесть орудій, которыя не были, однако, подняты на подъемъ изъ ущелья, такъ какъ днемъ, въ виду турокъ, сдѣлать это было затруднительно.

ображенцевъ, Великолуцкаго полка, сотни кубанцевъ и 16-й конной батареи. Екатеринославскіе драгуны, въ тотъ же день, настигли въ горахъ хвостъ отступавшихъ турокъ и отбили у нихъ три дальнобойныхъ стальныхъ орудія, нѣсколько зарядныхъ ящиковъ и болѣе 300 повозокъ съ продовольственными и боевыми запасами. Послѣ того генералъ-маіоръ Красновъ доходилъ съ преображенцами до укрѣпленій турецкихъ на Баба-Конакѣ, но, будучи безъ артиллеріи, генералъ не рѣшился атаковать турокъ и вернулся въ Этрополь.

Потери отряда генералъ-маіора Дандевиля за всѣ три дня (10-го, 11-го и 12-го ноября), если не считать безуспѣшной атаки великолужцевъ на Троицкій монастырь, состояли всего изъ 48 убитыхъ и раненыхъ *).

Столь удачное и быстрое овладѣніе городомъ Этрополемъ произошло для насъ такъ неожиданно, что когда вечеромъ, 12-го ноября, пришло извѣстіе объ этомъ къ генералу Гурко въ Осиково, онъ только еще составлялъ диспозицію по войскамъ, по которой въ атакѣ Этрополя должны были принять участіе и войска графа Шувалова, стоявшія на Правецкой позиціи. Конечно, пришлось тотчасъ же отмѣнить эту диспозицію. Тѣмъ не менѣе, необходимо было немедленно передвинуть бо́льшую часть войскъ Западнаго отряда къ г. Этрополю, какъ къ наиболѣе важному стратегическому пункту, открывавшему намъ доступъ ко многимъ балканскимъ переваламъ. Такимъ образомъ, началось спѣшное сосредоточеніе войскъ къ г. Этрополю, хотя и совершавшееся, такъ сказать, мирнымъ путемъ, но, тѣмъ не менѣе, стоившее войскамъ огромныхъ трудовъ и лишеній, такъ какъ предстояло идти безостановочно по горнымъ тропамъ и ущельямъ, съ артиллеріей и парками.

Часть войскъ изъ колонны графа Шувалова (л.-гв. стрѣлковая бригада и л.-гв. Московскій полкъ, съ частью гвардейской кавалеріи, подъ начальствомъ генерала Эллиса) была оставлена на Правецкой позиціи, въ видѣ заслона со стороны орханійскаго лагеря турокъ; другая же часть этой колонны (л.-гв. Семеновскій и Финляндскій полки) была направлена въ Этрополь, причемъ финляндцамъ выпало на долю тащить за собою цѣлую 9-ти-фунтовую батарею.

*) Турки оборонялн г. Этрополь всего 4-мя батальонами пѣхоты.

Горная дорога изъ Правца въ Этрополь идетъ мѣстами ущельемъ, по берегу рѣчки Правца, мѣстами прямо по руслу послѣдней. Иногда дорога переходитъ въ тропинку и становится такою узкою, что лошадь не можетъ пройти по ней, такъ что приходится искать объѣздовъ. Финляндцы, тащившіе девятифунтовки, страшно растянулись по этой дорогѣ, такъ какъ путь былъ дотого труденъ, что иногда на прохожденіе съ орудіями нѣсколькихъ саженъ уходили цѣлые часы. Здѣсь впервые пришлось войскамъ извѣдать, что значитъ тащить артиллерію по горамъ, хотя бы и безъ всякихъ столкновеній съ непріятелемъ. Всего невыносимѣе здѣсь было то, что къ ужасной, подчасъ невозможной, горной дорогѣ прибавлялась еще невылазная грязь, распустившаяся вслѣдствіе туманной погоды и усиленнаго движенія войскъ. Люди часто не могли ничѣмъ помочь лошадямъ при протаскиваніи орудій въ какомъ-нибудь узкомъ, обрывистомъ мѣстѣ: лошадей приходилось выпрягать и вытаскивать на подъемъ тяжеловѣсное девятифунтовое орудіе на рукахъ, съ опаспостью сбросить его въ оврагъ... Уставали и лошади, и люди, работавшіе съ самаго утра; солдаты только время отъ времени подходили отдохнуть на нѣсколько минутъ къ разложеннымъ уже по всей дорогѣ кострамъ, около которыхъ составлялись въ козла ихъ ружья. Движеніе, впрочемъ, шло безъ остановки; тутъ уже не дѣлалось ни большихъ, ни малыхъ привaловъ, каждый отдыхалъ только по нѣсколько минутъ, пока орудіе останавливалось, задержанное переднимъ орудіемъ, застрявшимъ въ какой-нибудь ямѣ или на косогорѣ. Здѣсь не было также ни варки, или какой-нибудь горячей пищи, солдаты довольствовались однимъ сухаремъ, если только они его не съѣли раньше, да еще кой-когда наскоро выпитымъ стаканомъ чаю. Та же пища была и офицеровъ. Впереди у войскъ утѣшенія было еще меньше: съ вершинъ нѣкоторыхъ перевaловъ на дорогѣ передъ войсками сразу открывались вдали громадныя массы главныхъ Балкановъ, покрытые уже снѣгомъ... Эта сурово-величественная картина невольно наводила всѣхъ на мысль: что-то придется испытать впереди, среди этихъ трущобъ грозной природы?..

Отъ Правца до Этрополя считается всего 10 или 12 верстъ. Не смотря, однако, на такое незначительное разстояніе, финляндцы двигались съ артиллеріей почти цѣлый день безпрерывно. Выступивъ

изъ Правца въ шесть часовъ утра, 13-го ноября, голова этой колонны пришла въ Этрополь лишь въ восьмомъ часу вечера!

Не менѣе тяжело было движеніе войскъ съ артиллеріей и изъ Осикова въ Этрополь по Искерскому ущелью: дорога отвратительная, грязь, горы, ущелья, броды, — все это такъ затрудняло движеніе по Искерскому ущелью, что отряды проходили разстояніе отъ Осикова до Этрополя (около 20 верстъ) въ теченіи цѣлыхъ сутокъ. Въ долинѣ, при выходѣ изъ ущелья, передъ городомъ Этрополемъ, была еще болѣе страшная грязь, въ которой войскамъ съ артиллеріей приходилось долго помучиться. Въ особенности трудно достался этотъ переходъ лейб-г. Павловскому полку, выступившему изъ Осикова 15-го ноября, когда погода рѣзко измѣнилась: завернулъ страшный холодъ, подулъ рѣзкій вѣтеръ, въ первый разъ пошелъ снѣгъ громадными хлопьями; стужа была такая, что коченѣли и руки, и ноги...

Достигнувъ бивуака въ долинѣ Этрополя по большей части ночью, люди не могли уже разыскивать дровъ или подстилки, и приходилось мокрымъ, голоднымъ и холоднымъ ложиться прямо въ грязь... Вырывъ себѣ на двухъ, на трехъ человѣкъ, во всю длину человѣческаго роста, ямы — въ промерзшей и покрытой сверху снѣгомъ землѣ, люди заваливались въ нихъ, укрывшись сверху палатками. Счастье еще, что всякій приходилъ сюда до такой степени усталымъ, что ему не было времени и охоты особенно раздумывать о подобныхъ неудобствахъ; каждый еще отъ души радовался, что наконецъ-то добрался до мѣста, живо укладывался и еще скорѣе засыпалъ, и только на другой день соображалъ, при какихъ условіяхъ провелъ онъ эту ночь! Благополучно заснувъ въ повалку въ палаткѣ, люди нерѣдко просыпались въ цѣлой лужѣ воды и, такимъ образомъ, вставали на другой день измокшими насквозь! Но и въ такой обстановкѣ провести первую ночь по приходѣ на бивуакъ считалось еще сравнительно удобствомъ, такъ какъ многимъ, въ томъ числѣ и офицерамъ, нерѣдко приходилось проводить ночи подъ открытымъ небомъ, ибо вьюки ихъ съ палатками, за трудностью дорогъ, часто отставали отъ полковъ на значительное разстояніе. Тогда каждый старался по крайней мѣрѣ примоститься поудобнѣе къ костру; но это никому не удавалось по причинѣ страшнаго холода: промоченныя насквозь ноги, въ дырявыхъ сапогахъ, такъ сильно зябли, что приходилось

ежеминутно перемѣнять положеніе, чтобы пододвинуть ноги поближе къ костру; а ляжешь—такъ смотришь, черезъ нѣсколько минутъ или бокъ, на которомъ лежишь, промокъ насквозь, или же сильный рѣзкій вѣтеръ такъ начнетъ пронизывать, что нужно опять отыскивать иное положеніе... Только страшно сильное утомленіе наконецъ превозмогало всѣ эти неудобства, и люди засыпали крѣпкимъ сномъ, на нѣсколько минутъ, за тѣмъ чтобы холодъ снова поднялъ ихъ на ноги... Пролежавъ такимъ образомъ цѣлую ночь у огней, люди къ утру подымались уже изъ снѣжныхъ сугробовъ, образовавшихся за ночь вокругъ потухающихъ костровъ... Нужно удивляться, что при такихъ условіяхъ число заболѣвающихъ лихорадкою было сравнительно еще незначительно, что доказываетъ только страшную выносливость русской натуры.

Вообще, суровая зима давала уже себя знать войскамъ; горы кругомъ сдѣлались бѣлы и носили мрачный колоритъ; мѣстность тѣмъ болѣе казалась непріятной, что стужа и холодъ застали наши войска совершенно врасплохъ: у людей, кромѣ рваныхъ шинелей, дырявыхъ мундировъ и такихъ же сапогъ, не было другой одежды. Все предвѣщало нескончаемый рядъ тяжелыхъ трудовъ и еще болѣе тяжелыхъ лишеній...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Приготовленіе къ движенію на Этропольскій Балканъ.—Передвиженіе артиллеріи руками.—Необычайный подъемъ на Вратешки.—Отчаянная схватка на вершинѣ Греата. — Ночлегъ въ виду Шандорникскаго редута.—Движеніе впередъ Семеновскаго и Измайловскаго полковъ.—Ночлегъ на снѣгу и подъ дождемъ. — Атака Шандорника и занятіе Вратешскаго и Златицкаго перевалозъ. — Остановка дѣйствій.

14-го ноября, въ болгарской церкви въ Этрополѣ, по желанію генерала Гурко, была отслужена обѣдня съ благодарственнымъ молебствіемъ по случаю взятія Этрополя. На молебнѣ присутствовали всѣ представители городскаго населенія и все начальство отряда.

Церковь была тесненькая. Нарядной въ Петербургѣ гвардіи теперь и узнать было нельзя. Всѣ присутствовавшіе генералы и офицеры были одѣты въ простой боевой формѣ. Въ полумракѣ церкви виднѣлись поношенные, полинявшіе отъ солнца и дождя сюртуки и погоны, бурки, высокіе смазные сапоги... Отпущенныя бороды придавали сильно загорѣвшимъ лицамъ какой-то странный, непривычный видъ... Всѣ были сосредоточены, крестились усердно; по лицамъ многихъ было замѣтно, что думы ихъ уносятся куда-то вдаль... на глазахъ иныхъ безотчетно навертывались слезы... Оборванные, исхудавшіе солдаты молились, какъ всегда и вездѣ, кладя свои послѣдніе гроши на свѣчи... Послѣ краткой молитвы за павшихъ въ бою, всѣ присутствовавшіе вышли изъ церкви молча.

Наканунѣ, генералъ Гурко, въ той же церкви, взялъ слово съ жителей города помогать нашимъ войскамъ, при подъемѣ на балканскіе перевалы.

Трехъ-четырехъ-дневная остановка въ Этрополѣ была полезна отряду въ томъ отношеніи, что для многихъ частей это была первая стоянка, чуть ли не со времени перехода черезъ Дунай, въ которой они хоть сколько нибудь могли отдохнуть, а главное—въ теченіи этой стоянки въ Этрополѣ, въ особо-отведенныхъ домикахъ, съ ранняго утра и до поздней ночи, производилась дѣятельная починка солдатской обуви и платья, насколько только позволяли это сдѣлать время и средства. Обозы съ запасомъ аммуниціи для гвардіи и ранцами оставались по-прежнему въ Боготѣ, такъ какъ движеніе по горамъ и съ одной артиллеріей было крайне затруднительно.

Занятіе Правецкихъ высотъ и послѣдовавшее за тѣмъ очищеніе турками г. Этрополя — предоставили генералу Гурко возможность начать наступательное движеніе на главные перевалы западныхъ Балкановъ—Бабаконакскій и Златицкій. Генералъ Гурко немедленно и направилъ всѣ свои усилія на то, чтобъ какъ можно скорѣе открыть войскамъ своимъ дорогу къ главнымъ переваламъ.

По прямой линіи отъ Этрополя насчитывается всего двѣнадцать верстъ до вершины Бабаконакскаго перевала, съ его огромной горой Шандорникомъ; но въ дѣйствительности, считая всѣ извилины пути, войскамъ предстояло пройти гораздо больше, притомъ же по самымъ

труднѣйшимъ дорогамъ, ибо г. Этрополь отдѣляется отъ Бабаконака огромнѣйшимъ Вратешскимъ переваломъ.

Городъ Этрополь расположенъ въ довольно широкой долинѣ, на берегахъ р. Малаго Искера. Тотчасъ къ западу отъ города начинаются два ущелья—правое и лѣвое, ведущія къ Вратешскому перевалу, съ его огромной вершиной Греатъ (4,800 ф.). Верстахъ въ шести отъ г. Этрополя, оба упомянутыя ущелья—правое и лѣвое—соединяются. Пунктъ соединенія этихъ двухъ дорогъ названъ былъ «Драгунскимъ бивуакомъ», такъ какъ отсюда Екатеринославскіе драгуны производили преслѣдованіе турокъ по отступленіи ихъ изъ Этрополя. Отъ «Драгунскаго бивуака» идутъ два подъема на Вратешскій перевалъ.

Весь перевалъ, по которому проходятъ обѣ дороги, покрытъ густымъ лѣсомъ, за исключеніемъ верхней части самыхъ высокихъ вершинъ, поверхность которыхъ была совершенно гладка и теперь покрыта снѣгомъ. При этомъ обѣ дороги были каменисты; но, какъ мы уже сказали, лѣвая была значительно короче и лучше правой.

По увѣреніямъ болгаръ, правый подъемъ на Вратешскій перевалъ не былъ занятъ турками, вѣроятно не ожидавшими нашего движенія по этой брошенной и трудной дорогѣ. Что же касается до лѣвой дороги, то по ней прошли уже Екатеринославскіе драгуны, а вслѣдъ за ними проходилъ и генералъ Красновъ съ преображенцами вплоть до турецкихъ укрѣпленій на Шандорникѣ, причемъ не были, однако, выяснены ни расположеніе укрѣпленій, ни сила турецкихъ гарнизоновъ на Бабаконакскомъ перевалѣ.

Занятіе Вратешскаго перевала было поручено отряду генералъ-маіора Дандевиля *), которому теперь приходилось втаскивать на высоту 1,400 футовъ 9-фунтовыя орудія, такъ какъ присутствію этихъ орудій при отрядѣ придавалась особенная важность. Хотя 4-хъ-фунтовыя орудія, имѣвшіяся при отрядѣ генерала Гурко въ числѣ 54, могли бы быть легче подняты на высоты, но, выходя противъ главной турецкой позиціи на Бабаконакѣ, мы должны были имѣть

*) Отрядъ этотъ былъ составленъ изъ бригады пѣхоты (Великолуцкій и Псковскій пѣхотные полки), Екатеринославскаго драгунскаго полка, двухъ девятифунтовыхъ и шести конно-горныхъ орудій, при командѣ гвардейскихъ саперъ изъ 10 человѣкъ и двухъ сотняхъ донскихъ казаковъ

возможность отвѣчать турецкой артиллеріи болѣе внушительнымъ огнемъ, чѣмъ огонь четырехфунтовокъ. Съ другой стороны, необходимо было сдѣлать опытъ поднятія этихъ чудовищъ на балканскія крутизны, по которымъ предстояло поднять потомъ и всю 9-тифунтовую артиллерію.

Наконецъ, лѣвый подъемъ отъ «Драгунскаго бивуака» на перевалъ Вратешскій хотя и былъ сравнительно менѣе труденъ, но выходилъ изъ лѣсу на площадку, саженяхъ въ 650 отъ главнаго турецкаго редута на Шандорникѣ; поэтому сюда достаточно было направить четырехфунтовыя орудія, огонь которыхъ могъ быть вполнѣ дѣйствителенъ на такомъ короткомъ разстояніи отъ непріятельскихъ укрѣпленій. Правая же дорога, самая труднѣйшая, выводила на перевалъ въ мѣстѣ, удаленномъ отъ турецкихъ укрѣпленій на гораздо болѣе значительное разстояніе, въ точности тогда даже неизвѣстное намъ, и потому огонь четырехфунтовокъ здѣсь былъ бы уже не дѣйствителенъ. Вотъ почему пришлось направить девятифунтовыя орудія по наиболѣе длинной и трудной дорогѣ. Однако солдаты и офицеры, узнавъ, что имъ приходится тащить на горы эти здоровенныя и внушительныя орудія, не только не пали духомъ, но, напротивъ, еще съ большею увѣренностью стали относиться къ предстоявшему предпріятію.

Честь поднятія первыхъ девятифунтовыхъ орудій на Балканы выпала на долю командира дивизіона 5-й батареи л.-гв. 1-й артиллерійской бригады, штабсъ-капитана Адасовскаго. Когда его стали спрашивать офицеры, какъ это онъ будетъ поднимать подъ облака девятифунтовки, то онъ говорилъ: «Да помилуйте-жъ, господа, ей-богу, не случалось; ничего-жъ не знаю. Такъ, съ мѣста и повеземъ»— шутливо отговаривался онъ.

Сборы были, на самомъ дѣлѣ, не сложны и коротки. Патроновъ люди взяли по 96 на пѣхотинца; снаряды—что были въ передкахъ и въ одномъ ящикѣ на орудіе; сухарей брали на три дня; а потомъ предполагалось подвозить все нужное изъ Этрополя (гдѣ оставались наши обозы), на вьючныхъ лошадяхъ, преобразованныхъ въ таковыя изъ подъемныхъ, съ помощью превосходныхъ болгарскихъ сѣделъ. Подъ орудія, кромѣ лошадей, взяли мѣстныхъ воловъ, такое же неоцѣненное здѣсь и безотвѣтное животное, какъ верблюдъ въ киргиз-

скихъ степяхъ. Болгары во множествѣ вызвались также нести тяжести и тащить орудія; съ ними опять явился и неизмѣнный Георгій Антоновъ, уже украшенный солдатскимъ Георгіевскимъ крестомъ за успѣшный подъемъ орудій на Липенскія высоты. Только на этотъ разъ храбрый юнакъ былъ измученъ лихорадкой и лишился своей обычной энергіи. Наконецъ, съ отрядомъ были взяты канаты, лямки, кирки и т. под.

Полушубковъ у солдатъ, какъ мы уже знаемъ, не было. Пришлось имъ лѣзть на Балканы налегкѣ: подъ дырявой шинелью рваный мундиръ, да у кого сохранилась — фуфайка, а на шеѣ башлыкъ,— вотъ и все одѣяніе. Обуви крѣпкой тоже ни у кого не было: у одного сапогъ, какъ говорится, «каши просилъ», у другого—пятки совсѣмъ наружу вылѣзли и т. под.; но объ этомъ пока менѣе всего тужили. У кого сапоги совсѣмъ ужъ съ ногъ свалились, тѣ надѣвали опанки, родъ башмаковъ, наскоро сдѣланныхъ въ Этрополѣ изъ сырыхъ кожъ убитаго скота. Къ опанкамъ привязывались ремни, которыми туго обертывались портянки почти до колѣнъ. Оно пожалуй не совсѣмъ красиво выходило, за то было мягко и удобно. Солдаты, между которыми всегда есть щеголи и остряки, говорили: «Намъ вѣдь не на смотръ идти, а мы сами у турокъ пятки-то хотимъ посмотрѣть».

Вмѣсто ранцевъ, оставленныхъ въ Боготѣ, солдаты несли свои сухари, бѣлье и мелочи въ холщевыхъ мѣшкахъ, надѣтыхъ черезъ плечо, какъ кому удобнѣе; отъ ранцевъ остались только жестяные котелки, такъ какъ большіе ротные котлы остались тоже въ обозѣ.

15-го ноября, рано утромъ, отрядъ генералъ-маіора Дандевиля выступилъ изъ Этрополя по направленію къ «Драгунскому бивуаку». Еще до разсвѣта, великолужцы и псковцы начали движеніе по обоимъ ущельямъ, ведущимъ къ «Драгунскому бивуаку», причемъ по лѣвому ущелью направились четырехфунтовки съ Великолуцкимъ полкомъ, а по правому—обѣ девятифунтовки съ Псковскимъ полкомъ.

Какъ уже было замѣчено выше, еще 14-го ноября погода измѣнилась къ худшему: въ первый разъ повалилъ сильный мокрый снѣгъ, котораго нанесло за день четверти на полторы; глинистая почва подъ тающимъ снѣгомъ совершенно распустилась; дороги окончательно испортились. 15-го ноября хотя снѣгъ и прекратился, но на дорогахъ грязь стояла невылазная.

*

Въ правомъ ущельи, по которому двинулись девятифунтовки, псковцы съ перваго же разу страшно растянулись съ артиллеріей. Хотя общій подъемъ этой дороги, покрытой тающимъ снѣгомъ и пролегавшей по скатамъ ущелья, былъ еще не великъ, но она шла такою трущобой, пересѣкала такіе глубокіе овраги, съ крутыми спусками и подъемами и не менѣе крутыми поворотами, что лошади, не смотря на то, что ихъ было запряжено по 8 на каждое орудіе и по 10 на ящикъ, не могли подняться иначе какъ при помощи людей, подхватывавшихъ орудія и ящики на рукахъ. Но съ каждымъ часомъ затрудненія еще возрастали вслѣдствіе того, что мокрый снѣгъ комьями налипалъ къ сапогамъ, отчего солдаты постоянно скользили и падали, утопая въ глубокой и вязкой грязи... Пришлось снаряды вынуть изъ ящиковъ и нести на рукахъ, лошадей выпрячь, передки отдѣльно отъ орудій тащить также на людяхъ, а орудія везти на запасныхъ волахъ. Грязь и лужи на дорогѣ были невообразимыя. Каждый ящикъ и орудіе застрявали на мѣстѣ по нѣскольку времени и трогались съ мѣста только послѣ дружнаго понуканія воловъ солдатами и болгарами. Наконецъ, уже послѣ десятичасовыхъ усилій, послѣдніе ящики, съ гикомъ и шлепаньемъ по грязи, подтянулись къ «Драгунскому бивуаку», освѣтившемуся въ сумеркахъ множествомъ костровъ. Такимъ образомъ, девятифунтовыя орудія употребили цѣлый день на прохожденіе всего лишь шести верстъ, и это по первоначальной, сравнительно еще легкой дорогѣ...

Четырехфунтовки же были доставлены на «бивуакъ», по лѣвому ущелью, безъ особеннаго труда.

Такимъ образомъ, 15-го ноября, отрядъ генералъ-маіора Данденвиля не только не дошелъ до Вратешскаго перевала, какъ это предполагалось было первоначально, но едва успѣлъ лишь стянуться къ ночи къ «Драгунскому бивуаку».

Съ вечера сдѣлано было распоряженіе о продолженіи съ разсвѣтомъ дальнѣйшаго движенія отъ «Драгунскаго бивуака», по лѣвой и правой дорогамъ, на перевалъ: по лѣвой должны были выступить псковцы съ четырехфунтовыми орудіями, по правой — великолужцы съ девятифунтовками.

На «бивуакѣ» должны были остаться въ резервѣ, на всякій случай, по батальону отъ обѣихъ колоннъ, два эскадрона драгунъ, двѣ

четырехфунтовки, а также зарядные и патронные ящики, склады фуража и сухарей, которые свозились сюда на вьюкахъ изъ Этрополя.

Такъ какъ правая и лѣвая дороги были разъединены между собой обширнымъ и непроходимымъ лѣсистымъ ущельемъ рѣчки Сухара, вслѣдствіе чего обѣ наши колонны при подъемѣ на перевалъ неминуемо должны были разъединиться, то предпріятіе это представлялось многимъ весьма рискованнымъ. Невольно думалось всякому: а ну, какъ турки на горахъ-то захотятъ отличиться и, оказавъ отчаянное сопротивленіе на одной дорогѣ, энергически атакуютъ на другой? А тутъ и орудія тащить надо, и дорога адская... Оставалась одна надежда на несообразительность турокъ и на то, что впередъ посылались великолужны и псковцы—ребята обстрѣлянные и подъ Плевной, и подъ Ловчей...

Мало кто спалъ на «Драгунскомъ бивуакѣ» въ ночь съ 15-го на 16-е ноября. Приготовленія къ движенію, собраніе и распредѣленіе по орудіямъ канатовъ, лямокъ, постромокъ, воловъ, болгаръ—не прерывались. Цѣлую ночь подходили также къ бивуаку отставшіе вьюки и другіе—съ фуражемъ и провіантомъ для склада. Патронные ящики, громоздкіе и неуклюжіе — всѣхъ замучали: ихъ и по ровному мѣсту едва тащили до бивуака, вынимая жестянки съ патронами на половину.

Выступать съ бивуака надобно было очень рано и готовиться къ выступленію съ 3-хъ часовъ утра, когда генералъ Красновъ, съ драгунами, не вытерпѣвши, уѣхалъ впередъ, хотя было еще совсѣмъ темно. За нимъ вскорѣ выступили саперы. Артиллеристы начали запрягать въ орудія воловъ, по 4 и по 6 паръ подъ каждое орудіе. Лошади должны были остаться на «бивуакѣ» при зарядныхъ и патронныхъ ящикахъ.

Всѣ сборы дѣлались при свѣтѣ костровъ, въ присутствіи начальства отряда. Около девятифунтовокъ постоянно перемѣнялась толпа великолужцевъ, внимательно ихъ оглядывавшихъ, какъ это дѣлаютъ носильщики тяжестей, передъ тѣмъ какъ поднять ихъ... Окончивъ осмотръ орудій, одного и другого, со всѣхъ сторонъ, они потомъ молча посматривали другъ на друга, или, тряхнувъ головой, отходили, не подѣлившись тутъ ни съ кѣмъ своими заключеніями. Тѣмъ, которые засматривались на орудія, или подходили очень близко, су-

ровый фельдфебель, съ важностью стоявшій у хобота, говорилъ сквозь зубы:

— Ну, вы! чего не видали? Экое диво! Пошелъ прочь...

— Да мы такъ—ничево! отвѣчали великолужцы, медленно поворачиваясь отъ орудій.

Между тѣмъ, ночью снова выпалъ снѣгъ и наступилъ морозъ, въ 5 градусовъ, крѣпко сковавшій мокрую землю...

Въ 4½ часа утра, наконецъ, тронулись орудія. Четыре четырехфунтовки (конно-горной батареи полковника Ореуса) выступили въ отличномъ порядкѣ по лѣвому подъему; имъ предстояла сравнительно лучшая дорога и хлопотъ за ними должно было быть также меньше, такъ какъ онѣ гораздо легче девятифунтовокъ.

Девятифунтовыя же орудія двинулись на правый труднѣйшій подъемъ на Вратешку, со всевозможными предосторожностями. Орудія шли безъ ящиковъ и лошадей, запряженные четырьмя парами воловъ. Въ помощь артиллерійской прислугѣ была назначена цѣлая рота великолужцевъ, которой приказано идти при орудіяхъ; снаряды велѣно нести на рукахъ, для чего назначены особыя команды; людей, отряженныхъ для помощи воламъ при подъемѣ орудій, велѣно смѣнять какъ можно чаще. Заднимъ командамъ — не отставать, а переднимъ — поджидать шедшихъ сзади.

Нѣсколько ротъ великолужцевъ были выдвинуты въ голову колонны, для разработки пути по указанію л.-гв. сапернаго батальона подпоручика Николенко, при которомъ находилось восемь человѣкъ саперъ, снабженныхъ динамитомъ. Впереди всей этой колонны шелъ драгунскій разъѣздъ и 2-я стрѣлковая рота великолужцевъ, подъ командою храбраго маіора Беатера.

Отъ «бивуака» до высотъ Вратешки дорога шла круто поднимаясь вверхъ по косогору, съ едва обозначенными на-снѣгу колеями. На бѣду, обледенѣвшая отъ мороза дорога сдѣлалась чрезвычайно скользкою; снѣгъ лишь слегка прикрывалъ гололедицу. Волы, съ трудомъ цѣпляясь копытами и скользя, начали падать на первыхъ же шагахъ, быстро истощая свои силы, такъ что солдаты и болгары сейчасъ же должны были взяться за канаты и лямки. Послышались крики и понуканья людей, тащившихъ орудія по открытому подъему, поднимавшемуся все выше и выше... Словомъ, представилась полная

картина мудреной работы, которою была занята почти треть всѣхъ людей отряда, попеременно.

Взошедшее солнце мало-по-малу растопило ледяную кору на отвердѣвшей землѣ, и дѣло пошло-было нѣсколько успѣшнѣе. Волы стали крѣпче упираться ногами; но оживленіе вокругъ орудій, попрежнему, было необыкновенное. Слѣдъ когда-то бывшаго здѣсь пути производилъ впечатлѣніе зимней, избитой, ухабистой дороги, по сторонамъ которой лежала вязкая, размокшая почва. Обнаженные изъподъ полотна дороги огромные каменья, вымытые дождями, какъ будто нарочно были крѣпко вдѣланы на дорогѣ. И вотъ по этой-то, крутыми колѣнами поднимающейся въ гору, природной мостовой и тянули великолужцы и болгары стопудовыя орудія!

По мѣрѣ того какъ пригрѣвало солнцемъ, между камнями на дорогѣ начали образовываться все большія и большія лужи, скрывавшія подъ собой топкую грязь, изъ которой волы съ трудомъ вытаскивали свои короткія ноги, поднимая ихъ потомъ съ еще большими усиліями на огромные камни. Къ счастью, великолужцы, не даромъ осматривавшіе на бивуакѣ орудія, запаслись такими здоровенными лѣсинами, что, подкладывая ихъ подъ оси, въ случаѣ остановки орудій, живо вывертывали ихъ на камни; да и саперы, шедшіе впереди съ ротою великолужцевъ, успѣвали заполнять нѣсколько эти ямы мелкими каменьями.

Однако, подъемъ орудій происходилъ очень медленно, и еще болѣе затянулся, когда каменистая дорога въ одномъ мѣстѣ оказалась дотого размытою водою, что ее пришлось бросить. По указанію проводниковъ, около шести часовъ утра, орудія повезли по другой, едва замѣтной тропѣ, болѣе гладкой, но и болѣе грязной и съ чрезвычайно крутымъ подъемомъ. Самыя же большія затрудненія, по словамъ болгаръ, ожидались еще впереди, въ лѣсу, куда уже давно вступили драгуны и на опушкѣ котораго теперь дѣлала привалъ шедшая впереди 2-я стрѣлковая рота великолужцевъ.

Орудія приваловъ не дѣлали, потому что и безъ того остановки были безпрестанныя. Во время этихъ остановокъ, происходившихъ тогда, когда орудіе попадало или въ глубокую грязь, или въ глубокую яму между камнями,—великолужцы и болгары отдыхали, съ минуту оглядывая колеса орудій, совѣтуясь и споря между собой

какъ бы выручить застрявшую артиллерію изъ бѣды. Наконецъ, кого нибудь осѣняла счастливая мысль, онъ смѣло выступалъ впередъ, самоувѣренно командовалъ, и всѣ бросались къ дѣлу, подкладывая лѣсины, прицѣпляя лямки, разгребая кое-гдѣ землю лопатами, вооружаясь хворостинами на воловъ, и потомъ сразу все это кричало, налегало, тащило, хлестало, махало, — и орудіе выносилось изъ ямы и грузно катилось впередъ, сопровождаемое криками, ободряющими буйволовъ, пока не попадало въ новую яму, когда крики разомъ прекращались и всѣ принимались опять за оглядыванье, за совѣщанья, споры и т. д. Издали вся эта толпа при орудіяхъ походила на муравьевъ, которые тащатъ что нибудь тяжелое на горку своего муравейника. Вообще, солдатъ какъ будто забавляла эта непривычная для нихъ хитрая работа. Тѣ же изъ нихъ, которые не работали, несли поодаль ружья и вещи товарищей, или снаряды, вынутые изъ передковъ.

Такъ длилась работа на протяженіи двухъ верстъ. Наконецъ, къ 10-ти часамъ утра, орудія достигли до опушки лѣса, гдѣ всѣ и остановились для отдыха.

Въ настоящую минуту отрядъ находился на серединѣ подъема на перевалъ. Судя по скорости движенія по пройденной, легчайшей, половинѣ подъема, можно было заключить, что отрядъ дойдетъ до самаго перевала лишь въ сумерки. А такъ какъ драгунскіе разъѣзды, давно уже находившіеся впереди, въ лѣсу, не доносили о непріятелѣ, и въ лѣвой колоннѣ выстрѣловъ также не было слышно, то можно было предполагать, что турокъ на подъемѣ нѣтъ, а если и встрѣтятъ они насъ, то на самомъ перевалѣ, слѣдовательно въ сумерки, когда уже поздно будетъ посылать на «Драгунскій бивуакъ» за подкрѣпленіемъ. Поэтому начальникъ отряда, генералъ-маіоръ Дандевиль, тотчасъ же послалъ на «бивуакъ» приказаніе обоимъ оставленнымъ тамъ баталіонамъ немедленно идти каждому на присоединеніе къ своему полку, т. е. къ лѣвой и правой колоннамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, 2-я стрѣлковая рота великолужцевъ, съ маіоромъ Беатеромъ и саперами, была послана впередъ, въ лѣсъ, для безостановочнаго слѣдованія до перевала и для его занятія засвѣтло.

Въ лѣсу работа съ орудіями предстояла уже совсѣмъ другая. Дорога здѣсь поднималась чрезвычайно круто и шла карнизомъ, съ одной

стороны котораго стояли крутые скаты гигантской вершины Греата, а съ другой—скатъ обрывался въ глубокое ущелье. Справа и слѣва дорогу обрамляли дубы и буки балканскіе громадныхъ размѣровъ. Это была просто узкая просѣка, вырубленная по крутому скату, между деревьями и ихъ корнями,—просѣка, шириною не вездѣ достаточная, чтобы протащить орудіе, и мѣстами — съ сильнымъ наклономъ къ обрыву... Между деревьями дорога дѣлала частые и крутые повороты. Кромѣ того, тропинка эта загромождена была глыбами камней, отъ трехъ до четырехъ футовъ толщиною и завалена нарочно срубленными непріятелемъ огромными деревьями. Грязи здѣсь, правда, было меньше. Солнце лишь слабо проникало въ чащу лѣса и потому между деревьями лежалъ довольно толстый слой снѣгу. Тѣмъ не менѣе, дорога была положительно непроходимая. Подъемы на ней были такъ круты, что, ѣдучи по ней верхомъ, приходилось держаться за холку лошади... На самомъ сильномъ конѣ надо было употребить три часа времени, чтобы взобраться верхомъ на разстояніе четырехъ верстъ этого крутаго пути въ гору! Ѣдешь туть до того медленно, что словно топчешься на одномъ и томъ же мѣстѣ... Словомъ, невозможная была дорога!

Оказалось необходимымъ высылать постоянно рабочія команды впередъ, на значительныя разстоянія, чтобы отыскивать мѣста для разработки пути посредствомъ топора, кирки, динамита и другихъ средствъ. Что же касается до орудій, то для передвиженія ихъ по этой непроходимой тропѣ пришлось прибѣгнуть къ послѣднему средству: передки были отдѣлены отъ орудій и пошли на волахъ отдѣльно, позади, а орудія втягивались на гору одни, безъ передковъ, на волахъ и людяхъ. Вскорѣ и волы оказались безполезными: переднія пары воловъ уже поворачивали по извилистой тропѣ направо и потомъ налѣво, въ то время, какъ дышловые или коренные волы еще не дотягивали орудія до перваго поворота. Пришлось поэтому три переднія пары воловъ выпрячь, оставивъ лишь по одной парѣ подъ каждымъ орудіемъ и передкомъ. Затѣмъ пришлось везти и тѣ и другія почти исключительно на рукахъ людей, поддерживавшихъ на скатахъ хоботы орудій постоянно на вѣсу, съ помощью канатовъ и лямокъ. Словомъ, потребовались величайшія усилія отъ людей. Солдаты падали отъ изнеможенія; но ослабѣвавшая энергія опять про-

буждалась въ каждомъ, при сознаніи необходимости достигнуть во что бы то ни стало перевала. Можно даже сказать, что чѣмъ невозможнѣе становился подъемъ, тѣмъ оживленнѣе становились великолужцы, не отходившіе отъ орудій и начавшіе относиться къ своему труду съ какою-то яростью...

— Нѣтъ, братцы мои! воскликналъ одинъ: это какія-то басурманскія кручи, чтобъ имъ провалиться!

— Ну-у, болтай тамъ! говорилъ другой. Берегись, ребята! Ну-ка разомъ, у-у-ухъ!.. Эге! Пошла, пошла, матушка, кати ее, не пущай ого-го-го!.. Жарь воловъ-то, не жалѣй! Эхъ-ма!.. Стой, братцы... *страсть завязли!!!*

— Ахъ! чтобъ тебя... Тутъ, братецъ ты мой, и батюшку, и матушку припомнишь... Вишь, братцы, ногу-то какъ ободрало!..

— Ну-ка, берись за матушку. Еще разъ! Улю-лю-лю! Идетъ идетъ, матушка!..

— Ну-ка ты, батюшка, поспѣвай! — отъ матушки не отставай! Вали его, вали!..

Такъ до самаго перевала и называли всѣ: головное орудіе — «матушкой», а второе «батюшкой». Адасовскій даже посылалъ людей на смѣну, приговаривая:

— Вы ребята—къ матушкѣ, а вы—къ батюшкѣ. Что тамъ съ матушкой стали опять? Бери, съ мѣста! командовалъ онъ.

Такъ подвигалась колонна, медленно и страшно растянувшись, но все-таки лѣзла вверхъ, не останавливаясь, все ближе и ближе къ цѣли.

Великолужцы и болгары сильно, конечно, проголодались, и только по временамъ жевали сухари, смоченные въ снѣговой водѣ; но объ отдыхѣ и не думали, только чаще перемѣнялись при орудіяхъ и при носкѣ снарядовъ.

Было около двухъ часовъ по-полудни. Орудія только-что подтянули къ самому трудному и неудобному мѣсту подъема, версты двѣ не доходя до перевала. Голая вершина Греата также уже виднѣлась съ правой стороны, шагахъ въ 300. Ярко свѣтившее до сихъ поръ солнце стало постепенно заволакиваться облаками...

Вдругъ, совершенно неожиданно, впереди и правѣе орудій загрохотала частая ружейная пальба...

Великолужцы, а съ ними и всѣ офицеры, съ крикомъ «ура», бросились къ головному орудію, разомъ схватили его за что попало, съ безотчетнымъ побужденіемъ помочь передовымъ. На буйволовъ посыпались дружные удары, и «матушка» довольно скоро двинулась впередъ, при общихъ крикахъ и понуканіи, но опять засѣла колесомъ между какими-то корнями и остановилась... Крики смолкли.

Положеніе орудій было критическое. Перестрѣлка разгоралась и слышалась уже совсѣмъ вправо отъ орудій, направляясь какъ будто имъ въ тылъ... Между тѣмъ вверхъ по скату Греата, вершина котораго терялась въ лѣсу, ничего не было видно; но пули такъ и щелкали по деревьямъ..

Послѣ нѣсколькихъ минутъ томительнаго ожиданія, выяснилось, наконецъ, что шедшая впереди 2-я стрѣлковая рота великолужцевъ была встрѣчена неожиданно, на голой вершинѣ Греата, сильнымъ огнемъ турокъ, засѣвшихъ на каменной грядѣ, вѣнчающей эту вершину. Великолужцы были опровинуты съ значительною потерею и отошли къ верхней опушкѣ лѣса, послѣ чего турки, въ числѣ около семи баталіоновъ, начали удлинять свой лѣвый флангъ, заходя отчасти въ тылъ всей нашей, сильно растянувшейся, колонны...

Тотчасъ же рабочія роты, находившіяся при орудіяхъ, были высланы къ мѣсту перестрѣлки, причемъ люди, не смотря на сильную усталость, пустились бѣгомъ вверхъ по скату. Въ то же время были двинуты въ дѣло подкрѣпленія.

У орудій, на крутомъ подъемѣ, осталась только полурота великолужцевъ, окопавшаяся вправо на скатѣ. Дальнѣйшее движеніе орудій сдѣлалось, конечно, невозможнымъ; ихъ приказано было остановить, а снаряды сложить въ передки и около головнаго орудія. Оставшіеся при орудіяхъ артиллеристы хлопотали вокругъ нихъ, собирая канаты, упряжь и укладывая снаряды, а нѣкоторые преспокойно жевали сухари, или перебирали вещи въ мѣшкахъ и курили трубки. Болгары же спустились съ волами влѣво отъ дороги, на нижній скатъ, и улеглись тамъ плашмя, совсѣмъ скрывшись за деревьями...

Болѣе часа уже тянулась безпрерывная пальба, все приближавшаяся къ орудіямъ съ фронта и съ тыла, гдѣ вскорѣ были ранены на перевязочномъ пунктѣ двѣ лошади.

Положеніе орудій было плачевное... Стрѣлять они не могли, ибо непріятеля не было видно, а между тѣмъ по нимъ такъ и сыпали пули. Штабсъ-капитанъ Адасовскій рѣшился, наконецъ, повернуть одно орудіе, поднявъ его дуло кверху, въ направленіи къ вершинѣ Греата, и зарядить его, на всякій случай, картечью. Подпоручикъ Ермаковъ собралъ прислугу другаго орудія и условился съ нею, въ случаѣ крайности, погибнуть при своемъ орудіи, взорвавъ передокъ съ зарядами...

Генералъ Дандевиль отправилъ уже въ Этрополь, къ начальнику отряда, извѣстіе о критическомъ положеніи своей колонны, прося подкрѣпленій, какъ вдругъ подошелъ къ лѣсу, спѣшившій уже на помощь съ «бивуака», третій баталіонъ великолужцевъ. Тогда на вершинѣ Греата завязалось упорное дѣло. Турки отчаянно дрались въ рукопашную на каменной грядѣ перевала, гдѣ атаковалъ ихъ маіоръ Беатеръ. Великолужцы, выбивъ ихъ оттуда штыками, гнали за перевалъ по направленію къ главному турецкому редуту, куда турки бѣжали, оставивъ на гребнѣ Греата до 200 тѣлъ и побросавъ на дорогѣ множество убитыхъ лошадей, патроновъ и лопатъ. Великолужцы же потеряли при этомъ 107 раненыхъ и 33 убитыхъ нижнихъ чиновъ и двоихъ офицеровъ.

Какъ только удалявшаяся наверху перестрѣлка показала, что непріятель отступаетъ, генералъ Дандевиль скомандовалъ орудіямъ:

— Впередъ, штабсъ-капитанъ Адасовскій! Берись, ребята! Гоните болгаръ!

Артиллеристы, ординарцы, полурота прикрытія, офицеры, какъ изъ земли выросшіе болгары, даже раненые, съ громкимъ «ура», схватились за «матушку», и потащили ее за генераломъ, безъ воловъ, безъ постромокъ, за что попало, съ непонятною силою. Другіе взялись за снаряды. Протащивъ, такимъ образомъ, головное орудіе безъ отдыха съ полверсты, по лучшей уже дорогѣ, при звукахъ удаляющейся и стихающей уже перестрѣлки, люди остановились, чтобы перевести духъ. Въ это время послышался влѣво, изъ-за глубокаго лѣсистаго ущелья, слабый пушечный выстрѣлъ...

— Слышите, господа,—Ореусъ ужь открылъ огонь!—сказалъ генералъ. Навались, ребята, опоздаете!—скомандовалъ онъ.

Опять «ура», и опять чуть не бѣгомъ покатилось орудіе по кар-

низу въ гору. Адасовскій и Ермаковъ схватились тоже за веревки и тащили «матушку», спотыкаясь и падая при общемъ смѣхѣ...

Наконецъ, орудіе было остановлено на открытой части карниза, огибавшаго вершину Греата, въ верстахъ въ двухъ отъ горы Шандорника. Справа, по-прежнему, поднималась лѣсистая вершина Греата; впереди, сквозь порѣдѣвшій лѣсъ, виднѣлась обнаженная вершина Вратешскаго перевала, а налѣво, вдали, за обширнымъ лѣсистымъ ущельемъ, бѣлѣлся крутой скатъ горы Шандорника, весь покрытый снѣгомъ, и на немъ, внизу, маленькая насыпь, съ которой турки тотчасъ же открыли артиллерійскій огонь, какъ по орудіямъ полковника Ореуса, такъ и по остановившемуся орудію штабсъ-капитана Адасовскаго. Главнаго редута на Шандорникѣ изъ-за лѣса не было еще видно.

Повернувъ головное девятифунтовое орудіе налѣво, на краю карниза, штабсъ-капитанъ Адасовскій открылъ огонь по турецкой батареѣ, и, пристрѣлявшись на 1,000 саженъ, сталъ удачно попадать гранатами въ самый гребень турецкой батареи, и затѣмъ началъ осыпать ее шрапнелью... Въ то же время послано было за «батюшкой»—вторымъ орудіемъ.

Великолужцы также возвращались уже съ перевала, по окончаніи преслѣдованія турокъ, съ шумнымъ говоромъ и громкими разсказами другъ другу о видѣнномъ и сдѣланномъ. Солдаты были такъ оживлены, что говорили почти всѣ, а не слушалъ никто...

Между тѣмъ сумерки быстро наступали. Турки, видя безполезность своего огня, перестали стрѣлять. Генералъ Дандевиль, отправивъ впередъ 2-й батальонъ великолужцевъ съ маіоромъ Беатеромъ для ночлега на перевалъ, приказалъ головному орудію Адасовскаго также прекратить пальбу и расположиться на ночлегъ на мѣстѣ. Второе орудіе не успѣли довезти сюда, и оно заночевало ниже, вмѣстѣ съ передками.

Тутъ только солдаты и офицеры почувствовали всю свою усталость. Всѣ такъ и повалились на снѣгъ и еле могли уже развести костры, чтобы согрѣться въ теченіи ночи.

На завтра предстояло окончить подъемъ орудій на открытую вершину перевала и, можетъ быть, опять драться съ непріятелемъ... Но объ этомъ никто уже не думалъ, и всѣ, съ какою-то увѣренностью,

спокойно завалились спать, какъ убитые, кто въ чемъ былъ, и гдѣ кто лежалъ, передъ ярко горѣвшими кострами. Такъ закончился здѣсь день 16 ноября.

Перейдемъ теперь къ лѣвой колоннѣ, состоявшей изъ Псковскаго пѣхотнаго полка и сопровождавшей на перевалъ по лѣвому подъему четыре горныхъ орудія полковника Ореуса, подъ общимъ начальствомъ командира Псковскаго полка, полковника Зубатова.

Хотя лѣвый подъемъ былъ значительно легче праваго и направленныя на него горныя орудія были далеко не столь тяжелы, какъ знаменитыя «батюшка» съ «матушкой», тѣмъ не менѣе дорога и здѣсь представляла много трудностей для подъема на перевалъ всего отряда.

У первой же горы отъ «Драгунскаго бивуака» тропинка отходитъ отъ ущелья рѣки Сухара и начинаетъ зигзагомъ подниматься на крутизну; чѣмъ выше поднималась тропинка, тѣмъ подъемъ становился круче, дѣлая частыя колѣна. Не задолго лишь высѣченная передъ тѣмъ тропинка была дотого скользка, что едва возможно было ѣхать по ней верхомъ; пѣхотинцы же взбирались на гору, карабкаясь отъ одного дерева къ другому. Густой лѣсъ покрывалъ всю гору, такъ что невозможно было свернуть въ сторону, а приходилось слѣдовать по той же горной тропинкѣ, на которой то и дѣло застрявали горныя пушки.

Къ довершенію бѣдъ, и на этой тропинкѣ, что ни шагъ, стали попадаться размокшія ямы, въ которыя люди уходили по колѣно въ растаявшій снѣгъ; тѣмъ же, которые забирались ближе къ деревьямъ, приходилось дѣлать большіе обходы. Лошади едва волочили ноги. Люди также то и дѣло садились въ изнеможеніи на снѣгъ. Къ тому же, по дорогѣ на каждомъ шагу попадались остатки разбитаго здѣсь турецкаго обоза, при отступленіи турокъ изъ Этрополя. Тропинка загромождена была ящиками съ патронами, цѣлыми грудами ядеръ; а маленькая рѣчка, черезъ которую приходилось переправляться, буквально была запружена остатками обоза. Ломанныя фуры, трупы павшаго скота, ружья, всевозможные снаряды и одежда —

все здѣсь свидѣтельствовало о спѣшномъ отступленіи непріятеля по дорогѣ, которою и безъ спѣха невозможно было пробраться.

Псковцы еле-еле передвигались по этой трущобѣ. Имъ пришлось также не мало повозиться съ четырехфунтовками. На сколько труденъ былъ этотъ подъемъ, можно еще судить по тому, что самъ начальникъ колонны, полковникъ Зубатовъ, карабкаясь по тропинкѣ, упалъ съ лошади и вывихнулъ себѣ плечо, такъ что его мѣсто долженъ былъ заступить полковникъ Шемпель.

Не доходя до опушки лѣса, отрядъ свернулъ съ упомянутой дороги влѣво, на указанную генераломъ Гурко, еще наканунѣ, горную тропинку. Аванпосты драгунъ еще раньше были выставлены на самой дорогѣ, на опушкѣ лѣса.

Отдѣлявшаяся влѣво дорожка шла на гору, по полянкѣ, окруженной лѣсомъ, и выходила на площадку каменистаго холма, спускавшагося обрывомъ въ обширное ущелье, за которымъ виднѣлся главный турецкій редутъ на Шандорникѣ—«Гюльдизъ-Табія». Надъ моремъ густаго лѣса, растущаго по дну ущелья, редутъ этотъ гордо высился на снѣжной вершинѣ Шандорника, окруженной легкимъ туманомъ...

На вышеупомянутой площадкѣ каменистаго холма горныя орудія и остановились, немедленно открывъ огонь по турецкому редуту. Турки отвѣчали безвреднымъ огнемъ, и въ сумеркахъ, какъ мы уже видѣли выше, совсѣмъ прекратили пальбу.

Между тѣмъ, генералъ Гурко, получивъ въ Этрополѣ донесеніе генералъ-маіора Дандевиля о наступленіи противъ него превосходнаго по числу непріятеля у гребня Греата, и о критическомъ положеніи правой колонны, немедленно выслалъ на поддержку этой колонны два батальона л.-гв. Измайловскаго полка, и на усиленіе лѣвой колонны л.-гв. Семеновскій полкъ, поручивъ въ то же время принять командованіе послѣднею генералъ-маіору Рауху.

Измайловцы выступили изъ Этрополя въ тотъ же день, 16-го ноября, въ шесть часовъ вечера, получивъ приказаніе идти на перевалъ, безъ артиллеріи и обоза, форсированнымъ маршемъ.

Уже съ самаго начала пути, измайловцамъ пришлось одолѣть цѣлый рядъ трудностей: батальоны слѣдовали, вмѣсто дороги, по самому руслу рѣки (Малаго Искера), по колѣно въ водѣ, пока не

дошли до входа въ правое ущелье, гдѣ былъ сдѣланъ малый привалъ. Со входомъ же въ самое ущелье, наступила непроницаемая тьма. По сторонамъ высились страшныя скалы, принимавшія ночью какіе-то фантастическіе образы. Къ довершенію бѣдъ, полилъ дождь, въ перемежку со снѣгомъ... Дождь мелкій и спорый такъ и рѣзалъ лицо. Холодъ пронизывалъ насквозь износившіяся солдатскія шинеленки. Офицеры по большей части ѣхали верхомъ и, закутавшись кто въ кожанъ, кто въ бурку, а кто въ простое резиновое пальто. У всѣхъ надѣты были башлыки, что придавало очень странный видъ двигавшейся вереницѣ людей...

Дорога тянулась вдоль берега Малаго Искера. Почва была страшно каменистая, и размокшіе солдатскіе сапоги, скользя между острыми камнями, окончательно рвались, и многіе шли уже на собственной ступнѣ. Всѣ тянулись гуськомъ, тщетно выбирая въ темнотѣ мѣста по сушѣ. На пути то и дѣло попадались ручьи, которые приходилось переходить въ бродъ. Уставшіе и промокшіе солдаты, переходя ихъ, забирали воду за голенище и продолжали апатично идти впередъ, хлябая на каждомъ шагу...

Когда же дорога взобралась вверхъ, на скаты ущелья, то здѣсь начало вдругъ морозить: сдѣлалась гололедица, безъ палки въ темнотѣ никто не могъ сдѣлать шага,—всѣ скользили, падали и обрывались назадъ; у нѣкоторыхъ были по двѣ палки въ рукахъ, но и тѣ не спасали отъ частыхъ паденій. При этомъ дорога была такъ узка, что двумъ рядомъ идти было невозможно. Отрядъ растянулся на нѣсколько верстъ... И по этой-то тропинкѣ прошли наши двѣ девятифунтовки.

Дойдя, около полуночи, до «Драгунскаго бивуака», измайловцы услышали здѣсь стоны и вскрикиванья раненыхъ, которыхъ несли сюда изъ отряда Дандевиля; носильщики въ темнотѣ скользили по гололедицѣ и грязи, награжая постоянными толчками раненыхъ и причиняя имъ тѣмъ невыразимую боль. Все это производило среди ночи на утомленныхъ солдатъ тяжедое впечатлѣніе, и измайловцы вынуждены были сойти съ дороги, взявъ правѣе. Намѣревались хоть немного отдохнуть на «Драгунскомъ бивуакѣ», измайловцы, однако, и этого сдѣлать не могли, такъ какъ вновь было получено приказаніе безостановочно слѣдовать на перевалъ.

Опять поплелись на горы измайловцы. Подъемъ вскорѣ сдѣлался такъ крутъ, что съ помощью посоховъ возможно было только взлѣзть; но спуститься обратно не представлялось уже никакой возможности, по случаю выпавшаго снѣга и страшной гололедицы. Всѣ шли пѣшкомъ. Къ еще большему затрудненію отряда, повалилъ на горахъ густой снѣгъ хлопьями.. Измайловцы сбились съ дороги; два проводника-болгарина скрылись... Положеніе отряда сдѣлалось очень затруднительнымъ, тѣмъ болѣе что нужно было спѣшить на перевалъ, гдѣ маленькій отрядъ Дандевиля ночевалъ одинъ на виду у турокъ...-Измайловцы простояли на одномъ мѣстѣ около часа, послѣ чего снѣгъ сталъ проходить. Но пришла новая бѣда: на отрядъ, помѣщавшійся на вершинѣ высокой горы, нашло облако... Мгновеніе было весьма непріятное: всѣ промокли до костей, трудно было дышать; люди стали застывать, въ особенности ноги, потому что у рѣдкихъ были сапоги цѣлые: почти у всѣхъ, не исключая даже офицеровъ, ноги были обернуты разнымъ турецкимъ тряпьемъ и сукопками отъ турецкихъ же мундировъ... Къ тому же, въ отрядѣ, изъ предосторожности, запрещено было курить и громко разговаривать.

Наконецъ измайловцы поднялись, найдя слѣдъ потерянной тропы. На дорогѣ опять послышался скрипъ носилокъ и стоны несомыхъ раненыхъ... умершихъ отъ ранъ оставляли тутъ же на дорогѣ въ сторонкѣ, у разведенныхъ костровъ... Картина было ужасная; многіе отворачивались съ содраганіемъ.

Наконецъ, скользя и падая на каждомъ шагу, измайловцы, предъ разсвѣтомъ, добрались до отряда генерала Дандевиля и расположились на лѣсистомъ скатѣ Греата, бивуакомъ на ночлегъ.

Что касается л.-гв. Семеновскаго полка, то онъ выступилъ изъ Этрополя по лѣвому подъему на перевалъ въ часъ по полуночи, спавши всего два часа. Переходъ въ темнотѣ и для семеновцевъ былъ чрезвычайно утомителенъ и медленъ, потому что ливень, а затѣмъ мятель, продолжавшіеся цѣлыя сутки, весьма затрудняли дальнѣйшія движенія по описанной уже нами лѣвой тропинкѣ, обратившейся теперь въ потоки грязи. Часовъ въ 10 утра 17-го ноября, у первой горы, гдѣ тропинка отходитъ отъ ущелья и начинаетъ зигзагомъ подниматься на крутизну, полку сдѣланъ былъ привалъ. Семеновцы расположились бивуакомъ прямо въ грязи и снѣгу, на склонѣ горы;

черезъ нѣсколько времени всѣ они, до одного, спали уже крѣпкимъ сномъ на мокрой землѣ. Между тѣмъ и здѣсь, на лѣвомъ подъемѣ, мимо отдыхающихъ семеновцевъ, то и дѣло спускались, по головоломной тропинкѣ, раненые съ позиціи Псковскаго полка, откуда съ утра 17 ноября слышалась жаркая перестрѣлка. Несчастные раненые съ величайшимъ трудомъ скользили внизъ, направляясь на перевязочный пунктъ; временами попадались и носилки съ тяжело ранеными.

Дѣло наверху шло, повидимому, не на шутку. Послѣ трехъ-часоваго отдыха семеновцы получили приказаніе спѣшить впередъ. Пришлось по страшной крутизнѣ подниматься на громадную гору, въ то время какъ съ перевала доносилась страшная трескотня частой ружейной пальбы, мѣшавшейся съ артиллерійскими залпами. Встрѣчавшіеся раненые говорили, что нашимъ плохо приходится. Съ каждой подобной новостью семеновцы съ большею энергіею принимались карабкаться на гору, но падали, выбиваясь изъ силъ, потому что подъемъ былъ страшно крутой, а между тѣмъ свѣжій снѣгъ скользилъ подъ ногами и не давалъ никакого упора; многіе солдаты расшиблись и поранили себя штыками.

Подъемъ верстъ въ десять, считая отъ Этрополя, семеновцы совершили до наступленія темноты. Не смотря, однако, на всю поспѣшность движенія, полкъ пришелъ на перевалъ, когда дѣло уже окончилось. Выславъ на позицію, съ наступленіемъ темноты, рабочихъ для устройства прикрытій, семеновцы расположились бивуакомъ въ густомъ буковомъ лѣсу. Костровъ развели многое множество; солдаты столпились вокругъ, отогрѣвая окоченѣлые члены и суша промокшую одежду. Послѣ бѣдственнаго перехода по горамъ, семеновцы были, однако, свѣжи и веселы, какъ будто ничего не случилось особеннаго. На бивуакѣ ихъ, какъ и всегда, раздавались пѣсни, слышались оживленные разсказы, не смотря на снѣгъ, вѣтеръ и проливной дождь, который начался съ вечера и не переставалъ до утра. Но какъ ни живописна была вся эта картина издали, въ дѣйствительности, надо сознаться, грустно было проводить ночь въ снѣгу, безъ палатокъ, безъ мѣховой одежды...

Вышеописанный маршъ на Вратешскій перевалъ Измайловскаго и Семеновскаго полковъ даетъ намъ полную возможность взвѣсить

всю тяжесть лишеній и трудовъ, которымъ подвергался нашъ солдатъ въ горной кампаніи. Онъ вѣчно былъ мокръ насквозь, измученъ, лишенъ отдыха и даже необходимаго для человѣка сна; цѣлые дни зачастую проводилъ онъ безъ пищи, на однихъ сухаряхъ, располагался на бивуакахъ, не разводя огней, спалъ на сырой землѣ, въ холодѣ и стужѣ, отъ которыхъ не въ состояніи была защитить его та одежда, что онъ несъ на себѣ! И послѣ такого-то перехода, попадалъ онъ въ дѣйствіе противъ непріятеля, гдѣ ждала его рана или смерть! Но терпѣніе и выносливость русскаго солдата можетъ лишь сравниться съ его храбростью: въ этихъ отношеніяхъ балканскіе походы установили его репутацію непоколебимо.

Посмотримъ теперь, что произошло въ этотъ день, 17-го ноября, на Вратешскомъ перевалѣ.

Какъ мы уже знаемъ, головное девятифунтовое орудіе въ отрядѣ генерала Дандевиля было остановлено на ночь, не доходя до Вратешскаго перевала, на дорогѣ, огибающей вершину Греата; второе же девятифунтовое орудіе заночевало еще ниже, на той-же тропинкѣ. Ночью подошли къ отряду Дандевиля измайловцы.

Едва лишь стало разсвѣтать, 17-го ноября, какъ турки открыли артиллерійскій огонь съ нижней батареи на Шандорникѣ, направляя гранаты преимущественно въ лѣсистый и крутой скатъ Греата, на которомъ, правѣе дороги, расположились бивуакомъ измайловцы. Въ одинъ мигъ весь бивуакъ нашъ былъ на ногахъ. Позади, на тропинкѣ, послышались уже крики и гиканье людей, тащившихъ, «батюшку»—второе орудіе, которое остановилось затѣмъ на дорогѣ, рядомъ съ головнымъ орудіемъ и, повернувъ налѣво, также открыло огонь. Измайловцы же начали двигаться изъ-подъ непріятельскихъ гранатъ понемногу лѣсомъ впередъ, на перевалъ, гдѣ уже стояли великолужцы съ маіоромъ Беатеромъ. Вскорѣ, въ лѣвой нашей колоннѣ, горныя орудія полковника Ореуса также подали голосъ, стрѣляя по главному редуту на Шандорникѣ—«Гюльдизъ-Табія».

Огонь нашихъ девятифунтовокъ и горныхъ орудій былъ такъ дѣйствителенъ, что турецкіе выстрѣлы на нижней батареѣ Шандорника вскорѣ прекратились, и турки начали уходить съ батарей, потянувшись лощиной къ главному редуту, расположенному на вершинѣ Шандорника.

Въ это время, въ лѣвой нашей колоннѣ, цѣпь псковцевъ, стоявшая впереди горныхъ орудій, у подножія каменистаго холма, на опушкѣ лѣса, замѣтивъ очищеніе турками батареи, стремительно бросилась впередъ, по собственной инициативѣ, съ намѣреніемъ овладѣть батареей.

Замѣтивъ движеніе псковцевъ, генералъ Дандевиль скомандовалъ своему отряду: «съ Богомъ впередъ! измайловцы, помогать»!

Всѣ пошли за генераломъ пѣшкомъ на перевалъ, таща за собой «батюшку» и «матушку». Лѣсъ рѣдѣлъ. Дорога становилась отложе и ровнѣе; теперь колеса орудій катились уже часто по твердой землѣ воловъ бросили окончательно, и везли орудія на рукахъ. Пройдя полянку, у гребня Греата, гдѣ наканунѣ великолужцы были встрѣчены турецкимъ залпомъ, отрядъ вышелъ совсѣмъ изъ лѣсу и началъ подниматься на открытую вершину Вратешскаго перевала, гдѣ всѣ остановились, старался разсмотрѣть открывшуюся передъ ними въ легкомъ утреннемъ туманѣ турецкую позицію...

Отъ громаднаго, покрытаго снѣгомъ Шандорника, увѣнчаннаго большимъ редутомъ, тянулся къ западу, къ орханійскому шоссе длинный, уступами спускающій гребень, съ редутомъ на каждомъ уступѣ. У самаго шоссе, на отдѣльномъ холмѣ, стоялъ большой и повидимому сильный и хорошей постройки фортъ Арабъ-конакъ; еще *правѣе его, нѣсколько ниже*, чернѣлся другой, повидимому свѣжей работы, высокій и большой редутъ, а за нимъ обширный турецкій лагерь, съ бѣлѣвшимися коническими палатками. Отъ всей этой позиціи турокъ, названной нами «Арабконакскою» (у турокъ «Бабаконакская»), занятый нами перевалъ отдѣлялся обширнымъ, съ отлогими скатами, лѣсистымъ ущельемъ.

Правѣе занятаго нами перевала, по обѣ стороны орханійскаго шоссе, между Орханіе и фортомъ «Арабъ-конакъ», шли значительныя лѣсистыя высоты, еще занятыя турками.

Вообще, вершина перевала, на которой появился отрядъ генерала Дандевиля, представляла отличное мѣсто для наблюденія за непріятелемъ и его позиціями, и была такъ высока, что съ нея въ ясные дни, какъ говорятъ, видны были вдали, за Балканами, минареты Софіи.

Съ большаго турецкаго редута на Шандорникѣ, изъ «Гюльдизъ-Табіи», тотчасъ же былъ открытъ артиллерійскій огонь по нашему отряду, появившемуся на открытой вершинѣ перевала. Наши девятифунтовки, встащенныя сюда съ веселыми криками, почти бѣгомъ, измайловцами и великолужцами, тотчасъ же были установлены на позиціи, впереди вершины Греата, у пригорка, заслонявшаго ихъ справа отъ выстрѣловъ съ форта «Арабъ-конакъ». Солдаты дѣятельно принялись окапывать орудія. Измайловцы же расположились вправо отъ дороги, принявшись за варку пищи и установку палатокъ на снѣгу, покрывавшемъ вершину перевала...

Между тѣмъ, псковцы, на виду отряда генерала Дандевиля, продолжали карабкаться по снѣгу крутаго и обнаженнаго ската Шандорника, и около 10-ти часовъ утра заняли очищенную турками нижнюю батарею. Видно было также, какъ горныя орудія полковника Ореуса оставили площадку на вершинѣ каменистаго холма и, спустившись также впередъ, на опушку лѣса, начали оттуда шрапнелью обсыпать редутъ «Гюльдизъ-Табія».

Такъ какъ наши правая и лѣвая колонны были до сихъ поръ разъединены другъ отъ друга обширнымъ и лѣсистымъ ущельемъ рѣчки Сухаръ, то генералъ Дандевиль отправилъ съ своей позиціи казаковъ влѣво, вдоль опушки лѣса, для открытія сообщенія съ войсками лѣвой колонны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и узнать, что предпринимается послѣдними.

Тѣмъ временемъ наша двухъ-орудійная девятифунтовая батарея была почти уже насыпана, и оба орудія немедленно открыли огонь по главному редуту на Шандорникѣ, съ дистанціи 1,400 саженъ.

Вдругъ на скатѣ Шандорника, надъ редутомъ, послышалась живая перестрѣлка и далекое, чуть слышное «ура»!... Подошва редута была вся въ дыму, въ которомъ виднѣлась какая-то свалка.. Ружейная пальба разгоралась. Отъ нижней батареи къ редуту тянулась по снѣгу темная вереница взбиравшихся вверхъ псковцевъ,—точно муравьи лѣзли они по одной тропѣ, пропадая потомъ въ дыму... Вѣтерокъ, сдувавшій по временамъ туманъ съ редута, открывалъ лѣзущихъ на него псковцевъ; правѣе редута пальба и бой продолжались.

Оказалось, что три роты псковцевъ атаковали редутъ безъ спросу. Храброй стрѣлковой ротѣ, стоявшей цѣпью впереди нижней турец-

кой батареи, почему-то показалось, что турки отступаютъ, и она бросилась къ редуту, а за ней полѣзли и другія двѣ, стоявшія у насыпи батареи. Изъ резерва полка, стоявшаго въ лѣсу, хотѣли-было поддержать атаку, но двѣ роты едва успѣли подойти къ нижней батареѣ, какъ храбрые псковцы были уже отбиты изъ редута. Солдаты разсказывали, что они забрались уже въ самый редутъ, сбросили одно орудіе въ ровъ, и что турки уже бѣжали къ выходу, но тамъ остановилъ ихъ какой-то паша съ пистолетами въ рукахъ; за нимъ явилось подкрѣпленіе, и псковцы были выбиты изъ редута...

Съ позиціи генерала Дандевиля видно было, какъ мѣстами по гребню турецкой позиціи бѣжали турки къ Шандорнику... Дѣлать нечего, подивившись безшабашной удали псковцевъ, не мѣрящихъ высоты насыпей и не считающихъ непріятеля, а прямо, безъ разсужденія, добирающихся до ручной расправы, — пришлось поддержать ихъ атаку, для чего были посланы два батальона измайловцевъ.

Однако, измайловцы не успѣли принять участія въ атакѣ: псковцы были уже отбиты и отходили отъ редута. Измайловцы только прикрыли это отступленіе своей пальбой и цѣпью, и помогли псковцамъ подобрать раненыхъ, подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ съ редутовъ.

По окончаніи дѣла, въ сумеркахъ, пальба съ обѣихъ сторонъ прекратилась, и псковцы съ измайловцами расположились на прежнихъ своихъ позиціяхъ. Въ это же время, какъ мы уже знаемъ, въ позиціи Псковскаго полка подошелъ изъ Эгрополя л.-гв. Семеновскій полкъ. Тогда же начальствованіе надъ лѣвой колонной принялъ генералъ-маіоръ Раухъ. Съ этихъ поръ та часть перевала, съ которой дѣйствовали псковцы и орудія полковника Ореуса, стала называться позиціей генерала Рауха; а то мѣсто, гдѣ расположились великолужцы и измайловцы,—позиціей генерала Дандевиля.

Псковцы потеряли въ этотъ день двухъ раненыхъ офицеровъ и 90 раненыхъ, 19 убитыхъ и 30 безъ вѣсти пропавшихъ нижнихъ чиновъ. Измайловцы потеряли одного офицера контуженнымъ, и 28 раненыхъ и 4-хъ убитыхъ нижнихъ чиновъ.

Хотя теперь вполнѣ выяснилось, что турки занимаютъ на Бабаконакскомъ перевалѣ сильную позицію, хорошо укрѣпленную и снабженную многочисленнымъ гарнизономъ, преградившимъ, такимъ

образомъ, дальнѣйшее наше движеніе за Балканы, тѣмъ не менѣе Вратешскій перевалъ окончательно перешелъ въ наши руки и у насъ здѣсь была отличная позиція, откуда турки, въ свою очередь, не могли уже насъ выбить. Прибывшій сюда вечеромъ того же дня, 17-го ноября, генералъ Гурко, съ своимъ штабомъ, рѣшилъ немедленно выслать на перевалъ подкрѣпленіе, изъ л.-гв. Преображенскаго полка съ артиллеріей,—на позицію генерала Рауха, и л.-гв. Финляндскаго полка, тоже съ артиллеріей,—на позицію генерала Дандевиля.

Пока происходило вышеописанное занятіе Вратешскаго перевала, 17-го ноября, въ $4^1/_2$ часа утра, изъ Этрополя былъ направленъ въ горы другой отрядъ, изъ одного (2-го) батальона и двухъ ротъ л.-гв. Гренадерскаго полка, подъ командою штабсъ-капитана Засулича, для занятія Златицкаго перевала.

Дорога на Златицкій перевалъ ведетъ изъ Этрополя сначала по лѣвому ущелью, по которому прошла и лѣвая колонна генерала Дандевиля, затѣмъ поворачиваетъ на юго-востокъ и взбирается на перевалъ по скатамъ ущелья одного изъ горныхъ ручьевъ.

Отъ Этрополя до перевала болгары считаютъ около пятнадцати верстъ. Изъ нихъ только версты три пути еще сколько-нибудь сносны, а прочія представляютъ такія затрудненія для движенія даже пѣшаго человѣка, что пришлось положительно отказаться отъ намѣренія поднять на этотъ перевалъ хотя бы горную артиллерію.

Прежде всего нужно замѣтить, что Златицкій перевалъ лежитъ на высотѣ 4,400 футъ, при этомъ крутизна подъема, на протяженіи 9 верстъ, необычайная. Если подъемъ на Вратешскій перевалъ представлялъ лишь вьючную тропинку, то еле-замѣтная горная тропинка на Златицкій перевалъ была тяжела и трудна даже для вьюка. Ущелье, по которому идетъ дорожка на перевалъ, съуживается мѣстами до того, что образуетъ какъ бы корридоръ, извивающійся между многочисленными вершинами Златицкаго Балкана. На днѣ этого ущелья ревetъ и бѣжитъ горный потокъ, спускаясь каскадами по неровному, съ крупными уступами ложу. Надъ этимъ-то потокомъ и вьется узенькая тропинка, плотно прижимаясь къ скалистымъ высотамъ. Съ одной стороны дорожки высятся, такимъ образомъ, скалы и каменныя глыбы, нерѣдко свѣшивающіяся надъ тропинкой, а съ другой стороны ея зіяетъ отвѣсный обрывъ, спускающійся къ самому руслу горнаго

потока. При этомъ дорожка мѣстами дѣлается не шире аршина, такъ что двоимъ ни проѣхать, ни пройти нельзя. Мѣстами она состоитъ изъ каменныхъ, иногда весьма высокихъ ступеней, мѣстами же завалена грудами щебня или огромными каменными глыбами съ торчащими острыми углами, а также свалившимися сверху гигантскими деревьями. Ѣхать по ней верхомъ — чистое наказаніе: лошадь застреваетъ ногами между камней, срываетъ съ ногъ копыта и ежеминутно спотыкается; камни обваливаются, нерѣдко увлекая всадника въ бездну, на дно кипящей пучины... Вокругъ же ущелья высится множество лѣсистыхъ вершинъ, на-подобіе гигантскихъ шапокъ, которыя то выглядываютъ одна изъ-за другой, то прячутся другъ за другомъ. Кромѣ этихъ вершинъ, клочка сѣренькаго неба надъ головой и бурливаго ручья внизу, да впереди нѣсколькихъ саженъ тропинки, постоянно извивающейся,—для путника ничего здѣсь не видно кругомъ. Куда ни глянешь, повсюду огромныя массы камня да сплошные лѣса. Тонкій слой снѣга покрывалъ уже всѣ лѣсистые склоны этихъ вершинъ.

Вотъ по какой дорогѣ предстояло лейбъ-гренадерамъ взобраться на Златицкій перевалъ, конечно, безъ орудій, и выбить засѣвшихъ на немъ турокъ. На сколько послѣдніе были увѣрены въ своей безопасности на этихъ недоступныхъ высотахъ, показываетъ уже слѣдующій случай. Около 15-го ноября, генералъ Гурко, узнавъ отъ болгаръ, что турки охраняютъ Златицкій перевалъ лишь небольшою пѣхотною цѣпью, отправилъ изъ Этрополя одну роту Великолуцкаго полка (12-ю), съ тѣмъ, чтобы прогнать съ перевала турецкій пикетъ и занять его мѣсто. Въ ущельи Малаго-Искера, верстахъ въ шести отъ Этрополя, двинувшіеся великолужцы встрѣтили по дорогѣ трехъ конныхъ башы-бузуковъ, взбиравшихся медленнымъ шагомъ по златицкой тропинкѣ. «Ѣдутъ они»,— разсказывалъ послѣ офицеръ Великолуцкаго полка,—«такіе довольные собой, болтаютъ ногами и голосятъ во все горло: «ля, ля, иль, ля, ля!..» Куда, дескать, забраться сюда русскимъ, когда здѣсь самъ чортъ себѣ ногу сломитъ... Великолужцы, притаившись за поворотомъ, какъ шарахнутъ по нимъ залпомъ,—они съ коней долой, да бѣжать во всѣ стороны, словно зайцы, и скрылись за деревьями и камнями. Великолужцы забрали съ собой ихъ коней и двинулись дальше». У самаго подъема на перевалъ, у

турецкой караулки, великолужцы *застигли, также совершенно врасплохъ*, человѣкъ 20 турокъ, которые, завидя приближеніе русскихъ, дали нѣсколько выстрѣловъ и убѣжали по тропинкѣ, *ведущей на перевалъ*. Великолужцы стали подниматься за ними, но уже близъ самаго перевала были встрѣчены сильнымъ ружейнымъ огнемъ, послѣ чего принуждены были отступить снова внизъ, къ турецкой караулкѣ, гдѣ и оставались до прихода лейбъ-гренадеръ, ограничиваясь только высылкой охотниковъ для перестрѣлки съ турками.

Лейбъ-гренадеры, въ числѣ шести ротъ, выступили изъ Этрополя въ $4^1/_2$ часа утра 17-го ноября и прибыли около десяти часовъ утра къ турецкой караулкѣ, гдѣ людямъ данъ двухчасовой отдыхъ. Затѣмъ весь отрядъ былъ раздѣленъ для атаки перевала на три маленькія колонны.

Несмотря на сильный огонь противника и страшныя препятствія на пути, лейбъ-гренадеры продолжали безостановочное наступленіе, обходя противника, иногда по снѣжнымъ горамъ, пользуясь каждымъ прикрытіемъ, каждымъ камнемъ и деревомъ, и даже успѣли занять высоты, командовавшія расположеніемъ непріятеля. Турки, въ свою очередь, неоднократно дѣлали попытки обхватить насъ съ фланговъ, но, угрожаемые контръ-обхватомъ, должны были отказаться и отъ этого намѣренія, и, несмотря на значительное превосходство своихъ силъ, начали отступать на южный склонъ горъ, частью по восточной, частью по западной окраинѣ ущелья, послѣ чего часть ихъ засѣла на южныхъ отрогахъ горъ, въ высокихъ и обрывистыхъ скалахъ, доступъ въ которымъ съ нашей стороны былъ совершенно невозможенъ.

Около этого времени, передъ сумерками, на перевалъ прибыли изъ Этрополя остальныя части Лейбъ-Гренадерскаго полка, съ командиромъ полка полковникомъ Любовицкимъ, выступившія изъ Этрополя въ 11 часовъ утра. Имъ тотчасъ же приказано было идти на подкрѣпленіе, а частью и на смѣну ротъ, бывшихъ въ дѣлѣ. Прогнавъ турокъ на южный склонъ горъ, полковникъ Любовицкій рѣшилъ за ночь окопаться на перевалѣ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій генерала Гурко, и занять пока пѣхотною цѣпью окрестныя вершины, чтобы наблюдать всесторонне за долиной Златицы, гдѣ турки имѣли укрѣпленный лагерь съ гарнизономъ изъ шести та-

боровъ, при шести орудіяхъ. О доставкѣ орудій на нашу позицію на перевалѣ пока нельзя было и думать, прежде чѣмъ саперы съ помощью кирокъ и динамита—не приведутъ тропинки, ведущей на перевалъ, сколько-нибудь въ годное состояніе.

Такимъ образомъ, Златицкій перевалъ перешелъ въ наши руки безъ помощи артиллеріи, съ потерею лишь одного или двухъ нижнихъ чиновъ легко ранеными и одного умершаго на дорогѣ отъ истощенія силъ.

Тѣмъ не менѣе, лейбъ-гренадерамъ пришлось преодолѣть, при занятіи перевала, чрезвычайныя трудности, а по овладѣніи послѣднимъ они очутились еще въ болѣе трудномъ положеніи. Теперь они находились на самой высокой точкѣ Златицкаго перевала, представляющей длинную и узкую площадку, совсѣмъ обледенѣлую, на которой дулъ сильный, пронизывающій вѣтеръ, кружа въ воздухѣ порошинки снѣга... Надъ головой простиралось, точно бездна, темное туманное небо; внизу, подъ ногами войскъ, надъ ущельями и долинами лежалъ также густой туманъ; только расположенныя вокругъ, на одной высотѣ съ перевáломъ, горныя вершины тамъ и сямъ выдѣлялись надъ туманомъ одинокими островками. На перевалъ то и дѣло быстро налетали густыя облака, закутывая гренадеръ словно густымъ бѣлымъ паромъ, дотого густымъ, что въ двухъ шагахъ невозможно было разглядѣть фигуры человѣка; черезъ минуту облако проносилось далѣе, и снова показывалось нѣсколько горныхъ вершинъ, точно иловучихъ острововъ въ широкомъ туманномъ пространствѣ. Затѣмъ, опять виднѣлось только небо, туманъ, да дулъ холодный, рѣзкій вѣтеръ, кружившій порошинки снѣга...

Что долженъ былъ чувствовать здѣсь солдатъ, вставшій въ этотъ день въ три часа ночи, сдѣлавшій по еле-проходимой горной тропинкѣ двѣнадцать слишкомъ верстъ, полѣзшій затѣмъ въ огонь на эту обледенѣлую вершину и принужденный заночевать здѣсь, въ одной лишь дырявой шинелишкѣ, на холоду, высоко подъ туманнымъ небомъ, гдѣ царятъ на просторѣ однѣ лишь стихійныя силы природы!...

Группы лейбъ-гренадеръ, завернутыхъ въ шинели и башлыки, стѣснились у костровъ, пылавшихъ на днѣ оставленныхъ турками ложементовъ. Одни изъ солдатъ лежали у костровъ, безучастно глядя

на огонь; другіе стояли молча, грѣясь; третьи кипятили въ манеркахъ воду, размачивая въ ней сухари... Нѣсколько поодаль стоятъ ружья въ козлахъ, и около нихъ нѣсколько солдатъ гренадеръ хлопаютъ отъ стужи руками... Рѣзкій, пронизывающій вѣтеръ несется по гребню хребта и загоняетъ солдатъ внутрь ложементовъ, гдѣ на оттаявшей землѣ курится костеръ, распространяя вокругъ дымъ и смрадъ... Солдаты тщетно стараются поддержать въ немъ яркій огонь, задуваемый вѣтромъ, и столь же тщетно пытаются согрѣть около него озябшія руки и ноги... Въ подобныя минуты одно спасало солдатъ: послѣ сильнаго физическаго утомленія, доходившаго до одервенѣнія, солдаты ничего уже не чувствовали,—всякая чувствительность должна была тутъ притупиться...

Но это было только еще начало зимней поры. Что же должно было ожидать солдатъ на этомъ перевалѣ, гдѣ имъ предстояло провести не одну недѣлю, съ наступленіемъ настоящей суровой зимы, съ ея морозами и мятелями?..

Занятіе Златицкаго и въ особенности Вратешскаго и Правецкаго переваловъ, стоившее нашимъ войскамъ столькихъ трудовъ и лишеній, имѣло, однако, весьма важныя для насъ послѣдствія.

Какъ мы уже знаемъ, на правомъ флангѣ нашего наступленія на Балканы, на самомъ удобномъ и торномъ пути черезъ эти горы, на софійскомъ шоссе у города Орханіе, турки имѣли большой укрѣпленный лагерь, занятый сильнымъ отрядомъ. Правда, собственно городъ Орханіе, расположенный между горъ, въ обширной долинѣ, не былъ занятъ турками; но они укрѣпились къ югу отъ него, на высотахъ близъ деревни Врачешъ, у самаго входа во Вратешское ущелье, по которому проходитъ шоссе изъ Орханіе на Арабъ-конакъ и далѣе въ Софію *). Здѣсь же — въ Орханіе и Врачешѣ — турки держали главные склады провіантскихъ и военныхъ запасовъ, предназначавшихся, вѣроятно, для Плевны.

Выше было замѣчено также, что во время нашихъ дѣйствій противъ Вратешскаго и Златицкаго переваловъ, на занятой нами позиціи

*) Послѣ дѣлъ при Правцѣ и Этрополѣ, Мегеметъ-Али-паша сосредоточилъ у Врачеша 18 батальоновъ, 2 батареи, 1 эскадронъ и 500 черкесовъ, подъ начальствомъ Шакира-паши.

ціи у Правца были оставлены, подъ начальствомъ генералъ-маіора Эллиса 1-го, гвардейская стрѣлковая бригада и л.-гв. Московскій полкъ, съ частью гвардейской кавалеріи, съ цѣлью заслона и наблюденія за непріятелемъ со стороны Орханіе. Въ виду этого, генералъ Эллисъ, начиная съ 12-го ноября, производилъ изъ Правца частыя рекогносцировки и развѣдки къ сторонѣ Орханіе. Но 17-го ноября, какъ только генералъ Дандевиль занялъ и утвердился на Вратешскомъ перевалѣ, появившись, такимъ образомъ, на флангѣ и отчасти даже въ тылу орханійскихъ турокъ, послѣдніе тотчасъ же очистили орханійскую позицію, удалившись всѣмъ отрядомъ на укрѣпленія Арабъ-конака. Генералъ Эллисъ 1-й какъ нельзя лучше воспользовался этой оплошностью турокъ: замѣтивъ отступленіе ихъ, онъ въ тотъ же день, 17-го ноября, двинулъ впередъ, на Орханіе, л.-гв. Уланскій полкъ, подъ командою генералъ-маіора Эттера, который не далъ времени непріятельскимъ арріергардными войскамъ не только захватить съ собою провіантскіе и другіе запасы, но и уничтожить ихъ, и такимъ образомъ овладѣлъ огромными складами продовольствія и боевыхъ запасовъ въ Орханіе и Врачешѣ. Достаточно сказать, что во Врачешѣ одной пшеничной муки было захвачено нами до 60,000 пудовъ. Овса, сухарей, рису, масла и проч. найдено было также огромное количество. Гораздо менѣе было найдено мундирной одежды. Но все это, конечно, должно было современемъ сильно пригодиться намъ.

На другой день, 18-го ноября, генералъ Эллисъ 1-й, оставивъ дежурныя части у захваченныхъ складовъ, двинулъ изъ Правца, чрезъ Орханіе и Врачешъ, по софійскому шоссе гвардейскую стрѣлковую бригаду и л.-гв. Московскій полкъ, спустивъ за ними, въ то же время, и артиллерію съ позиціи на Правецкихъ высотахъ. Къ вечеру отрядъ, не встрѣтивъ непріятеля, остановился бивуакомъ на софійскомъ шоссе, во Вратешскомъ ущельи, предъ турецкими укрѣпленіями на Арабъ-конакѣ. Справа и слѣва занятаго нами ущелья высились огромныя, сплошь покрытыя густымъ лѣсомъ — горы, изъ которыхъ расположенныя влѣво отъ шоссе примыкали къ правому флангу позиціи генерала Дандевиля; но наше вниманіе было обращено преимущественно на огромную лѣсистую гору, стоявшую вправо

отъ шоссе, которая командовала почти всѣми турецкими позиціями на Арабъ-конакѣ и даже ихъ лагеремъ за этимъ переваломъ.

Въ ту же ночь, съ 18-го на 19-е ноября, было приступлена къ поднятію на людяхъ девятифунтовыхъ орудій на высокія горы правой и лѣвой стороны ущелья, а также къ устройству на нихъ укрѣпленій и къ переноскѣ въ нихъ на рукахъ снарядовъ. Работа эта продолжалась день и ночь, въ теченіи всего 19 и 20 ноября, вплоть до утра 21-го. Встаскиваніе стопудовыхъ орудій и снарядовъ на страшныя кручи горъ, не смотря на краткость разстоянія отъ шоссе, сопряжено было съ громаднѣйшими трудностями; на каждое орудіе приходилось назначать по 100 человѣкъ рабочихъ, а для подноски каждаго снаряда потребно было неменѣе $2^1/_2$ часовъ, только чтобы дойти отъ шоссе до батарей. При этомъ густота лѣса на горахъ была такъ велика, что роты, расположенныя въ близкомъ разстояніи, не могли видѣть одна другую, и потому москвичамъ пришлось еще выполнить тяжелый трудъ вырубки въ лѣсу просѣкъ, за недостаткомъ топоровъ, солдатскими тесаками... Къ утру 21-го ноября передъ Арабъ-конакскою позиціею были три батареи на десять 9-ти фунтовыхъ орудій.

Нужно замѣтить, что на 21 ноября генераломъ Гурко было назначено усиленное бомбардированіе, со всѣхъ занятыхъ нами переваловъ, непріятельскихъ укрѣпленій. Поэтому и съ позиціи генерала Эллиса былъ открытъ съ утра этого дня сильный артиллерійскій огонь по Арабъ-конаку.

Было ли причиной открытія нами артиллерійскаго огня, или же поводомъ къ тому послужило соглашеніе Мегемета-Али съ Сулейманомъ-пашой, наступавшимъ въ то время на Елену, — только турки утромъ 21-го ноября, въ значительныхъ массахъ вышли изъ укрѣпленій Арабъ-конака и съ необычайнымъ ожесточеніемъ набросились на позицію генерала Эллиса, занятую л.-гв. Московскимъ полкомъ и частью гвардейской стрѣлковой бригады.

Начался ожесточенный бой, длившійся до пяти часовъ по полудни, причемъ турки подбили у насъ нѣсколько орудій и разъ ворвались было на одну изъ нашихъ батарей; въ свою очередь москвичи и стрѣлки всякій разъ отбрасывали турокъ съ огромнымъ урономъ и по пятамъ ихъ врывались даже въ турецкіе ложементы.

Въ виду цѣлей настоящаго очерка, мы не будемъ подробно описывать этого славнаго боя, но замѣтимъ, что здѣсь неполныя наши 5-ть батальоновъ отбили три ожесточенныхъ атаки 18-ти непріятельскихъ батальоновъ, дравшихся съ замѣчательнымъ мужествомъ и упорствомъ.

Къ концу боя, на просьбу генерала Эллиса 1-го о подкрѣпленіи, ему были высланы съ позиціи генерала Дандевиля—л.-гв. Финляндскій полкъ, и изъ резерва въ Орханіе — л.-гв. Павловскій полкъ. Полки эти прибыли на позицію генерала Эллиса около 5-ти часовъ по полудни, т. е. когда всѣ атаки противника были уже отбиты стрѣлками и московцами. Финляндцы смѣнили московцевъ на передовой позиціи, а послѣдніе отошли за батарею.

Такимъ образомъ, къ вечеру 21-го ноября, обѣ противныя стороны удержались на прежнихъ своихъ позиціяхъ, причемъ туркамъ удалось только захватить и сильно укрѣпить ту высоту, съ которой они въ теченіи дня старались обхватить нашъ правый флангъ.

Тѣмъ не менѣе, не могло уже быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что мы окончательно удержали за собой весьма важную позицію на шоссе предъ Арабъ-конакомъ, имѣвшую непосредственную связь съ позиціей генерала Дандевиля.

Теперь оставалось только русскимъ обезопасить правый флангъ позиціи генерала Эллиса, противъ котораго турки заняли крѣпкую позицію на отдѣльной высотѣ. Съ этой цѣлію на слѣдующій же день, 22-го ноября, изъ Вратешскаго ущелья былъ двинутъ вправо л.-гв. Павловскій полкъ, для занятія горы, находившейся почти въ тылу занятой турками позиціи предъ нашимъ правомъ флангомъ.

Послѣ полудня павловцы, безъ дорогъ, подошли къ упомянутой горѣ, страшно крутой, вершину которой нельзя было и различить снизу съ долины. Всѣ офицеры сошли съ лошадей и впереди солдатъ принялись карабкаться почти по отвѣснымъ лѣсистымъ крутизнамъ Чѣмъ выше поднимались павловцы, тѣмъ лѣсъ становился все гуще и увеличивалась толщина деревьевъ и крутизна подъема. Постепенно павловцы забрались, наконецъ, въ густое облако, которое застлало отъ нихъ дно глубокихъ пропастей, спускавшихся по обѣимъ сторонамъ подъема. Съ каждымъ шагомъ солдаты все чаще и чаще останавливались, чтобы перевести духъ отъ страшной

крутизны. Запыхавшись, павловцы соберутся кучками на скатѣ и стоятъ, опершись обѣими руками на ружья... Воздухъ былъ свѣжъ и холоденъ, но отъ тяжелаго подъема надъ солдатами стоялъ какъ бы паръ. Послѣ порядочныхъ усилій, отрядъ добрался, наконецъ, до площадки, имѣвшей видъ какъ бы обширной, обнаженной вершины, окруженной со всѣхъ сторонъ лѣсомъ. Туманъ здѣсь былъ такой страшный, что въ двадцати шагахъ положительно не было видно человѣка, а потому и не удивительно, что павловцы приняли упомянутую площадку за высочайшую точку горы, на которую они лѣзли, и расположились здѣсь на ночлегъ. Между тѣмъ, это былъ только уступъ горы, вершина которой была еще далеко отсюда.

Тотчасъ же приступлено было къ возведенію укрѣпленій на упомянутомъ уступѣ; въ то же время, присланный изъ Врачеша батальонъ московцевъ тащилъ уже сюда, съ криками и шумомъ, два девятифунтовыхъ орудія... Выставленные на противоположный скатъ горы наши аванпосты едва не смѣшались въ темнотѣ съ турецкими пикетами, которые тоже расположились-было на этой горѣ; но послѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ выстрѣловъ, раздавшихся въ темнотѣ въ разныхъ мѣстахъ перевала, аванпосты обѣихъ сторонъ распредѣлились, наконецъ, надлежащимъ образомъ, при томъ къ намъ попалъ одинъ плѣнный турокъ; тогда же одному павловскому солдату, намѣревавшемуся захватить въ темнотѣ турецкаго часоваго, турки отрубили саблей пальцы на рукѣ...

Пронизывающая сырость, холодъ и вѣтеръ уже теперь давали себя знать. Павловцы, дрожа отъ холода и сырости, развели здѣсь большіе костры, стараясь подлѣ нихъ согрѣться и заснуть; но отъ холода постоянно приходилось просыпаться, а утромъ многіе встали съ прожженными у костровъ шинелями и сапогами...

Утромъ, дѣйствительно, оказалось, что занятая павловцами площадка была не вершиной горы, а лишь уступомъ ея. Тамъ не менѣе, въ виду важности этой позиціи, рѣшено было оставить на ней батальонъ московцевъ. Присланный же сюда въ это время съ новыми орудіями, съ позиціи генерала Рауха, баталіонъ л.-гв. Преображенскаго полка былъ посланъ на самую вершину горы; туда же были переведены и павловцы.

«Преображенская гора» представляла высшій пунктъ, командующій надъ турецкими позиціями, такъ какъ всѣ впереди лежащія высоты, занятыя турками, были гораздо ниже ея. Съ Преображенской горы открывался обширный видъ: слѣва, вдали, виднѣлись укрѣпленія Арабъ-конака и Шандорника, притомъ Преображенская гора занимала такое положеніе относительно упомянутыхъ укрѣпленій, что съ нея виднѣлась только тыловая сторона ихъ. Прямо, передъ фронтомъ Преображенской горы, шло обширное ущелье, за которымъ тянулся горный хребетъ, а за нимъ возвышался другой хребетъ, на которомъ были расположены редуты и лагерь лѣваго фланга турокъ. Вправо съ Преображенской горы виднѣлась уже въ туманной дали софійская долина, съ темными абрисами ея селъ и деревень.

Такимъ образомъ Преображенская гора, господствуя надъ всѣми окрестными высотами, представляла весьма важную для насъ, командующую и неприступную для турокъ позицію. Но жизнь на этой заоблачной высотѣ для нашихъ войскъ представляла въ перспективѣ также мало утѣшительнаго. Самая вершина горы была обнажена и покрыта снѣгомъ; ее окружалъ густой лѣсъ изъ гигантскихъ буковыхъ деревьевъ. Павловцы и баталіонъ преображенцевъ расположились бивуакомъ въ этомъ лѣсу. Густой туманъ или, вѣрнѣе, облака постоянно окутывали вершину горы и, сгущаясь на вѣтвяхъ деревьевъ, падали оттуда большими, тяжелыми каплями и такъ часто, что походили на дождь... Едва прошло нѣсколько часовъ, какъ павловцы и преображенцы были уже всѣ совершенно мокрые. Разведенные костры отъ страшной сырости еле-горѣли, за то дымили ужасно; постоянный вѣтеръ разносилъ этотъ дымъ по всему бивуаку, такъ что некуда было отъ него спрятаться. Дымъ разъѣдалъ глаза до такой степени, что они дѣлались красными и въ нихъ чувствовалась сильная боль; кромѣ того, у всѣхъ отъ дыма разболѣлись головы. Ночи на этомъ перевалѣ были еще ужаснѣе. Земля отъ крупныхъ капель, безпрестанно падавшихъ съ деревьевъ, была такъ сыра и мокра, что стоило только прилечь на бокъ и полежать нѣсколько минутъ, какъ весь бокъ становился совершенно мокрымъ, и, не смотря на страшную усталость, всѣ ежеминутно просыпались отъ этого, чрезвычайно непріятнаго ощущенія; но лишь только проснувшійся открывалъ глаза,

какъ его начиналъ доѣдать дымъ отъ костровъ... Дымъ и «холодныя души» вскорѣ выгнали многихъ изъ лѣсу на открытую площадку вершины; но здѣсь холодъ и вѣтеръ были такъ сильны, что тѣ, которые вышли сюда, принялись бѣгать по поляпѣ и утаптывать снѣгъ, и затѣмъ ворочались къ тѣмъ же дымнымъ кострамъ... Въ особенности тяжело было здѣсь положеніе офицеровъ, еще не получившихъ своихъ палатокъ: они принуждены были продремать цѣлую ночь, сидя на бревнахъ, у костровъ, постоянно вздрагивая отъ холода. Но и въ палаткахъ было не лучше. Страшный холодъ и сырость заставляли солдатъ дрожать подъ ихъ истасканными шинелишками и выгоняли ихъ изъ палатокъ къ тѣмъ же дымнымъ кострамъ погрѣться... Такимъ образомъ, хотя дѣла и не было, но спать никому не приходилось. Днемъ здѣсь царилъ вѣчный туманъ и кругомъ стояла какая-то мгла, солнце почти совсѣмъ не показывалось. Словомъ, и павловцы забрались такъ высоко, что имъ приходилось постоянно стоять въ облакахъ. Можно теперь судить по этому, что ожидало здѣсь павловцевъ зимою!..

Чтобы покончить съ занятіемъ нашими войсками балканскихъ перевалокъ, намъ остается упомянуть еще о занятіи нами, въ концѣ ноября, въ сторонѣ отъ всѣхъ вышеупомянутыхъ позицій и безъ непосредственной связи съ ними, высотъ противъ деревни Лютикова, къ западу отъ Орханіе.

Съ занятіемъ нашими войсками Лютиковскихъ высотъ, правый флангъ отряда генерала Гурко окончательно вошелъ въ связь съ кавалерійскимъ отрядомъ генералъ-маіора Леонова, давно уже стоявшимъ во Врацѣ.

Такимъ образомъ, Западный отрядъ генерала Гурко, не считая врацской кавалеріи, охранявшей правый флангъ этого отряда, занялъ всѣ балканскіе перевалы передъ позиціями арміи Мегемета-Али, растянувшись на огромномъ протяженіи, отъ Златицкаго перевала до Лютикова, къ западу отъ Орханіе. При такой растянутости отряда, войскамъ нашимъ необходимо было, прежде чѣмъ приступить къ какимъ-либо дѣйствіямъ противъ турокъ, предварительно самимъ по возможности сильнѣе укрѣпиться на занятыхъ ими перевалахъ, и съ этою цѣлію немедленно доставить сюда всю артилерію отряда и боевые снаряды, не говоря уже о необходимости

доставленія на перевалы большихъ запасовъ продовольствія, въ которыхъ войска ежедневно нуждались.

Между тѣмъ, ввозъ всей артиллеріи, снарядовъ и провіанту на перевалы—представлялъ для нашихъ войскъ колоссальныя трудности. Какъ мы уже знаемъ, передовые отряды, занимая перевалы, подымали за собой, и то съ величайшими усиліями, лишь по два, по три орудія, да и то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только четырехъ-фунтовыя, а на нѣкоторые перевалы, какъ напримѣръ на Златицкій, за трудностью подъема, и совсѣмъ не было поднято орудій. Надобность же въ послѣднихъ, въ виду сильной артиллеріи, обнаруженной на турецкихъ позиціяхъ,—была настоятельная. Безъ орудія намъ нечего было и дѣлать на перевалахъ. Пришлось, такимъ образомъ, во что бы то ни стало поднять на перевалы массу орудій, которыхъ въ отрядѣ генерала Гурко, какъ мы уже знаемъ, было 174,—54 четырехфунтовыхъ, а именно и 120 девятифунтовыхъ, т. е. сто пудовыхъ пушекъ, а вмѣстѣ съ ними поднять на горы и еще болѣе грузную массу артиллерійскихъ снарядовъ.

И началась, такимъ образомъ, для нашихъ солдатъ, уже сильно изморившихся предшествовавшимъ лазаньемъ по горамъ, безсонными ночами, недостаткомъ пищи и холодомъ, новая адская работа—вотаскиваніе орудій и зарядовъ на отвѣсныя кручи балканскихъ переваловъ.

Еще 17-го ноября, тотчасъ по занятіи отрядомъ генерала Дандевиля Вратешскаго перевала, было предписано остававшимся у Этрополя финляндцамъ, преображенцамъ и батальону измайловцевъ—приступить немедленно къ подъему на вышеупомянутый перевалъ орудій и снарядовъ; по мѣрѣ занятія нашими войсками прочихъ переваловъ, должна была происходить доставка артиллеріи и на послѣдніе, соотвѣтствующими частями войскъ.

Для уменьшенія трудностей при подъемѣ артиллеріи на перевалы, начальникомъ отряда были заранѣе предложены войскамъ, приказомъ отъ 16-го ноября, слѣдующія мѣры: всѣ орудія распредѣлить по пѣхотнымъ полкамъ, въ которыхъ къ каждой ротѣ прикомандировать одно орудіе съ зарядными ящиками, притомъ при движеніи полуроты должны чередоваться при орудіяхъ и ящикахъ; такимъ образомъ отвѣтственность за доставку ввѣренныхъ ротамъ орудій

падала на ротныхъ командировъ. Имѣющіеся при частяхъ вьюки должны слѣдовать за своими частями; кавалеріи идти въ хвостѣ колонны. Въ каждой части имѣть въ запасѣ лямки, ярма и нѣсколько паръ воловъ для помощи артиллеріи Въ колоннахъ никакихъ повозокъ не имѣть. Всякое движеніе должно начинаться рано утромъ, пока еще темно, и оканчиваться потомъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ застанетъ ночь. Въ томъ же самомъ порядкѣ, какъ шли, колонны должны располагаться на ночлегъ, на бивуакахъ, и затѣмъ до свѣта продолжать снова свое движеніе.

При началѣ движенія, все было предусмотрѣно. Такъ, войскамъ рекомендовалось, при выступленіи съ ночлеговъ, забирать съ собою на дорогу по фунту вареная мяса; на ночлегахъ производить варку пищи; семидневный запасъ сухарей, выданный на руки солдатъ, расходовать со строгимъ разсчетомъ и проч. Но на дѣлѣ, многія части, еще со времени выступленія изъ Яблоницы, совсѣмъ не видѣли мяса, ибо порціонный скотъ не могъ слѣдовать по горамъ за постоянно передвигавшимися съ мѣста на мѣсто батальонами, да скота нерѣдко и совсѣмъ негдѣ было достать. Поэтому и варки на ночлегахъ не могло происходить; къ тому же усталымъ солдатамъ, еле-добравшимся до мѣста ночлега, часто было совсѣмъ не до варки. Вслѣдствіе этого и расчетливое расходованіе сухарей оказывалось также невыполнимымъ, такъ какъ, питаясь одними лишь сухарями, солдаты, при тяжкихъ трудахъ, съѣдали ихъ въ два—три дня, и затѣмъ имъ совсѣмъ уже нечѣмъ было питаться, ибо интендантскій обозъ невозможно было притянуть изъ Яблоницы въ горы; для новаго снабженія войскъ сухарями, приходилось, такимъ образомъ, по нѣсколько дней довольствоваться ожиданіемъ, пока привезутъ сухари на вьюкахъ... И при такихъ-то условіяхъ изморившимся солдатамъ приходилось еще тащить на себѣ въ горы артиллерію и снаряды.

Чтобы вполнѣ представить себѣ всю трудность этого гигантскаго предпріятія, нужно еще припомнить, въ какомъ состояніи находились теперь тропинки, ведущія на перевалы. Вслѣдствіе стоявшей въ горахъ въ теченіи нѣсколькихъ дней оттепели, сопровождавшейся по временамъ ливнями съ мокрымъ снѣгомъ, глинистая почва на всѣхъ подъемахъ до невѣроятности распустилась и превратилась

въ сплошное море грязи. Послѣ-же того, какъ по этимъ дорогамъ прошли съ орудіями наши передовыя войска, на подъемахъ появились буквально цѣлыя рѣки, состоявшія изъ жидкой глинистой грязи съ мелкими каменьями... Часто потокъ этой своеобразной лавы сворачивалъ по горѣ съ дороги и, прорывъ для себя выходъ, медленно спускался въ боковые овраги и глубокія ущелья... Разжиженная почва еще болѣе обнажила на дорогѣ огромные камни съ торчащими острыми углами и рядомъ съ ними обнаружила гигантскіе корни деревьевъ, представлявшіе родъ крѣпкихъ тенетъ, въ которыхъ легко было завязнуть или запутаться... Прибавьте къ этому еще страшную крутизну подъемовъ, описанныхъ выше, зигзаги ихъ и узкость тропинокъ:—и тогда можно будетъ отчасти представить себѣ, какая работа ожидала нашихъ изможенныхъ солдатъ при подъемѣ на эти горы стопудовыхъ орудій и тяжеловѣсныхъ снарядовъ.

Вначалѣ въ орудія стали-было впрягать воловъ, въ четырехфунтовыя—по четыре пары, а въ девятифунтовыя—по шести паръ или по 12 воловъ. Но движеніе на волахъ въ дождь, слякоть и грязь, по крутымъ подъемамъ, нисколько не могло облегчить трудностей подъема артиллеріи, если еще не затрудняло его. Съ перваго же разу всѣ приспособленія портились, рвались, и все ежеминутно приходилось перестраивать и перемѣнять. Въ этомъ случаѣ, помогали еще кое-какъ дѣлу болгары, сопровождавшіе артиллерію добровольно, и отчасти по наряду, а также наши солдаты изъ малороссовъ, близко знакомые со способомъ передвиженія на волахъ. Они живо приспособляли ярмо и, ставъ между буйволами, смѣло помахивали палкой, выкрикивая свое родное—«Цобъ, цобе»! Солдаты, не смотря на то, что вязли по колѣно въ грязи, скользили на подъемахъ и падали, не упускали, однако, случая посмѣяться надъ малороссами спрашивая ихъ, отчего буйволы не понимаютъ такого языка, какъ хохлацкій, и не трогаются съ мѣста. Малороссы, обыкновенно, пресерьезно отвѣчали:

— «А бисъ ихъ знае, что вонъ не разумятъ».

Приходилось солдатамъ съ первыхъ же шаговъ помогать воламъ, цѣпляясь за колеса, за канаты и лямки, рискуя при этомъ неосторожно ступить ногой въ яму или лужу, и попасть подъ колесо орудія или подъ ноги воловъ. Къ тому же, во многихъ мѣстахъ дороги

перерѣзывались ручьями, при переѣздѣ черезъ которые орудія то и дѣло застрявали, солдаты, по колѣно и выше въ водѣ, снова хватались за постромки, колеса и за что попало, раздавались обычные въ этихъ случаяхъ возгласы и понуканія, и, послѣ страшныхъ усилій, орудіе кое-какъ выходило изъ воды. Работа, конечно, была адская: кругомъ слякоть, холодъ и вѣтеръ, а тутъ приходится возиться съ девятифунтовымъ орудіемъ по колѣно въ водѣ... Но солдаты уже не обращали на это никакого вниманія.

Истинныя же мученія для солдатъ начинались, обыкновенно, съ половины подъемовъ, когда дороги становились необыкновенно круты, узки, извилисты и грязны, съ наклономъ въ какое нибудь ущелье или пропасть. Тутъ уже не только приходилось, помогая воламъ, тащить на себѣ орудіе, но еще и удерживать его, чтобы оно не скатилось въ сторону, на дно оврага. Здѣсь же преимущественно встрѣчались огромные камни, лужи и корни на дорогѣ. Особенно же затрудняли движеніе и дѣлали даже излишней помощь воловъ—частые и крутые повороты тропинокъ въ какой нибудь узкой лѣсной просѣкѣ. Лавировать между деревьями съ воламъ, запряженными цугомъ, было чрезвычайно затруднительно. Приходилось при каждомъ поворотѣ поворачивать орудіе на боевой его оси, выпрягать переднихъ воловъ и тащить орудіе исключительно на себѣ. Но колеса орудій то и дѣло застрявали, то между камнями, то въ ямѣ, наполненной щебнемъ и грязью...

Вотъ застряло орудіе между гигантскими корнями огромнаго дерева. Воловъ перепрягаютъ, подвязываютъ отводы, постромки; люди надѣваютъ на себя лямки, берутся за длинные канаты и ждутъ въ полной готовности команды.

— Ну, съ Богомъ, ребята!—командуетъ ротный; фельдфебель подсчитывай!

— Разъ, два, три—бери! выводитъ фельдфебель.

Но орудіе какъ вкопанное.

— Ну, еще, ребята: разъ, два, три—бери!

Орудіе все стоитъ.

— Ваше высокоблагородіе, позвольте мнѣ ребятамъ подсчитать, говоритъ кто-нибудь изъ солдатъ постарше.

— Валяй, братъ, валяй.

— Ну, ребята, разбирайтесь! слушайте!

Солдатикъ затягиваетъ:

«Что вы, братцы, припотѣли...
Али водки захотѣли.
Эй, дубинушка, ухнемъ»!..

Всѣ какъ въ одинъ голосъ:

«Эй, зеленая, сама пойдетъ!
Охъ»!..

Но «зеленая» какъ на зло не идетъ, уперлась и стоитъ.

«Ну, разомъ, разомъ!..
Охъ»!..

Орудіе ни съ мѣста.

«Ну, дубинушка, ну, зеленая, сама пойдетъ!
Идетъ!!!.. Пошла»!!!..

И дѣйствительно, послѣ получасовыхъ усилій, орудіе, наконецъ, трогалось и, послѣ долгой остановки, шло уже съ какой-то непонятной быстротой.

Нужно было при этомъ видѣть радость и восторгъ солдатъ, искренно вѣровавшихъ въ магическую силу «Дубинушки»...

«Дубинушка» эта, сопровождаемая возгласами, стонами и вскрикиваньями, усиливаемыми эхомъ горъ и лѣсной чащи, долго раздавалась на балканскихъ перевалахъ, точь въ точь какъ когда-то на берегахъ Волги, когда бурлаки тянули по ней лямкой барки. Въ теченіи нѣсколькихъ дней можно было созерцать на подъемахъ картину этого медленнаго движенія изогнувшихся въ поясъ людей, загрязненныхъ съ головы до ногъ и обливавшихся обильнымъ потомъ. Обыкновенно, движеніе это имѣло такой видъ: подлѣ каждаго вола, оставленнаго въ упряжи, стояло по малороссу или болгарину, съ палкой въ рукѣ, которой они пихали воловъ въ животъ и въ спину, издавая при этомъ пронзительные крики на всевозможные лады и тоны. Отъ передней пары воловъ тянулся длинный канатъ, за который брались наши солдаты, иногда также въ перемежку съ болгарами, и, нагнувшись, тоже тянули впередъ, помогая воламъ. Но канатъ часто оказывался слишкомъ коротокъ по числу помощниковъ: тогда двое солдатъ, уцѣпившись за конецъ каната, подавали свои руки слѣдующимъ двумъ солдатамъ, которые, въ свою очередь, притяги-

вали руки впередъ и за нихъ ухватывались еще двое и т. д., составляя, такимъ образомъ, какъ бы живую длинную цѣпь изъ рукъ, человѣкъ въ тридцать или болѣе, и служа какъ бы живымъ продолженіемъ каната. Отъ большого каната шли маленькія веревки, въ видѣ вѣтвей; иной перекидывалъ такую веревку черезъ плечо или надѣвалъ на руку, но веревка тонкая и рѣзала плечо и руку... Вообще, канатовъ и лямокъ рѣдко хватало на то число людей, которое въ состояніи было тянуть стопудовое орудіе. Обыкновенно, девятифунтовку тащило человѣкъ 200, а между тѣмъ на каждое орудіе имѣлось только по нѣсколько штукъ лямокъ. Никто, конечно, не предвидѣлъ, что пушки придется возить людьми, а потому и приспособленій никакихъ не было, что разумѣется удесятеряло трудъ солдатъ.

За вереницами солдатъ, тянувшихъ за канаты и веревки, самаго орудія и не видать было вовсе: оно исчезало въ кучѣ людей, облѣплявшихъ его со всѣхъ сторонъ и съ натугой подвигавшихъ его: человѣкъ по шести уцѣплялись за колеса, надавливая руками и ногами на спицы; толпа болгаръ и солдатъ наваливалась на самую пушку... Это былъ, словомъ, не человѣческій трудъ! Толпа изображала изъ себя какъ бы густой муравейникъ, изъ людей галдящихъ, понукающихъ другъ друга разнообразными криками, или заунывно тянувшихъ «Дубинушку», кончавшуюся опять дружными возгласами, въ родѣ: «го, го, го! ухъ! охъ»! сливавшимися въ какой-то общій стонъ, въ которомъ, за общимъ гвалтомъ, нельзя было уже различить отдѣльныхъ говоровъ... Орудіе, между тѣмъ, подвигалось впередъ съ медленностью черепахи, то и дѣло застрявая въ грязи, между каменьями и корнями. Цѣлый часъ иногда уходилъ, чтобы сдѣлать только четверть версты! Солдаты при этомъ съ трудомъ выворачивали ноги изъ грязи. У каждаго изъ нихъ, начиная съ ногъ, все было покрыто грязью, шинель, штаны, самое лицо было забрызгано грязью, вплоть до шапки и башлыка. Нерѣдко, во время самой натуги, когда орудіе только что трогалось, вдругъ нога у кого-нибудь попадала въ яму, онъ свалился и увлекалъ за собою другихъ, а измученные буйволы сейчасъ же ложились въ грязь... Эти перетаскиванія орудій оставили солдатъ совершенно безъ сапогъ, такъ какъ и безъ того почти совсѣмъ уже износившіяся подметки окончательно

теперь отваливались отъ полосканія ихъ въ такой грязи. Многіе сваливались при этомъ въ обрывы ущелій, или попадали подъ колеса орудій, такъ что было не мало сломавшихъ себѣ ребра или вывихнувшихъ ногу, или руку. Были также и умершіе на дорогѣ отъ чрезмѣрной усталости... Люди, дѣйствительно, утомлялись до полнаго изнеможенія, двигая орудія цѣлый день безъ отдыха и не имѣя возможности отойти отъ орудія ни на одинъ шагъ, изъ опасенія, чтобъ послѣднее не скатилось въ кручу.

Съ наступленіемъ темноты, когда движеніе впередъ становилось уже рѣшительно невозможнымъ, орудія и всѣ сопровождавшіе ихъ люди останавливались тамъ, гдѣ ихъ застигала ночь. Колонны, обыкновенно, растягивались при движеніи по всей дорогѣ и, застигнутыя темнотою, въ такомъ же порядкѣ и располагались у дороги на ночлегъ, очень часто на площадкахъ, покрытыхъ грязью буквально на поларшина въ глубину... Составивъ на грязи ружья, солдаты, обыкновенно, бродили по лужамъ, отыскивая гдѣ бы погрѣться и присѣсть для отдыха. Но дровъ иногда не оказывалось, ибо свалить вѣковой дубъ было не подъ силу измученному солдату, соломы тоже не находилось; такимъ образомъ прилечь было негдѣ, а между тѣмъ на утро предстояла новая работа, можетъ быть еще болѣе трудная...

Добравшись гдѣ-нибудь до огонька, солдатъ, наконецъ, пристраивался къ нему, съ намѣреніемъ погрѣться и посидѣть хоть на корточкахъ до утра, и, не смотря на то, что солдаты по нѣскольку дней, кромѣ сухарей ничего не ѣли, никому изъ нихъ, однако, и въ голову не приходило теперь заниматься варкой. При этомъ усталость и изнуреніе брали свое: всѣ какъ убитые тотчасъ же сваливались въ грязь и засыпали крѣпкимъ сномъ... Къ довершенію бѣдствій, въ это время очень часто начиналъ лить сильнѣйшій дождь, промачивавшій всѣхъ насквозь и поднимавшій солдатъ снова на ноги... Кругомъ грязь, тьма, сверху окачиваетъ дождемъ, костры гаснутъ, утомленіе страшное, сонъ такъ и клонитъ къ землѣ, а дѣваться некуда...

Нѣкоторымъ же приходилось ночевать на крутыхъ лѣсистыхъ скатахъ горъ, по которымъ пролегала дорога и на которыхъ, вслѣдствіе ихъ крутизны, также невозможно было прилечь, чтобы не скатиться во время сна на дно какой нибудь пропасти... Въ этихъ случаяхъ положительно всѣ проводили ночь безъ сна, стоя у огней и

близъ орудій, которыя при этомъ кое-какъ подпирались каменьями, бревнами, или привязывались къ ближайшимъ деревьямъ. Между тѣмъ, холодный вѣтеръ, несущійся съ обледенѣлыхъ горныхъ гребней, ходитъ по скату и ревetъ и стонетъ между вершинами гигантскихъ деревьевъ, бросая въ лица людямъ то мелкими брызгами дождь, то порошинками снѣга... Пронизывающая сырость лежитъ въ воздухѣ и пробирается къ тѣлу... Тяжело было солдатамъ проводить безъ сна длинныя и темныя ночи въ этихъ дикихъ лѣсахъ, гдѣ огонь костра боролся съ завывающимъ вѣтромъ и освѣщалъ вокругъ лишь мшистые стволы деревьевъ, да огромные покрытые мхомъ камни...

Не успѣвъ, такимъ образомъ, подкрѣпиться ни пищею, ни сномъ, колонны поднимались съ бивуаковъ еще засвѣтло и, освѣщая путь кострами, снова принимались втягивать орудія на горы, истощая послѣднія свои силы и прибѣгая единственно къ помощи неизмѣнной «Дубинушки»... Не даромъ офицеры, вспоминая впослѣдствіи Балканы, дабавили слѣдующіе свои куплеты къ пѣснѣ о русской «Дубинушкѣ»:

«Намъ случалось видать на Балканахъ крутыхъ—
Солдатъ тащитъ огромную пушку, —
И все тотъ-же родной, заунывный мотивъ
Помогаетъ тащить вверхъ игрушку.
«А игрушка-то та не совсѣмъ-то легка,
Натираетъ солдатскую спину,
Какъ-же имъ, молодцамъ, отдохнувши слегка,
Не запѣть про родную дубину»...

Предполагалось сначала въ теченіи одного дня поднять всѣ орудія на горы, но на дѣлѣ потребовалось цѣлыхъ трои сутокъ непрерывной работы днемъ и ночью для того, чтобы перетащить только нѣсколько пушекъ изъ Этрополя на Вратешскій перевалъ, т. е. пройти разстояніе въ какія нибудь 10 или 12 верстъ! Въ теченіи 16-го, 17-го, 18-го и 19-го ноября на Вратешскій перевалъ было встащено, такимъ образомъ, тридцать орудій: 14—на позицію генерала Рауха (конно-горная батарея и 2-я батарея л.-гв. 1-й артиллерійской бригады) и 16 орудій,—на позицію генералъ-маіора Данденпля (7-я и 5-я батареи л.-гв. 1-й артиллерійской бригады).

Б. на Б.

На Златицкій перевалъ были вставщены два орудія лишь къ 23 ноября. На позиціи наши противъ Арабъ-конака и Лютикова орудія были втянуты, изъ Орханіе и Врачеша, въ теченіи двадцатыхъ чиселъ ноября.

Что же касается до тяжеловѣсныхъ и неуклюжихъ зарядныхъ ящиковъ, то отъ поднятія ихъ на перевалы пришлось совсѣмъ отказаться. Снаряды—гранаты и шрапнель—вынимались изъ ящиковъ и доставлялись на горы частью на лошадяхъ, навьюченныхъ мѣшками и ящиками, частью на рукахъ людей—болгаръ и солдатъ. Вотъ взбирается партія болгаръ на крутой подъемъ, съ усиліемъ выворачивая ноги изъ грязи и камней; у каждаго болгарина въ рукахъ по двѣ палки, положенныхъ на плечи и скрещенныхъ на затылкѣ, и по привѣшанной къ этому кресту большой гранатѣ,—они несутъ вверхъ снаряды, подъ конвоемъ нѣсколькихъ солдатъ. Далѣе карабкается вверхъ партія солдатъ, также съ гранатами и шрапнелями въ рукахъ. Если принять во вниманіе, что наша девятифунтовая граната вѣситъ около 29 фунтовъ и что при неосторожномъ паденіи возможенъ взрывъ этой чудовищной игрушки, то можно представить себѣ трудъ пѣхотинца, карабкавшагося съ такимъ грузомъ по непролазной грязи и по чрезвычайно крутымъ и скользкимъ подъемамъ!..

Ружейные патроны и продовольственные припасы также приходилось доставлять на перевалы, изъ Этрополя и Врачеша, на вьюкахъ. Вверхъ по тропинкамъ ежедневно тянулись длинныя вереницыословъ и лошадей, тяжело нагруженныхъ мѣшками съ сухарями, мясомъ и патронами, сѣтками съ сѣномъ и манерками съ водой, которой тоже совсѣмъ не было на перевалахъ, если только не выпадалъ обильный снѣгъ. По всѣмъ дорогамъ валялось много замореныхъ коней и воловъ. На каждомъ шагу виднѣлась здѣсь упорная борьба человѣка и животнаго съ неприступною горною трущобой. Будучи сильно и неудобно нагружены, лошади непремѣнно часто падали, сбивая себѣ ноги на крутыхъ подъемахъ объ острые камни и корни деревьевъ. Незначительное число людей, ихъ сопровождавшихъ, не было въ силахъ разгружать лошадей при каждомъ паденіи и всякій разъ помогать имъ вставать, а потому бѣдное животное долго выбивалось изъ силъ, стараясь приподняться, но, вставши, большин-

ство изъ нихъ сейчасъ же вновь падало, чтобы потомъ уже не вставать болѣе... Понятно, что при такомъ способѣ доставки продовольствія на перевалы, гдѣ его ожидала огромная масса войскъ, нѣкоторымъ частямъ приходилось по суткамъ и болѣе не имѣть даже сухарей, т. е. ровно ничего не ѣсть... Тутъ и огромные турецкіе склады, захваченные въ Врачешѣ, не могли помочь дѣлу: часть ихъ была доставлена на перевалы лишь въ началѣ декабря.

Притянувъ на горы артиллерію, генералъ Гурко намѣревался было немедленно же приступить къ форсированію послѣдняго препятствія на Балканахъ къ выходу въ софійскую долину — грознаго Бабаконакскаго перевала, и уже 20-го ноября сдѣланы были всѣ распоряженія къ атакѣ турецкихъ укрѣпленій на Шандорникѣ. Но отъ этого намѣренія пришлось тотчасъ-же отказаться...

Во-первыхъ, вслѣдствіе обнаруженныхъ въ то время довольно успѣшныхъ наступательныхъ дѣйствій Сулеймана-паши на Елену и Мечку, полевой штабъ арміи отдалъ приказаніе о немедленной пріостановкѣ рискованнаго предпріятія генерала Гурко. Съ другой стороны, числительность арміи Мегемета-Али на Бабаконакскомъ перевалѣ *) и сила занятыхъ имъ укрѣпленій грозили намъ страшными потерями въ случаѣ открытой атаки этихъ укрѣпленій. Бой 21-го ноября на позиціи генерала Эллиса 1-го, въ свою очередь, доказалъ, что турки не только были готовы къ отчаянной оборонѣ, но считали себя сильными и для открытія наступательныхъ дѣйствій. Все это невольно заставляло отказаться отъ всякой мысли объ открытыхъ атакахъ. Предпринимать же новыя обходныя движенія по горамъ, причемъ превосходство въ нашей артиллеріи потеряло бы всякое значеніе, за невозможностью тащить ее всю за собою,—представлялось также рискованнымъ, въ особенности въ виду сильнаго утомленія нашихъ войскъ предшествовавшими обходами, и при сравнительной свѣжести непріятельской пѣхоты...

Словомъ, первоначальный планъ генерала Гурко разбитія арміи Мегемета-Али по частямъ до ея окончательнаго сформированія, немедленнаго, затѣмъ, выхода въ Софійскую долину и выручка

*) У Мегемета-Али имѣлось въ это время уже около 25-ти тысячъ человѣкъ.

Шипкинскаго отряда генерала Радецкаго,—теперь положительно не могъ быть выполненъ. Отступать съ перевалов назадъ также было опасно и уже поздно.

И началось тогда, для войскъ Западнаго отряда, тяжкое «Балканское сидѣніе»... продолжавшееся до половины декабря.

ЗИМОВКА НА ГОРАХЪ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Тяжесть работъ по укрѣпленію позицій.—Убійственная погода.—Снѣгъ, туманы, гололедица. — Недостатокъ продовольствія, обуви и одежды. — Невозможность согрѣться.—Опасности отъ непріятельскаго огня.

Ноября 21-го 1877 года русскія войска забрались на высшіе пункты Балканскихъ горъ, на Врателшскій и на Златицкій перевалы, и расположились противъ турецкихъ укрѣпленій на Шандорникѣ и Арабъ-Конакѣ. Вся позиція русскихъ, растянутая на большое пространство, была раздѣлена на два участка: лѣвый—на Врателшскомъ перевалѣ—подъ начальствомъ генералъ-маіора Дандевиля, и правый—подъ начальствомъ графа Шувалова. Крайній правый флангъ составляла Лютиковская позиція. Общій резервъ расположился въ Орханіе и Врачешѣ, а главная квартира 25 ноября переведена была изъ Этрополя въ Орханіе. Части войскъ не оставались все время на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, но мѣнялись нерѣдко; безсмѣнно на мѣстахъ оставался лейбъ-гвардіи Гренадерскій полкъ на Златицкомъ перевалѣ.

Здѣсь-то, въ ожиданіи времени для спуска за Балканы, войска должны были оставаться долго среди суровой природы и зимняго холода.

Прежде всего скажемъ нѣсколько словъ объ укрѣпленіи занятой позиціи. Невозможность выхода изъ горъ и, съ другой стороны, опасеніе рѣшительныхъ и энергическихъ дѣйствій со стороны турокъ— заставили насъ, для обезпеченія спокойнаго нашего пребыванія на горахъ, немедленно предпринять массу разнообразныхъ работъ, весьма изнурительныхъ для нашихъ войскъ, не успѣвшихъ ни одного дня отдохнуть послѣ страшныхъ предшествовавшихъ трудовъ. Такимъ образомъ, представленіе о стоянкѣ на Балканахъ, какъ о спокойномъ пребываніи нашихъ войскъ на одномъ мѣстѣ, было бы весьма ошибочно; напротивъ: дѣятельность войскъ развилась здѣсь съ самаго начала до крайнихъ предѣловъ напряженія.

Тотчасъ послѣ остановки на Балканахъ, генералъ Гурко отдалъ приказаніе приступить немедленно, не теряя ни одной минуты, къ укрѣпленію занятыхъ нами позицій такимъ образомъ, чтобы онѣ сдѣлались неприступными для турокъ. Чтобы судить при этомъ о количествѣ труда, выпавшаго здѣсь на долю нашихъ войскъ, достаточно указать на тѣ основанія, которыми предписывалось руководствоваться при возведеніи укрѣпленій: во-первыхъ, на каждомъ участкѣ предписывалось возвести, въ видѣ опорныхъ пунктовъ, нѣсколько *редутовъ*, въ особенности на флангахъ каждаго участка; затѣмъ построить рядъ батарей и ложементовъ, въ видѣ главной оборонительной линіи, причемъ батареи и ложементы должны были имѣть широкія насыпи и достаточную высоту, чтобы люди могли ходить за брустверами, не наклоняясь. Далѣе, впереди этой главной линіи слѣдовало выкопать рядъ ложементовъ и траншей для передовой стрѣлковой цѣпи. Если ложементы для стрѣлковъ были вынесены впередъ главной оборонительной линіи на разстояніе болѣе трехъ-сотъ шаговъ, то позади нихъ предписывалось устроить еще рядъ ложементовъ для поддержекъ цѣпи. Наконецъ, въ мѣстахъ, гдѣ укрѣпленія окружены были лѣсомъ, предписывалось вырубать просѣки и устраивать изъ деревьевъ завалы, для усиленія общей обороны. Между участками позицій, а также для сообщеній съ тыломъ, предписывалось устроить, внѣ выстрѣловъ непріятеля и по возможности скрытно отъ взоровъ его, достаточное число удобныхъ дорогъ, по которымъ можно бы было даже возить орудія, а въ особенности рекомендовалось устроить хорошіе выѣзды съ шоссе на позицію,

по которымъ должны были доставляться снаряды, продовольствіе и подкрѣпленія. Если ко всему вышесказанному прибавить еще необходимость впослѣдствіи приступить къ рытью землянокъ, разгребанію постоянныхъ снѣжныхъ запосовъ, а также доставку снарядовъ на позиціи и т. под., то можно будетъ составить себѣ приблизительное понятіе о массѣ труда, выпавшаго на долю нашихъ войскъ во время тяжкаго балканскаго сидѣнія.

Всѣ вышеупомянутыя работы, почти безъ перерыва, продолжались съ 18-го ноября по 5 декабря, т. е. въ теченіи болѣе двухъ недѣль, хотя вначалѣ предполагалось окончить ихъ къ 25-му ноября. Такъ какъ при войскахъ Западнаго отряда находился всего лишь одинъ гвардейскій саперный баталіонъ, то всл тяжесть вышеупомянутыхъ землекопныхъ работъ легла на пѣхоту отряда; саперы же по большей части только руководили работой; но при этомъ и имъ пришлось положить не мало энергіи и труда: цѣлые дни, а нерѣдко и ночи проводили они на работахъ, въ разныхъ мѣстахъ, руководя общимъ ихъ веденіемъ, а иногда и сами участвуя въ возведеніи укрѣпленій и прокладкѣ дорогъ, часто подъ огнемъ непріятеля, или на такихъ кручахъ и утесахъ, которые представляли величайшія опасности даже для одиночныхъ путниковъ.

Нужно знать также нѣкоторыя подробности этихъ землекопныхъ работъ, чтобы составить себѣ хотя нѣкоторое представленіе о колоссальности этого труда. Во-первыхъ, вслѣдствіе того, что наши позиціи подвергались часто непріятельскому огню, приходилось работать постоянно въ сильный туманъ, когда позицію нашу закрывали отъ отъ непріятеля находившія густыя облака, а чаще всего—ночью, что для нашихъ солдатъ, сильно уже изнуренныхъ предшествовавшими безсонными ночами, было крайне утомительно. Сверхъ того, рабочимъ трудно было оріентироваться среди мрака густаго тумана или темной ночи, а потому укрѣпленія очень часто оказывались впослѣдствіи неправильно расположенными, и тогда приходилось ихъ вновь передѣлывать и насыпать...

Работы по возведенію укрѣпленій усложнялись еще вслѣдствіе непмѣнія въ войскахъ хорошаго шанцеваго инструмента, сколько нибудь пригоднаго для работы на каменистомъ грунтѣ горъ, а глав-

ное—вслѣдствіе недостатка даже въ простомъ шанцевомъ инструментѣ, особенно въ топорахъ.

Качество же грунта было таково, что обыкновенными, имѣвшимися въ войскахъ кирками, подѣлать въ немъ ничего было нельзя. Обыкновенно, подъ тонкимъ слоемъ земли оказывалась скала или хрящеватый грунтъ, разбить который не было силы, и тогда приходилось отказываться совсѣмъ отъ выкапыванія рвовъ, а бруствера или насыпи складывать изъ одного дерна, ходить за которымъ приходилось часто по горамъ, за полверсты и болѣе. Да и тамъ сдираніе дерна доставалось не легко. Почва промерзла до того, что лопата не брала земли. Прибавьте къ этому, что работать приходилось иногда подъ непріятельскимъ огнемъ, а чаще всего подъ проливнымъ дождемъ, съ хлопьями снѣга и при сильномъ холодномъ вѣтрѣ..... Спѣшность дѣла не позволяла однако повидать работы, и вотъ люди, не обращая вниманія на погоду, возились въ землѣ словно печники.... Переноска мокраго и холоднаго дерна, при такихъ адскихъ условіяхъ, не мало вывела людей изъ строя, такъ что, одинъ разъ, изъ одного только баталіона измайловцевъ было отправлено въ Орханіе до двухъ сотъ больныхъ... Спѣшность дѣла заставляла иногда работать всѣхъ безъ исключенія, нижнихъ чиновъ и офицеровъ. Разъ даже самому начальнику участка, генералъ-маіору Рауху, съ лопатою въ рукахъ, пришлось рѣзать дернъ и кидать землю на брустверъ, что дѣлали и всѣ офицеры его штаба (генеральнаго штаба подполковникъ Пузыревскій, капитанъ Протопоповъ и адъютантъ поручикъ Алексѣевъ). Работы продолжались обыкновенно часовъ по шести въ сутки, иногда же всю ночь напролетъ, часовъ двѣнадцать подрядъ! Понятно, что люди, неуспѣвшіе отдохнуть послѣ втягиванія на горы девятифунтовыхъ орудій, утомлялись теперь страшно. Бывало подойдетъ кто либо изъ офицеровъ къ солдатамъ и поторопитъ ихъ:

— Ну, ребята, подтянись, надобно поскорѣе кончить редутъ!

— Рады бы, ваше высокоблагородіе, да больно скоро какъ-то устаешь, лопата просто изъ рукъ вывалпвается; вотъ хоть бы сухарьковъ немножко дали, все бы силы понабрались...

— Ничего, ребята, Богъ милостивъ, скоро доставятъ и сухари.

И опять солдаты принимались за работу безропотно. Изрѣдка

только развѣ слышалось, какъ иной разсказываетъ, что это Богъ за грѣхи посылаетъ имъ такое испытаніе; но ничего даже подобнаго ропоту никто никогда не слышалъ.

Понятно, что всѣ эти спѣшно возведенныя укрѣпленія, при посредствѣ плохаго инструмента, въ дурную погоду и среди мрака ночи или тумана, не всегда отличались правильностію разбивки, а иной разъ скорѣе походили даже на безобразныя кучи земли, чѣмъ на полевыя укрѣпленія.

Тѣмъ не менѣе, постоянное опасеніе энергическихъ дѣйствій со стороны турокъ грозило обратить нашу ревность къ постройкѣ укрѣпленій въ какую-то манію. Мы настроили подконецъ такую массу укрѣпленій на Балканахъ, что большую половину ихъ нечѣмъ было и занять. Такъ, напримѣръ, огромный люнетъ часто былъ занятъ только шестью солдатами; въ не менѣе большомъ редутѣ нерѣдко помѣщался постъ изъ четырехъ линь человѣкъ. Между люнетами, одна рота часто занимала отъ двадцати до тридцати ложементовъ, размѣщаясь по пяти человѣкъ, и то черезъ ложементъ. Точно также въ громадной траншеѣ въ сорокъ шаговъ сидѣло иногда человѣкъ пять или шесть... При этомъ нужно взять во вниманіе, что, въ случаѣ атаки, людей болѣе и взять было не откуда, такъ какъ для ротъ второй линіи имѣлись особо еще ротныя траншеи... Между тѣмъ постройка всѣхъ этихъ укрѣпленій стоила намъ страшныхъ усилій. Представивъ себѣ переходъ черезъ Балканы дѣломъ нетруднымъ, мы живо забрались на Балканы; но, встрѣтивъ здѣсь неожиданное сопротивленіе турокъ, принялись ужъ слишкомъ усердно за собственную оборону...

Устройство въ лѣсахъ засѣкъ и заваловъ сопряжено было также съ большими трудностями. Въ этомъ случаѣ особенно давалъ себя чувствовать недостатокъ въ шанцевомъ инструментѣ. Топоровъ было совершенно для этого недостаточно, а потому приходилось рубить огромныя и крѣпкія, какъ кость, буковыя деревья солдатскими тесаками... Понятно, что подобная работа не приводила иногда ни къ чему, и тогда приходилось опрокидывать деревья съ помощью динамита. Для этого на опредѣленной высотѣ привязывались къ дереву динамитные патроны, одинъ изъ которыхъ вскрывался и въ него вставлялся фитиль. Работающій при этомъ саперъ зажигалъ фитиль

и быстро отбѣгалъ къ прочимъ людямъ, находящимся шагахъ въ полутораста. Послѣ непродолжительнаго, но томительнаго ожиданія, слѣдовалъ оглушительный взрывъ, какъ выстрѣлъ изъ пушки, и все-таки крѣпкое дерево не всегда при этомъ валилось, хотя заряды были въ три-четыре фунта. Динамитъ дѣлалъ въ деревѣ только углубленіе, или валилъ его, расщепивъ на нѣсколько футъ, такъ что приходилось послѣ подчищать остатки ствола опять тесаками. Иногда дерево требовало заряда до 17 фунтовъ динамита. Такимъ образомъ, и помощь динамита не всегда облегчала трудъ, но еще дѣлала его постоянно весьма опаснымъ.

Работы по устройству сообщеній съ тыломъ и между отдѣльными участками позицій представляли также громадныя трудности, какъ вслѣдствіе крутизны скатовъ, такъ и благодаря времени года и свойствамъ грунта. И здѣсь приходилось тоже дѣлать просѣки, или работать въ скалѣ, выворачивать громадные камни, разгребать снѣгъ, дѣлать ступени въ гололедицу, или очищать отъ грязи въ оттепель. До снѣга, черныя тропинки представляли буквально рѣки грязи, а когда морозы превратили всю эту массу грязи въ ледъ, то положительно по нимъ не было никакой возможности идти иначе, какъ прорубая дорогу топорами, или, за недостаткомъ ихъ, кирками и тесаками... Къ тому же эти обледенѣлыя и чрезвычайно крутыя тропинки, какъ и всегда въ горныхъ странахъ, извивались зигзагами.

Всѣ вышеупомянутыя обязательныя работы, какъ мы уже сказали, продолжались съ 18-го ноября по 5 декабря, нерѣдко днемъ и ночью. Легко теперь составить себѣ понятіе объ утомительности этихъ работъ для нашихъ солдатъ, изнуренныхъ предшествовавшимъ лазаньемъ по горамъ и втягиваньемъ на горы артиллеріи!

Тяжесть всѣхъ вышеупомянутыхъ работъ увеличивалась еще вслѣдствіе убійственной погоды, которая сопровождала всю нашу стоянку на Балканахъ. Житель низменной мѣстности не можетъ себѣ и представить всѣхъ тѣхъ невыносимыхъ свойствъ, какими отличается погода на горахъ въ зимнее время! Въ первые дни нашего пребыванія на Балканахъ, на вершинахъ ихъ стояла какая-то необычайная, всепронизывающая сырость. Теплые пары, поднимающіеся изъ сосѣднихъ долинъ, гдѣ въ это время южное солнце еще сильно грѣло, осаждались въ огромномъ количествѣ на холодныхъ верши-

нахъ горъ, въ особенности на сѣверныхъ, занятыхъ нашими войсками. Это зависѣло отъ различной степени нагрѣванія сѣвернаго и южнаго склоновъ горъ. Пары, нагоняемые сѣвернымъ вѣтромъ, сгущались преимущественно на болѣе холодномъ, сѣверномъ склонѣ, именно на томъ, на которомъ стояли наши злосчастные бивуаки, въ то время какъ на южныхъ склонахъ очень часто стояла теплая и ясная погода. Почти ежедневно громадныя дождевыя тучи облагали всѣ сѣверные склоны Балкановъ, и даже сильный вѣтеръ не въ состояніи былъ перегнать эти тучи черезъ горы. Но какъ только вѣтеръ перегонялъ ихъ черезъ вершину хребта на южный склонъ, они почти немедленно исчезали тамъ и, отъ соприкосновенія съ теплымъ восходящимъ токомъ воздуха, опять обращались въ неуловимый для глаза паръ. Такъ какъ въ теченіи дня и сѣверный склонъ немного согрѣвался, то по ночамъ и надъ нашими позиціями небо было почти всегда ясно; но уже около 10—11 часовъ утра, когда скалы значительно успѣвали охладиться, сравнительно съ окружающимъ воздухомъ, огромныя дождевыя тучи снова закрывали ихъ. Густой туманъ, постоянно облагавшій вершины горъ, повергалъ ихъ все время въ какой-то непроницаемый мракъ. Вѣчная мгла окутывала всѣ наши бивуаки. Солнце показывалось сквозь туманъ лишь весьма рѣдко, и то въ такомъ грустномъ видѣ, что на него можно было смотрѣть прямо, ничуть не боясь потерять зрѣніе: затянутое туманомъ, оно имѣло такой видъ, какъ будто на него смотрѣли черезъ фіолетовое или закопченное стекло. Покрасовавшись въ такомъ видѣ на небѣ, и то не болѣе получаса, солнце затѣмъ опять заволакивалось непроницаемымъ туманомъ. Такимъ образомъ, ежедневно мракъ ночи смѣнялся полумракомъ туманнаго дня, и войскамъ приходилось все время стоять какъ бы въ облакахъ.

Вслѣдствіе невѣроятно сильнаго охлажденія паровъ на холодныхъ вершинахъ горъ, обильная роса постоянно покрывала всѣ склоны ихъ и даже вершины деревьевъ, съ которыхъ роса нерѣдко падала большими и частыми каплями, въ видѣ дождя. Сырость проникала всюду и большими каплями осаждалась на всѣхъ предметахъ: на палаткахъ, на вещахъ и платьи людей, которыя не имѣли возможности просушиться ни днемъ, ни ночью. Усы и бороды на лицахъ людей находились въ состояніи обильной влажности. Дышать

приходилось постоянно паромъ. Почва сочилась подъ ногами, и даже въ палаткахъ стояла грязь изъ размокшей глины и прогнившихъ буковыхъ листьевъ...

По временамъ сильный туманъ разражался ливнемъ, и тогда по цѣлымъ днямъ шелъ сильный дождь, или валилъ мокрый снѣгъ хлопьями, при холодномъ, пронизывающемъ вѣтрѣ... Подъ вліяніемъ дневной теплоты, снѣгъ этотъ быстро таялъ и окончательно превращалъ всѣ наши бивуаки въ непроходимыя лужи грязи...

Въ концѣ ноября снѣгъ началъ падать все чаще и чаще. Къ нему присоединились сильные, порывистые вѣтры. Въ день-два снѣгу навалило уже всюду по колѣно! Всѣ позиціи были занесены сугробами. Деревья покрылись густыми массами инея, такъ что мѣстами бросали рѣзкую тѣнь. Моментально настала лютая зима. Холода наступили страшные; морозъ доходилъ до 15—20° градусовъ! Къ сильнымъ морозамъ присоединялся постоянно страшный вѣтеръ, который часто сшибалъ людей съ ногъ и заносилъ ихъ снѣгомъ. Но и безъ сильнаго вѣтра, въ огромныхъ сугробахъ снѣга, который здѣсь былъ чрезвычайно рыхлый, легко можно было провалиться и задохнуться.

Всего ужаснѣе, однако, были вьюги или ураганы, нерѣдко бушевавшіе на вершинахъ горъ. Это было по-истинѣ самое страшное явленіе горной балканской природы. Всякое описаніе въ этомъ случаѣ блѣднѣетъ передъ ужасною дѣйствительностью. Буря, сопровождаемая нерѣдко сильнымъ морозомъ, опрокидывала все, что встрѣчалось на ея пути: палатки, деревья и проч. Воздухъ наполнялся крутящимся снѣгомъ и всюду бушевалъ завывающій, стонущій вѣтеръ; столбами неслись снѣжные вихри; гнулись и трещали высокія деревья... Открыть глаза или видѣть что нибудь, хотя на разстояніи пяти шаговъ, было невозможно; лица горѣли огнемъ отъ удара мелкихъ ледяныхъ иглъ, несущихся по воздуху... Снѣжное море вокругъ буквально волновалось: въ одномъ мѣстѣ въ нѣсколько секундъ поднимался высокій сугробъ; въ другомъ, въ столь же короткое время, онъ исчезаетъ... Страшнѣе всего, при этомъ, были безпрестанные вихри, которые возникали то тутъ, то тамъ и отъ которыхъ трудно было укрыться. Поднимая огромныя массы быстро вращающагося снѣга, т. е. обращаясь въ настоящіе снѣжные смерчи,

они угрожали засыпать всякаго, и не одинъ изъ нашихъ храбрецовъ нашелъ въ нихъ холодную могилу...

Таковы условія, въ которыя былъ поставленъ нашъ солдатъ на Балканахъ, гдѣ все время стояли облака, не расходясь, осѣдавшія на все, что только тамъ показывалось, гдѣ люди ходили сперва мокрыми, а потомъ обледенѣлыми, гдѣ бушевали пронизывающіе рѣзкіе вѣтры; гдѣ потомъ свирѣпствовали страшные ураганы, въ нѣсколько минутъ навѣвавшіе массы снѣгу; гдѣ негдѣ было укрыться отъ непогоды и отъ страшныхъ морозовъ; гдѣ подчасъ нельзя было развести огня; гдѣ подолгу не видали солнца и гдѣ время отгадывали потому, что темнота ночи смѣнялась мглою туманнаго дня...

Нечего, конечно, и говорить о томъ, что всѣ эти климатическія условія въ высшей степени неблагопріятно вліяли на обстановку солдатской жизни на Балканахъ. Тяжелый, непосильный трудъ и страшный холодъ требовали прежде всего усиленной пищи для людей; между тѣмъ доставка продовольствія, а въ особенности фуража для лошадей, вслѣдствіе постоянной распутицы и крутизны подъемовъ, была сопряжена съ значительными затрудненіями, проволочками и неправильностями.

Главнымъ источникомъ продовольствія для нашихъ войскъ служили въ это время турецкіе склады продовольственныхъ запасовъ, оставленные ими во Врачешѣ. Запасы эти были дѣйствительно огромны. Здѣсь цѣлые дома были навалены боченками масла, правда, немного горьковатаго; нѣсколько домовъ завалены были рисомъ, галетами и сухарями; въ другихъ домахъ помѣщалась мука, въ количествѣ до 20,000 пудовъ! Но всѣ эти продукты почему-то попадали на позиціи, гдѣ преимущественно нуждались въ продовольствіи, лишь изрѣдка и въ ничтожномъ количествѣ. Напримѣръ, на позиціи л.-гв. Павловскаго полка, на «Преображенской горѣ», находящейся не вдалекѣ отъ Врачеша, каша изъ риса съ масломъ появлялась лишь весьма рѣдко, и то только у офицеровъ. Изъ муки вратешской, на той же позиціи, появлялись, конечно, тоже лишь у офицеровъ, лепешки съ масломъ, или, какъ они ихъ называли, блины; но и послѣдніе были очень рѣдки и составляли, даже для гвардейскихъ офи-

церовъ, дорогое и весьма рѣдкое лакомство *). Не нужно забывать, что въ такомъ ограниченномъ размѣрѣ продовольствіе изъ вратешскихъ складовъ попадало на самые ближайшіе къ нимъ пункты. На позицію же генерала Дандевиля и на Златицкій перевалъ не попала, въ продолженіи всей стоянки на Балканахъ, ни одна крупица изъ этихъ огромныхъ запасовъ. Надо полагать, что главнымъ образомъ ими пользовались войска, стоявшія въ резервѣ, расположенномъ около самаго Врачеша и въ Орханіе, а также больные въ орханійскихъ лазаретахъ. Съ другой стороны, правильному расходованію этихъ запасовъ, можетъ быть, мѣшали и принятые въ этомъ случаѣ порядки, правда, отличавшіеся большою строгостью, но не всегда предусмотрительностію. На шоссе, при въѣздѣ во Врачешъ, былъ поставленъ постъ, который не впускалъ туда ни подводъ, ни солдатъ безъ письменнаго разрѣшенія завѣдующаго складомъ. Смотрителемъ складовъ былъ назначенъ полковникъ Московскаго полка. Цѣлый день къ нему являлись представители отъ разныхъ частей съ требованіями. Одинъ скромно заявлялъ: «прошу отпустить 5 фунтовъ рису и 10 фунтовъ масла»; другой еще скромнѣе просилъ: «позвольте получить чего нибудь съѣстнаго, ѣсть нечего»; третій просилъ себѣ и своимъ товарищамъ всего «по полпуду». Иные же требовали даже того, чего не было въ складахъ, притомъ же на цѣлый батальонъ или сотню. Но, какъ видно, запасы выдавались просителямъ только въ розницу, чуть-ли не на каждаго въ отдѣльности, и то безъ мѣры и вѣсу.—«Чѣмъ тутъ вѣсить, — говорилъ смотритель склада: такъ насыпемъ, у васъ есть мѣшки?»—«Нѣтъ».—«Ну, возьмите мѣшокъ рису и муки и боченокъ масла, только масла много въ боченкѣ».—«Ничего, у насъ сойдетъ, мы давно масла не видали», — говорилъ обрадовавшійся проситель...

Ячменя и овса во Врачешѣ была также цѣлая масса: церкви и дома были буквально завалены этимъ кормомъ. Но, къ сожалѣнію, и этотъ фуражъ рѣдко попадалъ на позиціи и почти весь былъ израсходованъ, такъ сказать, на мѣстѣ, резервными войсками.

---

*) «Изъ Дневника офицера», «Сборникъ военныхъ разсказовъ» кн. Мещерскаго т. IV.

На бумагѣ, конечно, выходило все иначе; но едва ли были кѣмъ-либо предусмотрѣны всѣ эти, можетъ быть, невольныя неправильности въ расходованіи столь обильныхъ запасовъ, доставшихся намъ, къ тому же, такъ легко и неожиданно. Намъ, впрочемъ, не до того и было: мы съ нетерпѣніемъ стремились перелетѣть черезъ Балканы, подальше отъ какого-нибудь Врачепа. Въ приказѣ о продовольствіи войскъ, послѣдовавшемъ лишь 28-го ноября, опредѣлялось, чтобы вратешскими складами пользовались только войска на позиціяхъ гр. Шувалова и лютиковской, а также резервныя артиллерійскія бригады, расположенныя въ Орханіе. Части эти должны были немедленно выслать отъ себя въ Орханіе команды хлѣбопековъ, чтобы войска какъ можно скорѣе могли получать хлѣбъ вмѣсто интендантскихъ сухарей. Но этотъ хлѣбъ на вышеупомянутыхъ позиціяхъ рѣдко, однако, видѣли. Что же касается до снабженія вышеупомянутыхъ войскъ мясомъ, то гвардейской кавалерійской дивизіи, стоявшей въ г. Врацѣ, приказано было озаботиться пригонкою скота, въ количествѣ 300 головъ, въ Орханіе изъ Врацы и ея окрестностей, за установленную плату отъ мѣстныхъ жителей.

Войска же генерала Дандевиля и Златицкаго отряда должны были получать, вмѣсто хлѣба, сухари отъ отряднаго интендантства изъ Осикова, а порціонный скотъ чрезъ коменданта Этрополя отъ мѣстныхъ жителей и чрезъ военныя реквизиціи въ окрестныхъ деревняхъ. Начальники отрядовъ должны были обращаться съ требованіями о снабженіи порціоннымъ скотомъ непосредственно къ комендантамъ Орханіе и Этрополя.

Въ упомянутомъ приказѣ, такимъ образомъ, не былъ регулированъ съ достаточною предусмотрительностію порядокъ расходованія вратешскихъ продовольственныхъ складовъ. Съ другой стороны, всѣ эти распоряженія ставили далеко не въ одинаковыя условія относительно снабженія войскъ продовольствіемъ различные участки позицій, и особенно невыгодно были поставлены въ этомъ отношеніи отряды генерала Дандевиля и Златицкій. Ко всему вышесказанному нужно еще прибавить, что все, что возложено было въ этомъ случаѣ непосредственно на интендантство, исполнялось крайне неудовлетворительно.

Главнымъ же препятствіемъ къ достаточному снабженію войскъ продовольствіемъ послужили въ высшей степени неблагопріятныя мѣстныя и климатическія условія. Непроходимыя лужи грязи и дожди, а затѣмъ глубокіе снѣга и гололедица на крутыхъ подъемахъ горъ— прерывали нерѣдко всякое сообщеніе позицій не только съ тыломъ, но и между отдѣльными участками. Даже, чтобы пройти съ одного конца бивуака на другой, въ дождливое время, люди вооружались прочными посохами, служившими имъ пособіемъ при движеніяхъ по топкимъ лужамъ и скользкимъ кручамъ. Когда же выпали глубокіе снѣга, то даже изъ ложемента въ ложементъ приходилось переходить по поясъ въ снѣгу или же совсѣмъ проваливаться въ сугробахъ... На сообщеніяхъ же съ тыломъ лежали еще болѣе глубокіе снѣга, въ особенности въ лощинахъ. Къ этому еще присоединилась страшная гололедица на скатахъ горъ. Обледенѣлыя и извилистыя тропинки на крутыхъ подъемахъ заставляли даже пѣшія колонны, время отъ времени спускаемыя съ горъ, вытягиваться въ длинныя веревицы, причемъ люди постоянно скользили и падали, скатываясь на собственныхъ спинахъ и попадая затѣмъ съ головой въ сугробы снѣга. На особенно же крутыхъ и обледенѣлыхъ горахъ, какъ напримѣръ на «Преображенской горѣ», только присутствіе деревьевъ дѣлало возможнымъ спускъ съ позиціи. Деревья въ этомъ случаѣ оказывали ту помощь, что путникъ, замѣтивъ дерево, стремглавъ летѣлъ прямо на него, а затѣмъ старался удержаться за него и остановиться, затѣмъ выбиралъ новое дерево и т. д. Падая и вставая, и снова падая, онъ въ концѣ концовъ слеталъ съ горы и достигалъ долины. Нечего, конечно, и говорить о томъ, что подъемъ въ такихъ мѣстахъ былъ еще невозможнѣе, и путникъ, послѣ страшныхъ усилій, дотащившись, наконецъ, до вершины горы, положительно ужъ падалъ отъ усталости... Сверхъ того, во многихъ мѣстахъ сообщенія съ тыломъ затруднялись надувшимися въ то время и запруженными льдомъ горными рѣчками, черезъ которыя приходилось переходить мѣстами по какимъ-нибудь обледенѣлымъ бревнамъ, такъ такъ мостовъ не успѣли устроить. Поэтому, кто изъ пѣшеходовъ не былъ ужъ очень ловокъ, тотъ сваливался съ обледенѣлаго бревна прямо въ воду, часто при 10-ти-градусномъ морозѣ, а другіе, не

желая валиться, прямо шли въ бродъ, что приходилось дѣлать и всѣмъ верховымъ...

Понятно, что при всѣхъ вышеописанныхъ условіяхъ саперныя работы мало помогали дѣлу. Даже усиленные труды всѣхъ войскъ по прокладкѣ дорогъ были тщетны. Снѣгъ вновь заносилъ сообщенія и, мѣстами оттаявая, опять покрывалъ ихъ гололедицей и т. д. При такихъ условіяхъ, на нѣкоторыхъ, наболѣе удаленныхъ участкахъ позицій, сообщенія даже съ сосѣдними частями войскъ совсѣмъ прекращались. Кругомъ ихъ подолгу не виднѣлось ни души, даже звѣри и птицы покидали эти мѣста. Для того, чтобы узнать какія-либо новости, надо было послать оттуда человѣка дня на три, чтобы онъ былъ въ состояніи добраться до Орханіе, гдѣ стояли наши отдыхающія войска. Всякій, кто хотѣлъ посѣтить подобный участокъ, не могъ въ дѣйствительности выполнить этого: или онъ самъ утопалъ на дорогѣ въ снѣгу, или же его лошадь...

Нужно ли послѣ этого говорить о тѣхъ затрудненіяхъ, съ которыми производилась доставка продовольствія на позиціи? Вначалѣ сухари и хлѣбъ доставлялись войскамъ исключительно на рукахъ людей, для чего въ Орханіе и Этрополь посылались отъ нихъ особыя пѣшія команды. Для людей, измученныхъ непосильной работой и холодами, это было, конечно, въ высшей степени утомительноо. Нужно также замѣтить, что и воды не было на позиціяхъ и за нею тоже приходилось посылать людей, или же добывали ее изъ снѣга. Только порціонный скотъ постоянно пригонялся на самыя позиціи, гдѣ его и раздавали въ части. Впослѣдствіи и сухари стали доставляться на горы на вьюкахъ; это было, конечно, удобнѣе, но все-таки затруднительно, а въ мятель и распутицу и совсѣмъ было невозможно... Что же касается до фуража, то за нимъ приходилось посылать съ позицій чуть ли не на цѣлые переходы въ разныя стороны, гдѣ однако никакого фуража часто совсѣмъ не оказывалось. Легко понять, чего стоили эти путешествія, если припомнить, что для этого приходилось спускаться съ обледенѣлыхъ горъ, совсѣмъ уже безъ дорогъ, и затѣмъ снова подниматься на самый верхъ. Бѣдныя лошади, какъ вьючныя, такъ и казачьи и верховыя артиллерійскія, совершенно были заморены этимъ безпрестаннымъ лазаньемъ по горамъ, къ тому же подчасъ безплоднымъ...

Вообще, не трудно представить себѣ, въ какомъ ужасномъ положеніи находилась на позиціяхъ продовольственная часть. Мясо, впрочемъ, доставлялось на позиціи еще въ достаточномъ количествѣ, благодаря энергическимъ заботамъ вратешской кавалеріи, хотя собственно вратешскій порціонный скотъ попадалъ только на участки гр. Шувалова и генерала Рауха (Лютиковская позиція и резервы); на позиціяхъ же генерала Дандевиля и въ особенности на Златицкомъ перевалѣ довольствовались постоянно тощей бараниной, съ трудомъ собираемой отъ «братушекъ» по окрестнымъ горамъ. Изъ собраннаго мяса обязательно каждый день готовился для солдатъ супъ или кашица. Это кушанье приготовлялось слѣдующимъ образомъ: ротныхъ котловъ съ войсками не было, ибо эта громоздкая посуда не могла быть вставщена на горы и потому была оставлена далеко позади, въ обозѣ. Поэтому супъ варился каждымъ солдатомъ въ отдѣльности, въ своей манеркѣ: наливъ въ нее холодной воды, солдатъ клалъ туда кусокъ говядины или баранины, а если имѣлось, то и крупы. Послѣдняя, впрочемъ, только у болѣе бережливыхъ солдатъ сохранялась еще, какъ драгоцѣнность, въ карманахъ шинелей или штановъ... Понятно, что такой супъ, хотя бы и съ крупою, въ особенности изъ тощей баранины, не отличался большимъ вкусомъ, ибо въ маленькой манеркѣ съ кускомъ мяса на одного человѣка не могло быть много навару. Къ тому же, по недостатку времени при постоянныхъ работахъ по возведенію укрѣпленій и при усиленной аванпостной службѣ, людямъ некогда было долго возиться съ кушаньемъ, почему мясо плохо уваривалось на еле-тлѣющихъ кострахъ и часто вынималось изъ манерки полусырое, и въ такомъ видѣ и шло въ пищу... Это кушанье готовилось не у однихъ солдатъ, но и у офицеровъ. Въ концѣ концовъ, какъ супъ, такъ и это мясо, а особенно баранина, страшно опротивѣли людямъ; нѣкоторымъ мясо пріѣлось до такой степени, что они не могли его въ ротъ взять, тѣмъ болѣе, что его приходилось ѣсть постоянно безъ хлѣба. Однако болѣе невзыскательные люди могли бы еще ѣсть и этотъ супъ, или, вѣрнѣе,—горячую водицу съ мясомъ, если бы только его можно было хорошенько посолить... но въ томъ-то и дѣло, что уже съ конца ноября соль, несмотря на крайнюю бережливость въ расходованіи ея, во многихъ частяхъ вышла вся! Даже въ Орханіе она подкопецъ сдѣлалась рѣдкостью,

а на позиціяхъ часто ея нельзя было достать ни за какія деньги! Понятно, что опротивѣвшее всѣмъ полусырое мясо или тощая баранина въ жидкой водицѣ, безъ соли совсѣмъ уже не шли въ горло даже совершенно голоднымъ людямъ.

Оставалось довольствоваться главнымъ солдатскимъ подспорьемъ въ походѣ — сухарями. О хлѣбѣ же войска на многихъ позиціяхъ давно забыли и думать! Сухари хотя тоже сильно уже пріѣлись многимъ за время походовъ, но по крайней мѣрѣ кушанье это не требовало соли, и потому не противѣло никому. Между тѣмъ, по трудности заготовленія и подвоза, сухарную дачу вскорѣ пришлось уменьшить на половину... На нѣкоторыхъ позиціяхъ сухарей выдавалось на человѣка всего лишь по 1 фунту или даже по полфунту на день! Требовалась, конечно, въ этомъ случаѣ крайняя разсчетливость въ расходованіи сухарей каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ. Между тѣмъ усиленная работа и томительная служба на аванпостахъ, какъ мы уже сказали, требовали усиленной пищи. Опротивѣвшее мясо и жидкій супъ безъ хлѣба и безъ соли оставляли только чувство голода. Вообще отъ постояннаго холода и работъ потребность ѣды проявлялась въ это время такъ сильно, что сколько бы чего ни выдавали солдату, рѣдко когда хватало ему того, что онъ получалъ, такъ что солдатъ почти всегда былъ до нѣкоторой степени голоденъ. Немудрено, поэтому, что полученную порцію сухарей, къ тому же въ половинномъ размѣрѣ, они съѣдали чуть ли не заразъ, хотя, при выдачѣ, имъ всегда указывался день слѣдующей раздачи. Подобный безпечный расходъ сухарей никогда не удавалось предупредить, несмотря на частый контроль начальниковъ. Впрочемъ, неудивительно: водицей, въ которой варился кусокъ тощей баранины, сытъ не будешь! Особенно сильно расходовались сухари на аванпостахъ, гдѣ отъ скуки, холода и голода рѣдкій солдатъ могъ вытерпѣть, чтобы не прихватить и отъ завтрашняго дня.. При повѣркѣ обыкновенно выходило, что еще дня за два, а то и за три до выдачи сухарей, ни у кого уже ихъ не оказывалось... Взять новыхъ, до доставки на позицію слѣдующей партіи сухарей, было негдѣ; даже за большія деньги въ это время нельзя было достать иногда крошки хлѣба, и тогда наступало для людей состояніе настоящаго голода, при которомъ солдатъ жертвовалъ послѣдней копѣйкой, или отдавалъ все, что имѣлось у

него цѣннаго, чтобы пріобрѣсти какую-нибудь галету у артиллериста (который легче могъ хранить и перевозить запасы), или бросалъ послѣдній кровный франкъ свой за лепешку болгарину... Случаи эти повторялись постоянно, даже между офицерами, которые платили иногда по 15-ти франковъ *) за маленькій хлѣбецъ!

Непосильныя работы, холодъ и голодъ скоро страшно изнурили солдатъ. Слабыхъ была бездна. Унылые и голодные, они теперь едва волочили ноги... Иной начальникъ старался какъ нибудь ободрить и утѣшить людей, но при этомъ часто ему самому становилось какъ-то совѣстно, вспомнивши, что въ теченіи всего похода люди не дополучали сухарей и мяса и изнурены тяжкой работой... Невольно слезы навертывались на глазахъ, глядя на этихъ когда-то бравыхъ молодцовъ, а теперь блѣдныхъ, истощенныхъ. Люди еледвигались въ самыхъ несчастныхъ позахъ, скрюченные, какъ старики... Лица заскорузли, почернѣли, похудѣли до самыхъ костей, и только блескъ глазъ доказывалъ, сколько энергіи таится въ этомъ полуголодномъ и заморенномъ русскомъ человѣкѣ.

Бѣдныя животныя—лошади и ослы—страдали на позиціи отъ голода не менѣе людей: на каждую строевую лошадь, при усиленной работѣ, отпускалось въ день по маленькому пучку сѣна и нѣсколько пригоршней ячменя, т. е. такое количество, которое только возбуждало аппетитъ у лошадей. Но часто бѣдныя животныя и этого не видѣли. На нѣкоторыхъ участкахъ лошади и ослы почти по недѣлѣ питались исключительно одними лишь древесными листьями... Къ концу стоянки животныя эти дошли до крайняго положенія: отъ нихъ остались одни остовы, они грызли кору съ деревьевъ, ѣли землю, а у одной изъ офицерскихъ лошадей голодный оселъ отгрызъ до основанія хвостъ — фактъ повидимому невѣроятный, но, по свидѣтельству очевидцевъ, достовѣрный...

Ужасъ положенія нашихъ войскъ на Балканахъ увеличивался еще весьма плачевнымъ состояніемъ одежды людей. Полушубковъ, какъ мы уже знаемъ, не было почти ни у кого, по крайней мѣрѣ изъ нижнихъ чиновъ. Запасныя вещи и вторыя пары сапоговъ, вмѣстѣ со смѣной бѣлья и ранцами, оставались далеко назади, съ

*) 3 р. 75 коп.

обозомъ въ Боготѣ. Подвезти все это на горы было невозможно. Между тѣмъ условія боевой службы вовсе не способствовали сохраненію оставшейся на людяхъ одежды. Солдатамъ постоянно приходилось то пробираться чрезъ колючіе кустарники, то по густымъ лѣсамъ, то ползти и скатываться по горамъ, спать не раздѣваясь по нѣсколько недѣль подрядъ на голой землѣ, тащить орудія съ лямками черезъ плечо, мокнуть подъ дождемъ и т. д. Послѣдствіемъ всего этого было то, что брюки, мундиры, фуражки, башлыки, шинели, шапки, сапоги и даже бѣлье—все это ко времени страшныхъ холодовъ износилось до такой степени, что подчасъ напоминало жалкія лохмотья... у многихъ шинели и прочая одежда были, сверхъ того, прожжены въ различныхъ мѣстахъ, такъ какъ люди, съ цѣлью согрѣться, большею частью ложились ночью подлѣ самыхъ костровъ, засыпали тамъ и просыпались лишь тогда, когда огонь, прожегши шинель и все платье, подбирался уже къ самому тѣлу, потерявшему въ значительной степени чувствительность... Если же у кого шинель и не была разорвана или прожжена, за то, отъ безпрестаннаго спанья въ ней на землѣ во всякую погоду, вмѣсто сукна оставалась одна только ткань, которая затѣмъ также расползалась и нисколько уже не грѣла. На починку шинелей шли обыкновенно всякіе попадавшіеся подъ руку тряпки и обрѣзки, а иногда съ этой же цѣлію приходилось обрѣзывать полы тѣхъ же шинелей... Легко представить себѣ, какой видъ имѣли подобныя шинели! Впрочемъ, за недостаткомъ времени, не всѣ могли заниматься столь усердной починкой одежды, а потому приходилось оставлять ее на произволъ судьбы, и такимъ образомъ часто небольшая прорѣха служила началомъ полнаго разрушенія одежды...

Башлыки и шапки тоже часто были прожжены, козырьки оборваны. Мундиры и брюки—вытерты до послѣдней степени и у многихъ совсѣмъ отказывались служить... Бѣлья нечѣмъ было перемѣнить, и отъ безсмѣнной носки и спанья одѣтыми оно у всѣхъ совершенно оборвалось. Снять съ себя единственную сорочку и выстирать ее—было некогда, да и невозможно: на морозѣ руки страшно коченѣли и потому легко было, непроизвольнымъ движеніемъ, изорвать послѣдніе остатки полусгнившихъ лохмотьевъ. Кромѣ того, сушка была сопряжена съ большими трудностями: костры, сложенные изъ

сыраго дерева, едва тлѣли, и потому пока просушивалась одна сторона, другая успѣвала уже вновь отсырѣть...

Болѣе же всего люди страдали отъ недостатка обуви. Единственная пара сапоговъ, при недостаткѣ мази для нихъ и при постоянныхъ передвиженіяхъ въ грязи и слякоти, почти у каждаго солдата пришла въ совершенную негодность. Это зависѣло еще отъ того, что въ теченіи многихъ недѣль никто не снималъ сапогъ, чтобы избѣжать излишнихъ мученій: стоило только разъ снять сапогъ, чтобы потомъ плакать горючими слезами, когда придется надѣвать его. При этомъ мучились одинаково и тотъ, кто надѣвалъ сапоги, и тотъ, кто натягивалъ его другому на ногу. Страданія эти происходили отъ того, что нога безъ сапога нѣсколько распухала, а сапогъ, напротивъ, высыхалъ и садился. А такъ какъ необходимость заставляла надѣть его во чтобы то ни стало, то и приходилось испытывать такія страданія, что только самая крайняя нужда и необходимость заставляли иной разъ рѣшиться снять сапогъ. Отъ безсмѣннаго же ношенія, сапоги окончательно уже пропрѣвали и еще скорѣе рвались. У многихъ отъ сапогъ остались, какъ выражались офицеры, одни только воспоминанія, т. е. голенища, да и то рваныя... такъ что люди ко времени наступленія стужи оказались совсѣмъ безъ обуви. У кого же она еще сохранялась, то съ наступленіемъ морозовъ и та испортилась окончательно. Пробывъ цѣлый день въ снѣгу, сапогъ страшно намокалъ и затѣмъ промерзалъ. Солдаты, придя послѣ того въ роту, садились первымъ дѣломъ къ костру, иначе средствъ никакихъ не было, такъ какъ ноги зябли до костей... Извѣстно, мокрый да мерзлый сапогъ близъ огня и лопался. А какъ лопнулъ, тутъ ужъ совсѣмъ бѣда: снимай сапоги, да за плечи... Вскорѣ въ отрядѣ, сапогъ, сколько нибудь сохранившихся, почти совсѣмъ не имѣлось. Страдая отъ холода, солдаты стали прибѣгать ко всевозможнымъ ухищреніямъ, чтобы не отморозить ногъ. Они подбирали сырую кожу съ убитаго скота и дѣлали себѣ изъ нея нѣчто въ родѣ калошъ, мѣхомъ внутрь, и надѣвали это на рваный сапогъ. Но вскорѣ убѣдились въ крайнемъ неудобствѣ этого способа обуванія: кожа, иногда совсѣмъ еще свѣжая и сырая, вмѣсто того чтобы грѣть ногу, съеживалась и, заскорузлая отъ мороза, только сдавливала сапогъ, который при этомъ еще сильнѣе прѣлъ и разваливался. Тогда солдаты

стали завертывать ноги прямо въ кожу, какъ въ онучи, а поверхъ обматывали веревками или ремешками. Ноги, обмотанныя этимъ способомъ, хотя тоже прѣли, но по крайней мѣрѣ не такъ сильно зябли и еще въ такомъ видѣ было довольно удобно для ходьбы по снѣгу. Но, за недостаткомъ кожъ, люди часто принуждены были наворачавать на ноги разное тряпье, полотнища палатокъ, куски разорванныхъ одѣялъ, остатки отъ мундировъ или штановъ и т. п., и все это обматывали веревками, и въ такомъ видѣ шлепали по грязи или утопали въ снѣгу... Само собою разумѣется, что эта выдуманная обувь быстро промокала, и, будучи неловко пристанной, сползала съ ногъ обнаруживая нерѣдко голую пятку или пальцы, а послѣ нѣсколькихъ часовъ ходьбы она промокала насквозь, превращаясь просто въ грязный комъ...

Обувь была въ одинаково печальномъ видѣ какъ у солдатъ, такъ и офицеровъ. Одежда у офицеровъ тоже сильно износилась. Тщетнымъ исправленіемъ платья занимались одинаково усердно всѣ, отъ командующаго полкомъ до послѣдняго солдата. До какой степени офицеры были тоже оборваны, могутъ служить слѣдующіе примѣры: въ складъ Краснаго Креста, устроенный при отрядѣ въ Орханіе, приходитъ армейскій полковникъ и обращается къ присутствующимъ съ слѣдующими словами: «Господа, мнѣ очень совѣстно просить, но не можете ли вы дать мнѣ рубаху: у меня въ обозѣ полторы дюжины, а обоза нѣсколько дней не видно; вотъ, посмотрите, какъ обносился»... Ему было выдано необходимое бѣлье. Приходитъ затѣмъ офицеръ Семеновскаго полка, въ ободранной шинели, совершенно посинѣвшій отъ холода... Этого пришлось одѣть въ складѣ съ ногъ до головы. А одинъ изъ находившихся на позиціи офицеровъ долженъ былъ обвязывать свои ноги полотенцемъ, чтобы прикрыть дыры брюкъ... Бывали и такіе случаи когда офицеръ не могъ даже явиться по службѣ къ начальству, за полнымъ отсутствіемъ штановъ...

Помочь, въ этомъ случаѣ, войскамъ было весьма трудно. Что ни придумывали сами солдаты и офицеры, а пособить горю было не чѣмъ. Надежды нѣкоторыхъ офицеровъ на вратешскіе склады, гдѣ, кромѣ продовольственныхъ припасовъ, было много найдено турецкаго платья, далеко однако не оправдались. Здѣсь хотя и было найдено

нѣсколько тысячъ одѣялъ, мундировъ и штановъ, но большая часть первыхъ была разобрана на попоны для лошадей, а мундиры и штаны и прочіе предметы обмундированія попадали лишь на нѣкоторыя позиціи, и то въ такомъ незначительномъ количествѣ, что ихъ не хватало даже на заплаты офицерамъ. Такъ, напримѣръ, л.-гв. Павловскій полкъ въ разное время могъ получить изъ этихъ складовъ лишь 60 мундировъ, брюкъ и жилетовъ, 200 локтей сѣраго сукна и нѣсколько кусковъ турецкихъ палатокъ на портянки. Что значила помощь, когда требовалось одѣть въ 35-ти тысячномъ отрядѣ каждаго солдата съ ногъ до головы!

Значительно болѣе помощи оказалъ войскамъ складъ Краснаго Креста, устроенный при отрядѣ въ Орханіе и содержимый на средства Цесаревны, нынѣ Государыни Императрицы. Завѣдующіе складомъ охотно предоставили въ распоряженіе офицеровъ всѣ свои запасы и нерѣдко снабжали ихъ полушубками, валенками, теплыми чулками, шапками изъ башлычнаго сукна, бѣльемъ, наушниками, набрюшниками и т. под... Офицеры часто посылали Цесаревнѣ свою задушевную, горячую благодарность. «Вотъ посмотрите, говорилъ одинъ офицеръ: одѣли съ ногъ до головы! Теперь хоть на двѣ недѣли опять въ горы,—никакой холодъ не проберетъ!»... Нѣкоторое количество полушубковъ было роздано также на позиціи, для пользованія солдатамъ на аванпостахъ. Но, конечно, и Общество Краснаго Креста не могло одно сдѣлать много для 35-ти-тысячнаго отряда, тѣмъ болѣе что главныя усилія этого общества были направлены на помощь раненымъ и больнымъ, которые появлялись также массами...

Словомъ, плачевное состояніе одежды людей было непоправимо. Солдаты имѣли ужасный видъ. Нельзя было узнать даже этихъ, когда-то щеголеватыхъ гвардейцевъ, а теперь немытыхъ по цѣлымъ недѣлямъ, съ отросшими на бородѣ и головѣ волосами, оборванныхъ, безъ сапогъ, въ какихъ-то кожахъ, намотанныхъ на ноги, закутанныхъ въ рваные башлыки и прожженныя, вытертыя шинелишки... Легко теперь представить себѣ положеніе солдата въ такомъ одѣяніи на открытой вершинѣ перевала, при 10-ти градусномъ морозѣ, по колѣно въ снѣгу и при сильномъ вѣтрѣ! Въ оттепель и вьюгу шинели промокали насквозь; высушиться было негдѣ, оттого въ трескучій морозъ шинель промерзала насквозь, сидѣла на сол-

датѣ коломъ, нисколько не облегала стана, и не грѣла... Часто выглядывавшіе изъ подъ наверченнаго на ноги трепья пятки и пальцы ногъ, а равно и кисти рукъ зябли до окоченѣнія... Кромѣ того, вслѣдствіе невозможности мѣнять бѣлье и необходимости спать не раздѣваясь, на людяхъ развелись въ огромномъ количествѣ насѣкомыя, появленію которыхъ обыкновенно предшествовалъ сильнѣйшій зудъ на тѣлѣ. Этихъ паразитовъ не могли избѣгнуть даже многіе изъ самыхъ старшихъ начальниковъ...

Единственнымъ средствомъ согрѣться и отвести душу въ подобномъ положеніи—это было подсѣсть къ костру. Но развести костеръ былъ дѣломъ далеко не легкимъ. Дрова хотя и были подъ рукою, но достать ихъ, тѣмъ не менѣе, было весьма трудно. Топоровъ не было. Тесаки частью полуизломались, частью сильно затупились и рубить ими крѣпкіе, столѣтніе буковые лѣса было невозможно. Валежникъ изъ сухихъ сучьевъ въ первые же дни былъ обобранъ, и ихъ потомъ невозможно было достать во всемъ лѣсу. Приходилось влѣзать на дерево, на громадную высоту, и тамъ, сидя или стоя въ самомъ неудобномъ положеніи, обрубливать вѣтви или вѣтви. Но на бивуакахъ и подлѣ нихъ и эти всѣ вѣтви, до которыхъ только можно было добраться, были давно уже обобраны, и такимъ образомъ приходилось ходить за ними въ стороны съ каждымъ днемъ все дальше и дальше... Наконецъ, нарубятъ и наносятъ дровъ,—нужно ихъ еще наколоть для того, чтобы развести огонь, нужно долго еще раздувать и много хлопотать, чтобы онъ разгорѣлся, такъ какъ сырое буковое дерево горитъ плохо, а даетъ только густой дымъ. Послѣ продолжительныхъ и утомительныхъ попытокъ, удавалось наконецъ разжечь костеръ; но являлась другая бѣда: вѣтеръ въ горахъ безпрерывно мѣнялъ направленіе: вслѣдствіе этого дымъ крутился по всему бивуаку, причемъ никакъ нельзя было приторочиться къ нему, расположившись у костра, почему глаза у всѣхъ дѣлались красными и сильно болѣли отъ ѣдкаго дыма и искоръ. Но часто тамъ гдѣ войска простояли долго, на огромномъ разстояніи всѣ тонкія деревья и вѣтви были вырублены и достать ихъ было болѣе негдѣ. Между тѣмъ костеръ необходимо было развести каждому во что бы то ни стало, а то ночью замерзнешь, да и днемъ негдѣ будетъ отогрѣться, такъ какъ къ чужому костру рѣдко когда пустятъ, а если

и пустятъ, то отведутъ такое мѣсто, что долго не выстоишь подъ дымомъ, отъ котораго потомъ придется плакать. Кромѣ того, необходимъ былъ костеръ и потому, что нужно было сварить себѣ что нибудь поѣсть, сухарь же нужно было приберечь на службу. Тогда приходилось поневолѣ приниматься за рубку огромныхъ деревьевъ; вспорченные тесаки, какъ мы уже сказали, едва могли взять твердый, толстый букъ, представляющій одну изъ самыхъ крѣпкихъ древесныхъ породъ. Поэтому только послѣ чрезвычайныхъ усилій удавалось срубить его. Затѣмъ дерево тащили къ костру и старались разжечь одинъ конецъ; разъ онъ загорѣлся, солдаты были уже обезпечены на всю ночь, ибо дерево горѣло и сохло, и, по мѣрѣ того какъ обгорало, его пододвигали къ костру. Такимъ образомъ постоянно приходилось поддерживать огонь въ кострахъ. Проснется кто нибудь отъ холоду—идетъ и рубитъ дерево или сучья, притащитъ ихъ, броситъ въ огонь, и костеръ загорался снова. Оттого на позиціяхъ цѣлую ночь стоялъ стукъ и шумъ: это пѣхота рубила деревья, для поддержанія огня въ кострахъ, подлѣ которыхъ каждый сушился, грѣлся и тутъ же засыпалъ.

Однако костры давали людямъ убѣжище только въ тихую и ясную погоду; въ сильный же дождь или въ вѣтеръ и мятель приходилось искать болѣе надежнаго крова. Обыкновенно, такимъ кровомъ служила для солдатъ палатка, которую они во время службы носили на себѣ и разставляли на бивуакѣ каждый разъ, какъ приходили для отдыха. Но прежде всего нужно знать, что это были за палатки! Полотнища этихъ палатокъ погибли еще осенью, когда люди на походѣ, подымаясь съ зарею, должны были складывать ихъ сырыми и въ такомъ видѣ нести на себѣ въ теченіи дня подъ теплыми солнечными лучами. Порядочно подгнившія при этомъ палатки теперь уже окончательно рвались отъ частаго складыванія и разстановки ихъ на морозѣ, причемъ нѣкоторыя палатки представляли изъ себя настоящія лохмотья. Понятно также, что поставить такую палатку было весьма затруднительно: Колья съ трудомъ и плохо вколачивались въ мерзлую землю. Натягивать на нихъ рваный холстъ было затруднительно: отсырѣвшія полотнища на морозѣ совершенно обледенѣвали, приходилось ихъ разминать; затѣмъ сильный вѣтеръ часто вырывалъ ихъ изъ рукъ,

прежде чѣмъ ихъ удавалось натянуть. Прикрѣпить къ кольямъ также было не легко, ибо веревки тоже погнили. Наконецъ удавалось кое-какъ сколотить палатку, но и за всѣмъ тѣмъ она едва держалась на плохо вколоченныхъ кольяхъ въ твердую, какъ камень, мерзлую землю. Обыкновенно, послѣ нѣсколькихъ часовъ пребыванія въ ней людей, палатка покрывалась толстою корою льда, такъ какъ испаренія отъ дыханія людей постепенно намерзали на полотнѣ. Понятно также, что въ такой дырявой палаткѣ, края которой къ тому же были плохо пригнаны къ землѣ, сквознякъ свирѣпствовалъ совершенно свободно, иногда не хуже, чѣмъ подъ открытымъ небомъ... Въ мятель на нихъ наносило толстый слой снѣгу, котораго онѣ иногда не выдерживали, и подъ давленіемъ его нерѣдко рвались или совсѣмъ падали. Сильнымъ же вѣтромъ часто вовсе срывало ихъ съ кольевъ и всѣхъ спящихъ въ нихъ людей осыпало снѣгомъ. Послѣ бури иногда на всемъ бивуакѣ палатки лежали поваленныя одна за другой...

Легко теперь представить себѣ, каково было въ такой палаткѣ плохо одѣтому солдату, при 10—15-ти градусномъ морозѣ! Холодъ и вѣтеръ въ ней со всѣхъ сторонъ пробиралъ солдатъ, дрожащихъ въ оборванныхъ шинеленкахъ и безъ обуви... Къ тому же, походная двускатная палатка была низка, не позволяла стоять во весь ростъ, и это постоянно согнутое положеніе въ ней было чрезвычайно утомительно для солдатъ. Но всѣ эти неудобства были еще сносны въ сравненіи съ тѣмъ, что людямъ приходилось спать въ палаткѣ прямо на голой землѣ, безъ всякой подстилки! Ни соломы, ни сѣна, ни даже древесныхъ листьевъ или вѣтвей нельзя было нигдѣ достать все это давно уже ушло или на кормъ животнымъ, или же на костры! Поэтому люди ложились въ платьи, укрывшись всѣмъ, чѣмъ только было возможно и, несмотря на это, все-таки страшно зябли. Болѣе дѣйствительнымъ средствомъ отъ холода было укутываться на ночь съ головою, а днемъ лежать въ шапкѣ. Затѣмъ обитатели палатки, обыкновенно, ложились близко одинъ къ другому, вплотную, чтобы было теплѣе, и при этомъ часто мѣнялись мѣстами, чтобъ дать возможность согрѣться крайнимъ. Однако, и въ этомъ случаѣ ноги все-таки сильно промерзали. Чтобы согрѣть ихъ, люди цѣлой

палатки, или по одиночкѣ вскакивали, шли къ костру, или бѣгали, и потомъ снова ложились, но уже въ новомъ порядкѣ...

Офицеры находились почти въ такой же убійственной обстановкѣ, хотя палатки у нихъ были нѣсколько просторнѣе солдатскихъ и къ тому же у нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣлось болѣе вещей, которыми можно было бы укутываться на ночь. Одинъ весельчакъ-офицеръ, желая охарактеризовать офицерскую постель на Балканахъ, говорилъ, что онъ спитъ въ палаткѣ, подложивъ подъ себя слой сѣна, на сѣно тюфякъ, затѣмъ турецкое одѣяло; на это одѣяло онъ уже ложился одѣтымъ въ теплое пальто и покрывался тѣмъ одѣяломъ, что жена ему купила передъ походомъ, а сверху еще румынскимъ... Если при этомъ приносили еще жару въ палатку, то, заключалъ офицеръ, ничего еще—жить можно...—По этому уже можно судить, каково было тѣмъ офицерамъ, которые не были настолько предупредительны, чтобы запастись заранѣе тюфяками и цѣлымъ ворохомъ одѣялъ! У многихъ офицеровъ не только не имѣлось съ собой никакихъ вещей, но часто и палатокъ не было, такъ какъ вьюки съ офицерскими вещами постоянно отставали позади, если не совсѣмъ застрявали... Тогда приходилось и офицерамъ жаться по нѣсколько человѣкъ въ одной палаткѣ, причемъ нерѣдко случалось, что отъ тѣсноты во время сна средніе вытѣсняли крайнихъ вонъ изъ палатокъ, полотнища которыхъ обрывались съ кольевъ, и вытѣсненные просыпались отъ страшнаго холода уже внѣ палатки, подъ открытымъ небомъ... Отогрѣвъ у несчастнаго костра окоченѣлыя руки и ноги и разбудивъ своихъ спящихъ товарищей, они принимались вновь натягивать палатку и снова ложились плотно другъ къ другу. Передъ утромъ, однако, всѣ вновь просыпались отъ страшнаго холода...

Чтобы хотя немного улучшить свои жилища, солдаты и офицеры иногда устраивали свои палатки такимъ образомъ, что подъ навѣсомъ ихъ вырывалась предварительно земля пеменѣе, какъ на одинъ футъ глубиною. Въ такой палаткѣ вѣтеръ снизу не обхватывалъ лежащихъ по краямъ, да и рвалась она менѣе отъ толчковъ. Но за недостаткомъ времени, а чаще всего по неимѣнію шанцеваго инструмента, отъ устройства подобныхъ палатокъ часто приходилось отказываться, такъ какъ копать мерзлую землю иступившимися тесаками было весьма затруднительно...

Генералъ-маіоръ Дандевиль.

Потому же самому и отъ рытья землянокъ на многихъ позиціяхъ пришлось совсѣмъ отказаться. Къ тому же, подъ крышу землянокъ требовались бревна, для чего нужно было рубить деревья, что, за недостаткомъ топоровъ, какъ мы уже знаемъ, было сопряжено съ значительными трудностями. Кромѣ того, землянка хороша, когда она была выстроена лѣтомъ или осенью и успѣла къ зимѣ просохнуть; въ противномъ же случаѣ, будучи сооруженной изъ мерзлой земли, она отъ сильной топки быстро осаживалась или же совсѣмъ обрушивалась. Вотъ почему землянки—эти наиболѣе надежныя убѣжища отъ холода—были однако выстроены далеко не на всѣхъ участкахъ и не для всѣхъ частей отряда.

Постройка землянокъ, помимо недостатка въ шанцевомъ инструментѣ, стоила солдатамъ громадныхъ усилій потому еще, что приходилось нерѣдко приступать къ сооруженію ихъ во вьюгу или мятель. При этомъ, только-что солдаты успѣвали расчистить сугробъ до земли, какъ новый снѣгъ заносилъ ихъ труды. Но и выстроенная съ такими усиліями землянка рѣдко оправдывала всѣ, возлагаемыя на нее надежды. Обыкновенно жилище это состояло просто изъ вырытой въ землѣ *ямы*, поверхъ которой набрасывались бревна или раскидывалась палатка. Извнутри, какъ бревна, такъ и палатка подпирались жердями. Поверхъ всего этого накидывался хворостъ, если онъ имѣлся, а на него земля или дернъ. Въ крышѣ, съ боку, продѣлывалось отверстіе, которое завѣшивалось полотнищемъ палатки, носившимъ въ этомъ случаѣ названіе *двери*. Внутри такой землянки, въ одной изъ стѣнъ, въ мерзлой землѣ, дѣлалось углубленіе, которое сообщалось чрезъ особое отверстіе съ внѣшнимъ воздухомъ. Это сооруженіе носило названіе *печки*. Такимъ образомъ устраивались землянки на 3 или на 20 человѣкъ, а иногда и болѣе. Въ 4-мъ батальонѣ л.-гв. Московскаго полка были устроены землянки на цѣлые полувзводы. Въ землянкѣ можно было лишь сидѣть, впрочемъ въ офицерскихъ—и стоять, согнувшись... Люди размѣщались въ страшной тѣснотѣ. Въ землянкѣ на каждаго человѣка приходилось буквально по два квадратныхъ аршина! Но всѣ эти неудобства могли бы еще искупиться по крайней мѣрѣ тепломъ, котораго, однако, въ землянкѣ тоже не было... Стоило только измѣниться направленію вѣтра, и землянка, входъ въ которую прикры-

вался нерѣдко рванымъ полотнищемъ, до половины заносилась снѣгомъ! Вѣтеръ и снѣгъ часто забирались спящимъ подъ одѣяла или платье... Днемъ въ землянкѣ было еще невыносимѣе. Стоило только, при сильномъ вѣтрѣ, положить огонь въ ея убогую земляную печь, труба которой, выведенная изъ мерзлой земли, ежеминутно обрушивалась,—какъ вся землянка наполнялась до такой степени дымомъ, что присутствующіе положительно не знали на что рѣшиться: оставаться ли въ ней и, заливаясь горькими слезами, ожидать конца топки, или же бѣжать на морозъ. Но вотъ, наконецъ топка окончена и труба закрыта (кускомъ мерзлой земли). Послѣ этого дымъ, а съ нимъ, конечно, и тепло начинаютъ мало по малу выходить сквозь импровизированную дверь на свѣжій воздухъ, и землянка, по прошествіи двухъ или трехъ часовъ, снова принимаетъ темперутуру внѣшняго воздуха. Такимъ образомъ, рѣдко кому удавалось попользоваться тепломъ безъ дыму, выжить который изъ ямы можно было неиначе какъ вмѣстѣ съ тепломъ... Сверхъ того, эти два-три часа сравнительно высокой температуры постоянно сопровождались такими неблагопріятными явленіями, что опять являлся вопросъ: что лучше—топить, или не топить землянку?.. Дѣло въ томъ, что едва теплый воздухъ касался мерзлой земляной крыши и стѣнъ, какъ съ нихъ въ изобиліи начиналъ сыпаться грязный, землистый песокъ, и если присутствующіе не надѣвали вовремя фуражекъ или какихъ-нибудь ермолокъ, то головы ихъ быстро превращались въ какія-то садовыя клумбы... Когда же теплый воздухъ добирался до нанесеннаго на крышу толстаго слоя снѣга, то въ ней являлась весьма значительная течь, вслѣдствіе чего съ непокрытыхъ головъ присутствующихъ въ землянкѣ, какъ это часто случалось ночью, текли потоки грязи... Этого нельзя было избѣжать даже въ тѣхъ землянкахъ, въ которыхъ подъ земляную крышу подложены были полотнища палатокъ.

Послѣ всего вышесказаннаго понятно будетъ, что солдаты, возвратясь изъ аванпостной цѣпи или смѣнившись съ караула, иногда совсѣмъ не заглядывали въ землянку и предпочитали согрѣваться на открытомъ воздухѣ собственной теплотой, или у костра, разложеного передъ землянкой для варки пищи.

Всѣ бивуаки нашихъ войскъ, состоявшіе какъ изъ палатокъ, такъ и изъ землянокъ, расположены были немного позади боевыхъ позицій, обыкновенно на крутыхъ горахъ, поросшихъ сплошнымъ лѣсомъ, за которымъ не видно было издали ни нашего, ни непріятельскаго лагеря; только выползающій мѣстами между вершинами деревьевъ и стелющійся надъ ними синеватый дымъ указывалъ на мѣста, гдѣ расположены на горахъ наши войска. Со стороны Этрополя или Орханіе, судя по этому дыму, казалось на видъ, что до позицій нашихъ совсѣмъ не далеко, но на дѣлѣ до нихъ было верстъ по 8—12 тяжелаго пути въ гору. Что же касается до непріятеля, то отъ нашихъ позицій его отдѣляли обширные овраги, занесенные глубокимъ снѣгомъ и почти постоянно затянутые туманомъ. Тѣмъ не менѣе, противъ нѣкоторыхъ нашихъ участковъ непріятельскія позиціи, хотя и скрытыя туманомъ, находились на весьма близкомъ разстояніи, какъ напримѣръ отъ позиціи генерала Рауха или отъ «Московской горы». Стоявшія на этой послѣдней горѣ войска наши ясно слышали даже шумъ, гвалтъ и крики, сопровождавшіе обыкновенно турецкія работы; различались отчетливо даже отдѣльныя восклицанія, въ родѣ: «Абдулъ! Магометъ! Ганда! Гай-ли-ли!» и много другихъ непонятныхъ выраженій. Странно было внимать такъ близко говору непріятеля, скрытаго за туманомъ, такъ близко, что вотъ-вотъ, казалось, рукой подать! Можно было даже догадаться, о чемъ они галдѣли своими крикливыми голосами: они рыли землю; слышно было какъ стучали топорами о дерево, кирками о камень; кричали быть можетъ то же самое, что и на нашихъ позиціяхъ постоянно слышалось, только не такъ, въ родѣ: «куда, чортъ, съ лопатою лѣзешь!» «эй, ребята, ломъ сюда давайте!» «ну, и земля же; одно слово: камень на камнѣ»...

При такой близости непріятеля, наши позиціи подвергались иногда, особенно въ ясную погоду, сильному артиллерійскому или даже ружейному огню турокъ. Высоко въ туманномъ воздухѣ то и дѣло гудѣли гранаты, отправляемыя съ одной вершины горы на другую. Турки, при этомъ, стрѣляли чрезвычайно мѣтко, особенно въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ наши занимали совершенно открытыя мѣстности, какъ напримѣръ на Златицкомъ перевалѣ, или на позиціи генерала Дандевиля, а также въ тѣхъ случаяхъ, когда турки занимали командую-

щія высоты, и стрѣляли оттуда сверху внизъ. Въ этихъ случаяхъ даже брустверъ нашихъ батарей служилъ иногда недостаточнымъ прикрытіемъ противъ турецкаго огня. Такъ, однажды на позиціи генерала Дандевиля оторвало гранатой голову фейерверкеру, сидѣвшему спокойно за брустверомъ, и засыпало землей офицеровъ и нѣсколько человѣкъ прислуги при орудіяхъ. Въ другой разъ, во время артиллерійской перестрѣлки, когда принесли на батарею полковника Онопріенко порціи мяса и въ одномъ изъ взводовъ солдаты положили кусокъ говядины въ нѣсколько фунтовъ на брустверъ батареи, турецкое ядро снесло его такъ ловко, что какъ будто бы его и не бывало! А разъ, тутъ же турецкая граната шлепнулась въ солдатскій котелъ съ похлебкою и не разорвалась... Вообще, на многихъ нашихъ позиціяхъ не было мѣстечка, куда бы не залетали непріятельскія гранаты, за исключеніемъ какихъ-нибудь двухъ-трехъ шаговъ за валомъ редута или траншеи. Но что было всего невыносимѣе, это то, что даже бивуаки нашихъ войскъ на нѣкоторыхъ позиціяхъ сильно обстрѣливались артиллерійскимъ и даже ружейнымъ огнемъ турокъ. Такъ какъ бивуаки наши были расположены большею частью въ лѣсу, то непріятельскія гранаты, направленныя сюда, ударившись о деревья, нерѣдко осыпали палатки и крыши землянокъ осколками. Въ нѣкоторыхъ палаткахъ, офицеры, возвращавшіеся съ работъ къ себѣ, находили осколки гранатъ или пули картечной гранаты на своихъ постеляхъ... Поэтому, послѣ каждой перестрѣлки бивуаки наши сильно страдали. Даже на пространствѣ за бивуаками, по склонамъ нѣкоторыхъ горъ, во время перестрѣлокъ много ранило и побивало спускавшихся и поднимавшихся людей. Вслѣдствіе этого, на многихъ позиціяхъ, во время каждой перестрѣлки, всѣ люди, даже деньщики, выходили съ бивуаковъ къ насыпямъ укрѣпленій, которыя только и защищали ихъ отъ потерь. По тому же самому смѣну стрѣлковъ, на нѣкоторыхъ позиціяхъ, можно было производить только по ночамъ или при густомъ туманѣ. Тѣми же обстоятельствами обусловливались всѣ работы и доставка на позиціи снарядовъ и съѣстныхъ припасовъ, а также и отлучка людей за дровами и водой. Правда, потери наши отъ непріятельскаго огня во всѣхъ этихъ случаяхъ были ничтожны, но нравственное дѣйствіе

его на духъ изнуренныхъ людей неизбѣжно должно было быть весьма значительно.

Такимъ образомъ, войска наши не знали покоя на бивуакѣ не только отъ холода и дыма и другихъ неудобствъ ихъ нехитрыхъ жилищъ, но и отъ непріятельскаго огня, который подчасъ былъ еще невыносимѣе морозовъ и вьюгъ. Къ счастью нашему, турки были не назойливы въ этомъ отношеніи и отвѣчали исключительно лишь на нашъ огонь.

Такимъ образомъ все это зависѣло отчасти отъ насъ самихъ, и если мы желали спокойно работать, то стоило лишь молчать нашей артиллеріи, и турки насъ не безпокоили. Но такъ какъ артиллеристы наши ни одного яснаго дня не пропускали, чтобы не пострѣлять въ турокъ, то наши позиціи и бивуаки довольно часто подвергались дѣйствію турецкихъ выстрѣловъ. Съ наступленіемъ же зимы, когда туманы усилились, энергія огнестрѣльнаго боя съ обѣихъ сторонъ нѣсколько ослабѣла. Ружейный же огонь вообще былъ рѣдокъ.

Огонь съ нашихъ батерей производился вначалѣ, согласно приказанія генерала Гурко, залпами, то противъ одного пункта, то противъ другаго, съ точно опредѣленными промежутками во времени, какъ это было подъ Плевной. Но турки легко приноровились къ этому и, укрываясь отъ залповъ, свободно пользовались промежутками между ними. Тогда генералъ Гурко измѣнилъ порядокъ стрѣльбы, приказавъ производить пальбу по-орудійно, выстрѣлъ за выстрѣломъ, чтобы ни минуты не оставлять турокъ спокойными.

Довольно частая стрѣльба съ нашихъ батарей требовала массы снарядовъ; между тѣмъ доставка ихъ на позиціи сопряжена была съ значительными трудностями. Зарядные ящики, вслѣдствіе ихъ громоздкости, не могли быть встащены на горы и, какъ мы уже знаемъ, были оставлены въ тылу—въ Этрополѣ и Орханіе и отчасти даже въ Осиковѣ. Поэтому снаряды пришлось доставлять на горы въ теченіи всей стоянки на рукахъ людей. Такимъ образомъ, къ тяжелому труду войскъ по устройству дорогъ, укрѣпленій и жилищъ прибавлялась новая работа—встаскиваніе артиллерійскихъ снарядовъ на позиціи. Батальоны по очереди отправлялись внизъ къ резервамъ, и тамъ каждый солдатъ получалъ на руки одну гранату, и съ этимъ грузомъ возвращался на горы, карабкаясь по обледенѣлымъ кручамъ,

или черезъ сугробы снѣга на разстояніи отъ 8 до 10 верстъ и на высоту до 2,000 футовъ и болѣе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Тягости сторожевой службы. — Геройскіе подвиги псковичей. — Трудность положенія лейб-гренадеръ.—Усиленіе болѣзненности.—Страшныя потери въ людяхъ.—Извѣстіе о паденіи Плевны.—Графъ Шуваловъ 2-й.—Генералъ Красновъ.—Конецъ стоянки на Балканахъ.

Ко всѣмъ уже сказаннымъ невзгодамъ слѣдуетъ присоединить еще большую тягость уставной службы. Наши позиціи простирались, съ небольшими лишь перерывами, отъ Златицкаго перевала до Лютикова, къ западу отъ Орханіе. При столь значительномъ протяженіи боевой линіи, которая, сверхъ того, пролегала большею частью по горнымъ трущобамъ и густымъ лѣсамъ, ежедневно требовался нарядъ на передовые посты большей части дежурныхъ войскъ; если при этомъ припомнить, что остальная часть ихъ ежедневно распредѣлялась на различныя работы, то выходило, что въ теченіи дня на бивуакахъ, кромѣ должностныхъ лицъ, часто почти никого не находилось. Такимъ образомъ, ежедневно почти всѣ люди были заняты работой или службой, не имѣя ни одного дня отдыха, и только ночью часть людей пользовалась покоемъ, и то, какъ мы уже знаемъ, весьма сомнительнымъ... А такъ какъ въ общемъ резервѣ отряда, расположенномъ по квартирамъ въ деревняхъ у Врачеша и въ Орханіе, пришлось оставить, вслѣдствіе обширности занятыхъ нами передовыхъ позицій, лишь самую незначительную часть войскъ, то въ концѣ концовъ выходило, что смѣнить дежурныя войска на позиціяхъ было часто нечѣмъ, и потому многія части войскъ простояли на позиціяхъ безсмѣнно, на холоду и вѣтрѣ, не зная покоя ни днемъ, ни ночью, въ теченіи почти всей стоянки на Балканахъ.

Ежедневная служба на позиціяхъ состояла въ нарядѣ войскъ въ дежурную часть, для занятія редутовъ и траншей главной оборонительной линіи. Другая часть ихъ шла въ главный караулъ. Нако-

нецъ, третья, назначалась въ аванпостную цѣпь, отъ которой выставлялись впереди еще секреты.

Особенно тяжела была ночная служба въ аванпостной цѣпи, гдѣ солдатъ, наблюдая за непріятелемъ, долженъ былъ стоять неподвижно на часахъ, вдали отъ бивуака, часто по поясъ въ снѣгу, подъ открытымъ небомъ, гдѣ его продувало со всѣхъ сторонъ и гдѣ онъ не имѣлъ права даже развести костра, чтобъ согрѣться, дабы тѣмъ не привлечь на себя вниманіе противника. Поэтому было заведено, чтобы тѣ части, которыя только-что отбыли аванпостную службу и которымъ завтра приходилось, не отдыхая, идти опять на службу, непремѣнно наряжались бы, въ видѣ отдыха, или въ главный караулъ, или въ дежурную часть, гдѣ имъ, по крайней мѣрѣ, позволялось разводить костры, хотя и не позволялось разбивать палатокъ.

Вслѣдствіе страшно тяжелыхъ условій, въ которыя былъ поставленъ часовой на Балканахъ, при наступленіи сильныхъ морозовъ и вьюгъ, допущены были, вопреки уставнымъ правиламъ, нѣкоторыя облегченія для отбывающихъ службу въ аванпостной цѣпи. Такъ разрѣшено было разводить на аванпостахъ костры и даже варить пищу, но только во время туманной погоды, когда костровъ не возможно было видѣть даже на сто шаговъ. Часовые отъ аванпостовъ смѣнялись не черезъ два часа, какъ это дѣлается обыкновенно, а черезъ часъ, чтобы дать имъ возможность чаще согрѣваться у огня. Даже секреты отъ аванпостовъ, которымъ приходилось лежать неподвижно на снѣгу по цѣлымъ суткамъ, безъ огня, были подъ конецъ совсѣмъ уничтожены и замѣнены наблюдательными постами, которые выдвигались приблизительно на версту впередъ, гдѣ и стояли цѣлыя сутки, съ правомъ разводить костры въ туманную погоду.

Не смотря, однако, на всѣ эти облегченія, аванпостная служба, вслѣдствіе наступленія страшныхъ морозовъ и мятелей и положительнаго отсутствія у людей сколько нибудь теплой одежды, становилась съ каждымъ днемъ невыносимѣе. Обыкновенно аванпосты смѣнялись черезъ сутки, въ часъ дня, чтобы люди, идущіе на смѣну, успѣли отобѣдать до выступленія на службу. Но самая отправка на аванпосты требовала уже не мало времени и хлопотъ: нужно было снять палатки, убрать все на бивуакѣ, отогрѣть затворъ ружья,

который промерзалъ до того, что совершенно не дѣйствовалъ, затѣмъ построиться для разсчета и т. д.

Солдаты, собравшіеся на аванпостную службу, очень часто представляли изъ себя преоригинальныя фигуры. Каждый надѣвалъ на себя на бивуакѣ все, что имѣлъ, чтобы было потеплѣе. Палатки, которыя на бивуакѣ играли роль крыши жилища или двери, обыкновенно снимались, и солдаты брали ихъ съ собой, по походному; но при этомъ каждый надѣвалъ свое полотнище поверхъ шинели на себя, завязывая два его конца узломъ около шеи. Сзади оно спускалось у него въ видѣ какой-то мантіи, но только какъ будто сильно накрахмаленной, такъ какъ всѣ эти полотнища, будучи употребляемы на жилища, отъ сильныхъ морозовъ сверху и теплоты снизу промерзали насквозь, и, вслѣдствіе этого, почти совсѣмъ не гнулись. Оно, конечно, не грѣло солдата, но во всякомъ случаѣ предохраняло его нѣсколько отъ вѣтра и этимъ самымъ оказывало ему несомнѣнную пользу, когда онъ стоялъ на открытой мѣстности, гдѣ почти постоянно бушевали суровыя мятели. На ногахъ у каждаго былъ намотанъ чуть-ли не цѣлый складъ тряпья и сырыхъ кожъ; голова увязана башлыкомъ, изъ-подъ котораго былъ видѣнъ только одинъ носъ. На руки надѣвались рукавички, а у кого такихъ не имѣлось—шерстяные носки... Если ко всему этому кой-кому изъ солдатъ прибавить по дымящейся головнѣ на штыкѣ ружья для растопки костровъ на постахъ, да сзади команду рабочихъ съ вязанками дровъ и бушующую вокругъ мятель,—то картина выйдетъ самая фантастическая.

Собравшись впереди бивуака, роты тутъ же расчитывались на посты и заставы, и затѣмъ, по командѣ, всѣ онѣ разсыпались вѣеромъ и направлялись къ передовымъ ложементамъ. Дождавшись здѣсь, когда вечерній туманъ закроетъ турецкую позицію, или когда стемнѣетъ, роты, по свистку, наступали впередъ, и, держась шагахъ въ пятидесяти постъ отъ поста, проходили ложементы и добрались наконецъ до аванпостной цѣпи. Движеніе это, по ледянымъ или снѣжнымъ кручамъ, часто по поясъ въ снѣгу, конечно, могло производиться лишь крайне медленно и съ соблюденіемъ разныхъ предосторожностей. Кромѣ того, посты, по свистку, часто останавливались и повѣрялись командирами ротъ, не образовалось ли интерваловъ и

правильно-ли взято направленіе. Наконецъ, заставы останавливались, обыкновенно, въ передовыхъ ложементахъ, самые же посты выдвигались на 300—500 саженъ впередъ ложементовъ.

Тотчасъ по приходѣ на мѣсто, отъ смѣненнаго поста принимался уже потухающій костеръ, куда подкладывались головни и дрова и ставились манерки, наполненныя вмѣсто воды снѣгомъ, который все подбавлялся по мѣрѣ того какъ таялъ, и затѣмъ начиналась варка, т. е. въ кипящую воду клался кусокъ мяса или тощей баранины, очень часто безъ крупъ и даже безъ соли... Отъ каждаго поста выставлялся одинъ часовой шагахъ въ 5—10 отъ костра, а прочіе люди грѣлись или прыгали отъ холода у тлѣвшихъ головешекъ, поочередно исполняя службу часовыхъ.

Въ заставахъ, располагавшихся въ передовыхъ ложементахъ, поступали точно такъ же. Обыкновенно въ концѣ ложементъ круто загнутъ назадъ, въ видѣ закорючки, и оставленъ только выходъ изъ этой комнатки у самаго бруствера; люди и располагались въ этой комнаткѣ у разведеннаго костра, закрытые отъ пронзительнаго вѣтра. Ружья ставились къ насыпи на случай тревоги, а впереди ложемента гулялъ часовой, устремивъ все свое вниманіе впередъ, въ сторону непріятеля. Когда же ложементы заваливало снѣгомъ до верху, то заставы разводили свои костры впереди ложементовъ и здѣсь согрѣвались и прыгали вокругъ огня.

Въ случаѣ сильнаго мороза, а особенно — во вьюгу, положеніе передовыхъ постовъ было невыносимо. Люди не могли тогда выстоять на одномъ мѣстѣ и все время ходили отъ поста къ посту, и, такимъ образомъ, впереди фронта позиціи образовывалась иногда довольно густая цѣпь гуляющихъ людей, пока ихъ не заносило снѣгомъ, или не обмораживало у кого нибудь рукъ или ногъ...

Въ самомъ же невыносимомъ положеніи оказывались, обыкновенно, часовые, обязанные зорко сторожить непріятеля съ мѣста. При этомъ на позиціи бывало иногда до того люто, холодно, что одного часа невозможно было выстоять на часахъ, особенно стоя по колѣно въ снѣгу или по поясъ... Ноги въ износившихся сапоженкахъ отказывались служить, ружье вываливалось изъ окоченѣвшихъ рукъ... Прибавьте къ этому еще пронизывающій насквозь вѣтеръ, или вьюгу, заносившую все сугробами снѣга и моментально задувавшую ко-

стры,—и тогда можно будетъ представить себѣ положеніе часоваго на Балканахъ! Тѣмъ не менѣе, солдаты выносили эту тяжкую службу безропотно, съ какимъ-то нечеловѣческимъ терпѣніемъ.—«Ну, что братъ, каково тебѣ?» спрашиваютъ окоченѣвшаго отъ холода солдата.—«Ничего, ваше благородіе! Холодно больно: голову маленько разломило, грудь ломитъ»... Изрѣдка только можно было услышать, на вопросъ: «Холодно было ночью?»—отвѣтъ въ родѣ слѣдующаго: «Адъ, ваше благородіе! Хоть бы поскорѣй куда повели, чистый адъ, куда лучше бы на штурмъ идти»!..

Нѣкоторыя армейскія части войскъ, какъ напримѣръ, люди Псковскаго пѣхотнаго полка, относились какъ-то особенно ретиво къ аванпостной службѣ, не смотря при этомъ ни на какіе холода и вьюги. Стоило посмотрѣть въ это время на псковича: весь онъ синій стоялъ на часахъ... Что за ледяной взглядъ,—но взглядъ въ сторону непріятеля! Но вотъ выраженіе его все болѣе и болѣе тупѣетъ и тупѣетъ, но съ своего мѣста онъ ни шагу. Ни ропота, ни стона нѣтъ, точно это для него совершенно нормальныя условія. Наконецъ онъ падаетъ...

Вотъ случай, показывающій, какъ псковичи при такомъ положеніи несли свою службу: стоитъ солдатъ Псковскаго полка въ цѣпи по колѣно въ снѣгу. Видитъ онъ турецкаго солдата, идущаго по направленію къ нашей цѣпи. Псковичъ прилегъ и далъ ему полную возможность какъ можно ближе подойти къ цѣпи; за нимъ ползкомъ въ снѣгу пробирается онъ къ турку... Турокъ—громадный солдатъ, великанъ въ сравненіи съ псковичемъ, замѣчаетъ псковича, и они моментально схватываются; идетъ сильная борьба. Въ это время другой псковичъ—подчасокъ—лежитъ на снѣгу шагахъ въ десяти и зорко наблюдаетъ за ходомъ борьбы... Наконецъ, когда онъ увидѣлъ, что они оба ужъ слишкомъ утомлены, но турокъ беретъ перевѣсъ, тогда набрасывается онъ на турка и вмѣстѣ съ товарищемъ связываютъ его... Если припомнить при этомъ, въ какихъ адскихъ условіяхъ приходилось имъ стоять въ цѣпи, то будетъ вполнѣ понятно геройство этихъ псковичей.

Въ другой разъ стоялъ псковичъ на часахъ. По направленію къ нему ѣхалъ турецкій кавалеристъ, не замѣчая нашего солдата. Псковичъ спрятался за дерево, и когда турокъ вблизи проѣхалъ это де-

рево, онъ неожиданно выскочилъ, схватилъ турка за шею, стащилъ съ лошади и, обезоруживъ его, привелъ, какъ турка, такъ и его лошадь, въ дежурную часть...

Таковы были храбрые псковскіе солдаты!

За то же и приходилось имъ: сегодня стоитъ онъ въ цѣпи, употребляя всевозможныя усилія, чтобы не быть занесеннымъ въ снѣгу, а на другой день идетъ въ дежурную часть, гдѣ имѣетъ возможность лишь лечь у костра, который лишь по временамъ горитъ, будучи разбрасываемъ бурей... Завтра опять въ цѣпь, и такъ далѣе, безъ конца!

На бивуакѣ у псковичей землянокъ вовсе не было, такъ какъ они не успѣли вырыть ихъ до наступленія морозовъ и вьюгъ. Согрѣться хоть на минуту имъ рѣшительно было бы негдѣ, еслибы не артиллеристы, относившіеся съ какимъ-то обожаніемъ къ псковичамъ—этимъ храбрымъ львамъ, забравшимъ съ генераломъ Скобелевымъ г. Ловчу, бравшимъ Правецъ, Этрополь, Вратешскій перевалъ и съ безпримѣрной храбростью атаковавшимъ 17-го ноября неприступный Шандорнинскій редутъ. Гвардейскіе артиллеристы, въ каждый бурный день, не дожидаясь ничьего приказанія, принимали къ себѣ въ землянки человѣкъ по десяти, окоченѣвшихъ до безпамятства, псковичей, которыхъ приводили изъ цѣпи. На батареяхъ артиллеристы нарочно сами дѣлали костры для псковичей, приходившихъ изъ цѣпи обмороженными, грѣли имъ воду и вообще старались имъ помочь всѣмъ, чѣмъ только могли. Эта предупредительная заботливость постороннихъ людей, безъ-сомнѣнія много способствовала поддержанію въ псковичахъ бодрости духа и ихъ по-истинѣ нечеловѣческой выносливости! При этомъ, безотвѣтность псковичей была изумительна. Разъ идетъ рота псковичей въ цѣпь; одинъ изъ солдатъ, на видъ совершенно больной, все-таки плетется за ротой, съ твердой рѣшимостью попасть въ цѣпь: идетъ, идетъ—и упадетъ, поднимется и опять упадетъ,—видимо, бѣдняга, *терялъ послѣднія силы*—«а, чортъ его побери, хотя бы на редутъ вели!» съ горечью воскликнулъ псковичъ,—и это все, чѣмъ онъ выразилъ свои страданія!

Великолукцамъ приходилось на Вратешскомъ перевалѣ также не лучше псковскихъ.

Но особенно было тяжело положеніе лейбъ-гренадеръ на Златицкомъ перевалѣ, гдѣ мѣстность на вершинѣ горы была совершенно открытая, ничѣмъ не защищенная отъ вѣтра. Тамъ зачастую гудѣла по цѣлымъ суткамъ снѣжная буря, срывая солдатскія палатки, разбрасывая костры и заваливая землянки сугробами снѣга... Къ тому же турки зорко стерегли, съ вершинъ сосѣднихъ горъ, малѣйшее наше движеніе на Златицкомъ перевалѣ и направляли свои ружейные огни по всякому показывавшемуся на виду человѣку, по каждому замѣченному огоньку. Поэтому въ ложементахъ, на аванпостахъ о кострахъ не могло быть и рѣчи; приходилось лежать неподвижно въ снѣгу цѣлую ночь... Мало того: турки здѣсь безпрерывно производили атаки на наши позиціи, пѣхотой и кавалеріей, часто въ превосходныхъ силахъ и съ артиллеріей... Тѣмъ не менѣе, лейбъ-гренадеры держались на перевалѣ крѣпко и еще не разъ сами съ большимъ успѣхомъ нападали на турокъ. Перечислить здѣсь всѣ геройскіе подвиги лейбъ-гренадеръ было бы невозможно. Достаточно упомянуть, что всѣ эти военные подвиги совершались лейбъ-гренадерами при невыносимыхъ условіяхъ. До чего здѣсь свирѣпствовали морозы и вьюги, показываетъ слѣдующій случай. Разъ (17-го декабря) вьюга приняла за ночь такіе страшные размѣры, что многія изъ земляновъ были совершенно разворочены; на людей мѣстами намело сугробы снѣга. Нѣсколько человѣкъ сторожевой цѣпи были снесены вѣтромъ съ перевала въ долину; при этомъ одного изъ нихъ буря принесла къ турецкимъ аванпостамъ, стоявшимъ у подошвы горы; турки немедленно открыли огонь; однако ему какъ-то посчастливилось уйти отъ нихъ невредимымъ; но двое другихъ, по всей вѣроятности, попали въ турецкія когти и такъ и не вернулись... Конечно, о кострахъ, при подобныхъ обстоятельствахъ, не могло быть и рѣчи: люди согрѣвались только собственною животною теплотою, ложась возможно плотнѣе одинъ возлѣ другаго; но, конечно, и это, при морозѣ въ 15°, не могло спасти ихъ, и потому многіе изъ нихъ страшно обморозились.

Справедливость, однако, требуетъ сказать, что въ подобныхъ условіяхъ нерѣдко находились войска и на всѣхъ прочихъ нашихъ позиціяхъ.

Вернемся къ службѣ войскъ на позиціяхъ.

Смѣнившись съ аванпостовъ, люди, прежде чѣмъ добраться до бивуака, утопая въ снѣгу, собирались еще, для повѣрки, къ главному карауду, а затѣмъ уже добирались, наконецъ, до мѣста «отдыха». Впереди оставались только дежурныя части, сидящія за ложементами.

Каковъ былъ отдыхъ на бивуакѣ—мы уже знаемъ. Вмѣсто того, чтобы тотчасъ же по приходѣ со службы лечь отдохнуть, солдатамъ приходилось еще, предварительно, расчистить мѣсто для своихъ палатокъ, поставить палатки, нарубить дровъ на день и на ночь, развести костры, сварить себѣ пищи и т. д... Но занятія солдатъ во время «отдыха» не ограничивались и этимъ: сейчасъ же, по приведеніи въ порядокъ бивуака, солдаты принимались за землекопныя работы по усиленію укрѣпленій и по прокладкѣ дорогъ, а также посылались командами за сухарями и снарядами, ходили также оцѣплять приведенный на убой скотъ, чтобы онъ не убѣжалъ, и т. п.. Такимъ образомъ оставалась лишь самая незначительная часть времени, которую они могли посвятить покою и отдыху, но не беззаботному, а опять съ извѣстными предосторожностями, чтобы не замерзнуть... Никогда не удавалось бѣдному солдату поспать спокойно ночью: холодъ скоро его выгонялъ изъ палатки къ костру, у котораго онъ и проводилъ часть ночи, а утромъ ему приходилось идти опять на службу...

Послѣ сильныхъ мятелей солдатамъ прибавлялась новая работа—по расчисткѣ позицій отъ снѣга. Всѣ ложементы, батареи, редуты и даже землянки на бивуакахъ покрывались въ одинъ день страшными сугробами снѣга. Десять—пятнадцать минутъ пребыванія на открытомъ воздухѣ иногда достаточно было, чтобы даже человѣка занесло снѣгомъ съ ногъ до головы... Въ такія минуты шаги людей были сочтены и рѣдкій смѣльчакъ рѣшался, безъ помощи лопаты, сдѣлать лишній шагъ. На батареяхъ приходилось раза по четыре въ день отрывать орудія изъ-подъ снѣга. Въ укрѣпленіяхъ и на дорогахъ разгребали снѣгъ постоянно, иначе и доступъ къ нимъ прекращался. Съ землянками бывали даже такіе случаи: подходитъ къ землянкѣ, занесенной снѣгомъ, офицеръ и зоветъ своихъ людей. Отвѣта не слышно.

— Ребята, живы-ли вы? переспрашиваетъ офицеръ, возвышая голосъ.

— Занесло выходъ, ваше благородіе!—слышатся оттуда голоса, точно изъ могилы: вотъ ужъ долго бьемся, да никакъ не выберемся...

Въ такихъ случаяхъ приходилось ставить особыхъ часовыхъ, чтобы они отрывали выходы изъ землянокъ.

При постоянныхъ холодахъ, непосильныхъ работахъ и тяжелой службѣ, облегчить чѣмъ нибудь участь солдатъ было невозможно. Думали давать имъ спиртъ, особенно отбывающимъ аванпостную службу, полагая хоть этимъ поддержать ихъ силы и согрѣвать ихъ. Но спиртъ часто производилъ совсѣмъ противоположное дѣйствіе. Румынскій спиртъ, который въ это время поставлялся войскамъ, очень противный на вкусъ, не только не поддерживалъ силъ и не согрѣвалъ тѣла, но, хотя онъ и выдавался на половину разбавленный водою, часто вызывалъ въ людяхъ, съ сильно ослабленнымъ организмомъ, чрезмѣрное опьянѣніе, подъ вліяніемъ котораго они скоро засыпали, подвергаясь опасности обморозиться, или совсѣмъ замерзнуть .. Тогда, по совѣту врачей, стали разбавлять спиртъ двойнымъ и тройнымъ количествомъ воды и выдавали его сами ротные командиры, послѣ обѣда. Въ такомъ случаѣ водка, конечно, не опьяняла людей, но зато еще меньше согрѣвала и поддерживала ихъ силы. Къ тому же, водка выдавалась лишь по полчаркѣ на человѣка, не каждый день и далеко не на всѣхъ участкахъ. Сами солдаты предпочитали въ это время пить больше чаю. Не дѣйствуя нисколько на голову, онъ согрѣвалъ ихъ и, слѣдовательно, поддерживалъ въ нихъ хорошее расположеніе духа,—условіе, въ этомъ случаѣ, чрезвычайно важное, такъ какъ отъ него зависѣла та легкость, съ которою могли переноситься труды и лишенія. Къ сожалѣнію, и чай былъ далеко не общимъ достояніемъ въ войскахъ Западнаго отряда.

Что же касается до сахара и табаку, то предметы эти, почитаемые тоже весьма важными въ дѣлѣ поддержанія бодрости въ людяхъ, давно уже вышли не только у всѣхъ солдатъ, но и у многихъ офицеровъ. За неимѣніемъ табаку, солдаты курили сухіе буковые листья, или просто старые трубочные чубуки...

Понятно, что, при всѣхъ вышеописанныхъ условіяхъ, устойчивость натуры русскаго солдата, въ концѣ концовъ, должна была

Генералъ-маіоръ Раухъ.

поколебаться... Балканская стужа, вьюга и морозы, а также голодъ, отсутствіе одежды, тяжелая работа и безсонныя ночи—сильно отозвались на здоровьи людей. Въ войскахъ начали появляться различныя болѣзни, захватывая съ каждымъ днемъ все большее число жертвъ. Постоянно мокрыя ноги, сильный, пронизывающій вѣтеръ и рѣзкіе переходы отъ костра на службу—были, прежде всего, причиной того, что въ отрядѣ не осталось почти ни одного человѣка, который не страдалъ бы воспаленіемъ горла или дыхательныхъ вѣтвей. Кашель сталъ болѣзнью почти повальной. Если шелъ отрядъ солдатъ по дорогѣ и останавливался, то слышался какой-то особенный гулъ по всей дорогѣ отъ сильнаго груднаго кашля. На бивуакахъ постоянно происходило то же самое. Замѣчательно, что нервныхъ людей разстраивали не выстрѣлы съ батарей или изъ непріятельской цѣпи, а этотъ постоянный и, можно сказать, ужасный кашель, который рѣзко раздавался въ палаткахъ и землянкахъ въ тишинѣ ночи...

Многіе также получили здѣсь ревматизмъ въ ногахъ или рукахъ; другіе простужали голову; третьи заболѣвали тифомъ, лихорадками, цынгою. Слабыхъ была тоже бездна.

Въ самомъ же началѣ пребыванія на горахъ, когда погода стояла мокрая, чуть-ли не всѣ солдаты переболѣли кровавымъ поносомъ... Здѣшній климатъ какъ-то особенно предрасполагаетъ къ болѣзнямъ живота вслѣдствіе простуды. На этомъ основаніи, самый бѣдный болгаринъ, которому не во что одѣться, имѣетъ непремѣнно громадный поясъ, которымъ подвязываетъ верхнюю часть живота. Иногда можно видѣть болгарина даже съ совершенно открытою грудью, но непремѣнно подвязаннаго теплымъ шерстянымъ поясомъ. Эта непремѣнная принадлежность національнаго болгарскаго костюма могла бы, кажется, указать намъ заблаговременно на необходимость запастись набрюшниками; но войска наши вовсе не имѣли ихъ, и только впослѣдствіи общество Краснаго Креста нашло возможнымъ снабдить этими предметами нѣкоторыхъ офицеровъ, изъ своего орханійскаго склада. Понятно, что, вслѣдствіе вообще неудовлетворительнаго состоянія одежды и недостатка пищи, кровавый поносъ, въ сырую погоду, долженъ былъ сдѣлаться повальною болѣзнью...

Съ наступленіемъ морозовъ и мятелей, кровавые поносы и лихо-

радки нѣсколько ослабѣли, но за то начались частыя заболѣванія обмораживаніемъ оконечностей и даже случаи полнаго замерзанія... Особенно губительна въ этомъ отношеніи была служба на аванпостахъ и въ траншеяхъ. Нѣсколько часовъ такой службы стоили каждый разъ десятковъ жертвъ! Въ палаткахъ и землянкахъ случаи обмораживанія оконечностей повторялись также постоянно. По ночамъ то и дѣло раздавался на бивуакѣ крикъ, предупреждавшій, что въ такой-то ротѣ солдатъ замерзаетъ: это происходило оттого, что онъ проспалъ и не вышелъ погрѣться, или же незамѣтно уснулъ у костра, который постоянно погасъ...

Для борьбы съ холодомъ, кромѣ выдачи спирта, придумывались различныя средства; такъ, напримѣръ, нѣкоторые начальники приказывали имѣть въ ротахъ опредѣленное число костровъ, причемъ дневальные должны были слѣдить, чтобы люди постоянно поддерживали огонь, заставляли бѣгать солдатъ, которыхъ замѣчали сжавшимися и страдающими отъ холода; офицеры вызывали изъ палатокъ наиболѣе безпечныхъ или лѣнивыхъ солдатъ и заставляли ихъ работать, бѣгать или, собравши нѣсколько такихъ, устраивали имъ маршировку въ теченіи минутъ двадцати—получаса и т. п.

Не смотря, однако, на всѣ эти мѣры, почти ни одна ночь не проходила безъ того, чтобы сотни солдатъ не отмораживали себѣ рукъ и ногъ... Л.-гв. Егерскій полкъ, придя на позицію генерала Дандевиля, 6-го декабря, на смѣну л.-гв. Измайловскаго полка, въ первый же день стоянки на позиціи, спустилъ обратно внизъ около ста человѣкъ съ отмороженными и совсѣмъ замороженными руками и ногами. 9-го декабря, тотъ же полкъ потерялъ обмороженными 176 человѣкъ! Л.-гв. Семеновскій полкъ, поднимаясь 9-го декабря (уже во 2-й разъ) на позиціи противъ Шандорнака, на смѣну жалкихъ остатковъ Велико-луцкаго и Псковскаго пѣхотныхъ полковъ, во время самаго подъема потерялъ много людей отсталыми, также большею частью обмороженныхъ. Вообще на позиціи генерала Дандевиля различныя части войскъ быстро таяли на глазахъ своего начальства, теряя среднимъ числомъ до 200 человѣкъ въ день больными и обмороженными. На другихъ позиціяхъ происходило, конечно, то же самое. Особенно великъ былъ процентъ убыли больными и обмороженными на позиціи Златицкаго отряда, гдѣ стихіи бушевали на полномъ просторѣ и

гдѣ мѣткій огонь бдительнаго непріятеля не позволялъ солдатамъ предпринимать даже самыхъ простыхъ мѣръ для согрѣванія.

Вообще жизнь на позиціяхъ по причинѣ страшныхъ холодовъ становилась день ото дня невыносимѣе. Такъ, въ одну изъ свирѣпствовавшихъ мятелей, на нашихъ позиціяхъ тридцать солдатъ замерзли до смерти, а число заболѣвшихъ отъ холода превышало въ этотъ день 2,000 человѣкъ!

Результаты этихъ нечеловѣческихъ трудовъ и лишеній, какія несли войска на позиціяхъ, можно было созерцать ежедневно на всѣхъ сообщеніяхъ позицій съ тыломъ: каждое утро сотнями плелись съ горъ, въ Орханіе и Этрополь, натерпѣвшіеся воины: у кого руки отмерзли, у кого нога какъ чужая, другаго бьетъ нестерпимый кашель... Встрѣчаетъ офицеръ на дорогѣ толпу такихъ солдатъ, елепдущихъ, съ точно перебитыми ногами:

— Куда вы идете?

— Да въ городъ, съ позиціи... отмороженные. Изъ силъ выбились... отвѣчаетъ толпа. На пути больнымъ и обмороженнымъ рѣшительно негдѣ было пріютиться; на всемъ протяженіи отъ позицій до города Орханіе (мѣстами около 25 верстъ) они должны были сами протаптывать себѣ путь въ глубокомъ, чрезвычайно рыхломъ снѣгу, заметавшемъ почти мгновенно дорогу и всѣ ея слѣды... При такихъ условіяхъ не могло обходиться безъ несчастныхъ случаевъ: больные иногда теряли дорогу и, выбившись, наконецъ, изъ силъ, замерзали на пути, безъ всякой помощи... Чтобы предотвратить подобные бѣдствія, лишь 11-го декабря былъ отданъ приказъ, чтобы больные отправлялись непремѣнно командами, а не поодиночкѣ; съ тою же цѣлію, на «Драгунскомъ бивуакѣ» былъ устроенъ тогда этапный лазаретъ отъ Краснаго Креста, гдѣ люди могли переночевать, получить пищу и медицинское пособіе отъ врача, который тамъ находился. На сколько, однако, подобныя мѣры недостаточны были, можно видѣть уже изъ того обстоятельства, что даже части войскъ, состоявшія изъ здоровыхъ солдатъ при смѣнѣ съ позицій, часто теряли на пути массу обмороженныхъ, прежде чѣмъ успѣвали дойти до мѣста отдыха. Дѣло въ томъ, что ширина горныхъ дорогъ не позволяла иначе идти войскамъ, какъ вытянувшись въ длинную вереницу, вслѣдствіе чего имъ часто приходилось останавливаться для

сбора, причемъ люди, оставаясь безъ движенія, зябли до окончанія. Такъ, л.-гв. Измайловскій полкъ, спускаясь съ позиціи генерала Дандевиля для отдыха въ Орханіе и страшно при этомъ растянувшись по дорогѣ, былъ остановленъ у бивуака графа Шувалова, чтобы дать время подтянуться шедшимъ сзади и выждать спуска всего полка. При этомъ переднимъ пришлось ждать около двухъ часовъ, стоя въ снѣгу. Вслѣдствіе этого, придя въ Орханіе, измайловцы принуждены были многихъ сдать въ госпитали съ отмороженными ногами... То же самое случилось съ тѣмъ же полкомъ, при послѣдовавшемъ вскорѣ переходѣ его изъ Орханіе на лютиковскую позицію: на пути сюда, вытянувшіеся гуськомъ, измайловцы наткнулись на ручей, по переходѣ черезъ который въ бродъ, передніе были остановлены, чтобы выждать прибытія переправившихся вслѣдъ за ними частей. Ждать пришлось долго. Люди, стоя на одномъ мѣстѣ, съ промокшими насквозь ногами, переминались съ ноги на ногу, прыгали, толкались, а морозъ дѣлалъ свое дѣло и ноги начинали понемногу терять всякую чувствительность и мерзнуть... Много народу ушло въ госпитали изъ-за этого перехода. Придя, за тѣмъ, на лютиковскую позицію, гдѣ пришлось поселиться въ палаткахъ и гдѣ, за отсутствіемъ дровъ, не возможно было просушить промоченныхъ на дорогѣ ногъ, полкъ потерялъ еще нѣсколько десятковъ человѣкъ обмороженными.

Даже въ Орханіе, служившемъ мѣстомъ отдыха и поправки для смѣняемыхъ съ позицій частей, не всегда можно было найти, какъ здоровымъ, такъ даже и больнымъ людямъ, вѣрное обезпеченіе отъ новыхъ обмораживаній. Дѣло въ томъ, что гор. Орханіе, послѣ предшествовавшаго пребыванія въ немъ турецкихъ войскъ, представлялъ теперь однѣ лишь развалины. Въ цѣломъ городѣ нельзя было найти хотя бы одинъ, вполнѣ сохранившійся домъ. Всѣ дома были пусты; жители со всѣмъ имуществомъ покинули городъ. Въ домахъ печи развалились, двери и окна выбиты. Генералы помѣщались въ нетопленныхъ комнатахъ и грязныхъ мазанкахъ. Даже самъ генералъ Гурко и многочисленный штабъ его отряда принуждены были помѣщаться въ полуразрушенныхъ зданіяхъ, исправивъ ихъ кое-какъ на скорую руку, подклеивъ, напримѣръ, бумагу на окнахъ вмѣсто разбитыхъ стеколъ, поддерживая огонь въ мангалахъ, вмѣсто несу-

ществующихъ болѣе печей и т. п. Смѣнявшіяся же съ позицій и приходившія сюда на отдыхъ части размѣщались просто по хлѣвамъ. Понятно, что, при такихъ условіяхъ, даже больнымъ людямъ приходилось иногда подолгу ждать и мерзнуть на морозѣ, прежде чѣмъ находилось для нихъ какое-нибудь помѣщеніе... Но истинныя мученія для войскъ, попадавшихъ почему-либо въ Орханіе, начались съ прибытіемъ сюда подкрѣпленій изъ-подъ Плевны (9-й корпусъ). Войска съ тѣхъ поръ принуждены были располагаться бивуаками въ снѣгу, такъ какъ въ Орханіе каждая пядь земли была уже занята. Сцены, происходившія при этомъ въ Орханіе, во время холодовъ и мятелей, невозможно описать. Всѣ дороги были загромождены обозами и пушками; солдаты прятались отъ вѣтра за глыбами снѣга; офицеры, истощенные и полузамерзшіе, бродили по городу днемъ и ночью, тщетно отыскивая убѣжище, которое нельзя было пріобрѣсти ни за какія деньги. Въ соли и хлѣбѣ чувствовался полнѣйшій недостатокъ. Топливо сдѣлалось предметомъ роскоши, не для всѣхъ доступнымъ, такъ какъ всѣ свободныя повозки едва успѣвали доставлять дрова изъ окрестныхъ лѣсовъ въ госпитали и пекарни. Немудрено, поэтому, что и въ самомъ городѣ встрѣчалось много случаевъ отмороженія ногъ и рукъ...

Лазареты для больныхъ были устроены въ Орханіе — всего на 300 человѣкъ, и въ Этрополѣ — на 200 человѣкъ. Такъ какъ больныхъ въ скоромъ времени накопилось множество, то старались пользоваться всякимъ случаемъ для ихъ эвакуаціи, т. е. отправляли ихъ дальше при первой же появившейся въ городѣ свободной повозкѣ. О перевозкѣ же больныхъ на повозкахъ съ позицій въ пріемные покои, за отсутствіемъ желѣзныхъ дорогъ, невозможно было и думать. Обмороженные и заболѣвавшіе, попрежнему, еле-двигаясь, плелись пѣшкомъ въ Орханіе и Этрополь, приходя съ каждымъ днемъ все большими и большими толпами...

Въ виду недостатка помѣщенія въ отрядныхъ лазаретахъ, графъ Шуваловъ разрѣшилъ для войскъ своего участка открыть въ Орханіе полковые околотки, какъ, напримѣръ, открытъ былъ околотокъ для л.-гв. Павловскаго полка. Здѣсь по крайней мѣрѣ лучше кормили и теплѣе одѣвали больныхъ, чѣмъ въ отрядныхъ лазаретахъ. Обще-

ство Краснаго Креста принесло также войскамъ неоцѣнимую пользу въ этомъ отношеніи.

Въ концѣ-концовъ отрядъ все-таки понесъ страшныя потери больными и обмороженными. Мы не знаемъ общей цифры тѣхъ и другихъ въ отрядѣ; но объ этомъ можно уже судить по тѣмъ потерямъ, которыя понесли нѣкоторые изъ полковъ въ отдѣльности. Такъ, одинъ л.-гв. Гренадерскій полкъ, во время стоянки на Златицкомъ перевалѣ, потерялъ 278 человѣкъ больными, 350 человѣкъ обмороженными и 6 человѣкъ замерзшими. Шесть ротъ Пигерманландскаго пѣхотнаго полка, стоявшія на томъ же перевалѣ, потеряли 202 человѣка больными, 150—обмороженными и одного замерзшимъ. Бывшая тамъ же одна рота Великолуцкаго пѣхотнаго полка понесла потерю въ 33 человѣка больными и 21 — обмороженными. На позиціи генерала Дандевиля, Великолуцкій и Псковскій пѣхотные полки, за время стоянки, вымерзли до того, что въ нѣкоторыхъ ротахъ осталось всего по 30-ти и даже по 20-ти человѣкъ! Ко времени смѣны ихъ съ позиціи, въ Псковскомъ полку осталось всего 1,043 человѣка, а въ Великолуцкомъ — 1,245, т. е. изъ каждаго полка выбыло по крайней мѣрѣ по 1,000 человѣкъ! Л.-гв. Егерскій полкъ потерялъ за время стоянки около 400 человѣкъ и т. д... Но и эта убыль по полкамъ еще не выражаетъ вполнѣ крайне бѣдственнаго положенія нашихъ войскъ на Балканахъ. Къ концу стоянки, во многихъ полкахъ невозможно было отыскать даже ни одного офицера, здоровье котораго было бы въ удовлетворительномъ состояніи... Что же касается до солдатъ, то нахожденіе ихъ въ строю и подавно еще ничего не означало, ибо многіе изъ нихъ оставались въ строю даже съ весьма серьезнымъ отмороженіемъ рукъ и ногъ...

По вышеприведеннымъ цифрамъ можно уже судить о томъ, какъ велики были общія потери отряда, вслѣдствіе претерпѣнныхъ имъ лишеній на Балканахъ. Если мы прибавимъ къ этому, что во многихъ случаяхъ отмораживанія были настолько сильны, что несчастнымъ приходилось отрубать на ногахъ и рукахъ пальцы прочь, или даже всю ногу или руку, то намъ вполнѣ будетъ понятно, какъ, по меньшей мѣрѣ, преждевременны были тѣ заключенія, которыя выводились тогда изъ ничтожности чисто боевыхъ нашихъ потерь при занятіи нами переваловъ.

Ослабленіе отряда значительными потерями отъ болѣзней и обмораживаній было настолько велико, что, при ежедневно возрастающемъ процентѣ больныхъ, боевая сила войскъ, на нѣкоторыхъ участкахъ, уменьшилась до такой степени, что задача удержанія перевваловъ въ этихъ пунктахъ становилась трудно выполнимою... Если еще прибавить къ этому, что всѣ позиціи наши были крайне растянуты и, къ тому же, были нерѣдко заносимы сугробами снѣга, то намъ будетъ вполнѣ понятно, что положеніе нашихъ отрядовъ, на нѣкоторыхъ пунктахъ горъ, являлось весьма критическимъ. Такъ, не говоря уже о плачевномъ положеніи нашего незначительнаго Златицкаго отряда, почти блокированнаго турками, даже положеніе болѣе сильнаго отряда генерала Дандевиля было далеко незавидное. Принявшій отъ послѣдняго командованіе надъ этимъ отрядомъ, Его Высочество принцъ Ольденбургскій, писалъ 10-го декабря генералъ-адъютанту Гурко: «Позиція подъ Шандорникомъ, въ виду малочисленности отряда и въ особенности Егерскаго полка (1,600 штык.), по длинѣ не соотвѣтствуетъ силѣ ввѣреннаго мнѣ отряда, который недостаточенъ, чтобы, въ случаѣ наступленія противника, занять всѣ ложементы по фронту. Въ виду значительной убыли людей (вчера, т. е. 9-го, егеря потеряли 176 человѣкъ, а сегодня 93), которая можетъ еще болѣе увеличиться (морозъ 10° при вьюгѣ и порывистомъ вѣтрѣ), прошу ваше превосходительство, наканунѣ общаго движенія, прислать по крайней мѣрѣ одинъ полкъ. Только въ этомъ случаѣ позиція будетъ вполнѣ обезпечена»... Вообще, нужно сознаться, что только относительная малочисленность турокъ, а можетъ быть и недостатокъ энергіи со стороны ихъ военачальниковъ—позволили намъ, во время стоянки, избѣжать на нѣкоторыхъ пунктахъ весьма значительныхъ затрудненій.

Таково было состояніе нашихъ войскъ къ концу пребыванія ихъ на Балканахъ. Претерпѣваемыя ими бѣдствія и лишенія, въ концѣ концовъ, должны были отразиться и на состояніи духа ихъ. Люди не только были совершенно обезсилены, но и начали падать духомъ. Постоянныя тяжелыя землекопныя работы, рискованная аванпостная служба, трудная доставка на позицію снарядовъ, провіанту и фуража, борьба съ снѣжными мятелями и заносами, холодъ, голодъ и недостатокъ сна—въ-конецъ измучили людей и наполняли ихъ однимъ

страстнымъ, но тщетнымъ желаніемъ—спуститься, наконецъ, съ непривѣтливыхъ горъ..!

Солдаты и офицеры сдѣлались угрюмыми и скучными. Даже предметъ для разговора между ними какъ-то истощился, да и говорить ужъ никому не хотѣлось: переговорили все, что знали; у всѣхъ давно уже была общая жизнь, общія бѣдствія. Убійственнѣе же всего было то, что никто ничего не зналъ, что дѣлается кругомъ него. Всѣ сообщенія были затруднены страшными снѣгами. Шаги каждаго были сосчитаны. Многіе изъ офицеровъ по цѣлымъ днямъ лежали въ палаткахъ и земляпкахъ рядышкомъ, и глубоко молчали. Изрѣдка кто отругнется въ пространство... Тоска и печаль начали овладѣвать всѣми. Между войсками стали ходить самые разнообразные и часто нелѣпые слухи и толки. Солдаты еле уже двигались, унылые и совсѣмъ обезсилѣвшіе; холодъ, голодъ и тяжкія работы видимо убивали въ нихъ всякую энергію, да и, дѣйствительно, стоило выйдти изъ палатки или землянки, чтобы потерять въ сугробахъ снѣга и на страшномъ вѣтру всякое порядочное расположеніе духа... Офицеры, особенно стоявшіе въ Орханіе, рѣшительно не знали за что взяться, куда сунуться, чѣмъ убить томительное время. Страшно надоѣло всѣмъ стоять въ непріютныхъ горахъ. Особенно сильно начало одолѣвать всѣхъ мучительное чувство—тоска по родинѣ! Болѣзненно настроенное воображеніе каждаго рисовало на досугѣ картины спокойнаго и тихаго существованія среди мирной домашней обстановки... Всѣ съ необычайной жаждой прислушивались ко всему, что шло изъ родины. Частныя письма, газеты, даже случайно найденные листы старыхъ русскихъ книгъ жадно перечитывались, переходили изъ рукъ въ руки и дѣлались общимъ достояніемъ... Но это было, конечно, каплею утѣшенія въ этомъ морѣ бѣдствій и скуки! Съ усиленіемъ тоски по родинѣ, само собой разумѣется начала окончательно глохнуть энергія, интересъ къ самому ходу войны и даже самообладаніе... Нѣкоторые стали-было прибѣгать къ давно испытанному средству убивать эту тоску—вину и картамъ, но, къ счастью, поздно, такъ какъ скоро затѣмъ пришлось спускаться за Балканы...

Много зависѣло также состояніе духа людей отъ погоды: ясный день—и у всѣхъ на душѣ дѣлалось какъ-то свѣтлѣе; туманъ или

вьюга—и люди вновь впадали въ мрачное настроеніе. Къ несчастію, ясные дни, какъ мы уже знаемъ, были весьма рѣдки...

Въ эти немногіе ясные дни обычное теченіе жизни нарушалось еще перестрѣлкой съ турецкими укрѣпленіями, причемъ всѣ внимательно прислушивались слѣдить какъ за общимъ ходомъ канонады, такъ и за дѣйствіемъ отдѣльныхъ снарядовъ. Но такъ какъ къ концу стоянки облака и туманъ почти не расходились, то и боевыя дѣйствія къ этому времени почти совершенно прекратились, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ войскахъ совершенно угасъ интересъ къ нимъ...

По временамъ, начальники позицій, и самъ генералъ-адъютантъ Гурко объѣзжали войска, и это также нѣсколько разнообразило жизнь и хотя на короткое время служило предметомъ многочисленныхъ разговоровъ. Но наиболѣе оживляющимъ и отраднымъ событіемъ во время стоянки на Балканахъ было полученіе извѣстія о паденіи Плевны и плѣненіи арміи Османа-паши. Извѣстіе это вызвало въ рядахъ войскъ потрясающій восторгъ: въ моментъ полученія его, офицеры и солдаты бросались обниматься и цѣловаться другъ съ другомъ, и долго праздновали славную побѣду. Въ этомъ случаѣ радовались не только побѣдѣ, но и сознанію, что вмѣстѣ съ нею является и надежда на близкое избавленіе ихъ отъ положенія, становившагося съ каждымъ днемъ невыносимѣе... Однако и восторгъ по поводу взятія Плевны не могъ вѣчно продолжаться: со времени полученія извѣстія объ этомъ, проходили дни за днями, потянулись опять недѣли, а перемѣны въ положеніи все еще никакой не послѣдовало...

Дѣло въ томъ, что спускъ съ горъ и, вообще, перемѣна въ положеніи войскъ Западнаго отряда могли послѣдовать только съ прибытіемъ къ нимъ подкрѣпленій, которыя были обѣщаны отряду изъ войскъ, освободившихся подъ Плевной. Генералъ-адъютантъ Гурко, получивъ извѣстіе о выступленіи изъ-подъ Плевны новыхъ силъ, поступающихъ подъ его командованіе, отправилъ имъ немедленно предписаніе идти форспрованнымъ маршемъ къ Орханіе, безъ дневокъ, большими переходами, словомъ—прибыть сколь возможно скорѣе на мѣсто. Но движеніе этихъ колоннъ, вслѣдствіе ужаснаго состоянія дорогъ, затянулось на цѣлыя недѣли...

Между тѣмъ, суровая зима и тяжелыя условія стоянки на го-

*

рахъ требовали все новыхъ и новыхъ жертвъ... Съ 7-го по 12-е декабря морозы такъ страшно усилились, что можно было опасаться за жизнь всѣхъ людей отряда! Холодъ былъ просто невыносимъ, и отъ него некуда было и спрятаться... Замѣчательно при этомъ, что, не смотря на увеличивавшіяся съ каждымъ днемъ лишенія, въ солдатахъ нашихъ, посылаемыхъ на боевую позицію, все-таки пробуждалась нерѣдко прежняя энергія; такъ, они часто по собственной инициативѣ начинали перестрѣлку съ непріятелемъ, съ такимъ стараніемъ и заботливостью пристрѣливались при этомъ, что не пропускали ни одной турецкой головы, неосторожно высунувшейся изъза ложемента... Подобное мужество солдатъ поражало даже самихъ командировъ частей. Въ самомъ дѣлѣ, люди, находясь большею частью въ полу-живомъ состояніи, а слѣдовательно имѣя полную возможность съ совершенно спокойной совѣстью отправиться на нѣкоторое время на покой, остаются и исполняютъ свои обязанности до тѣхъ поръ, пока «не свалятся окончательно»! Тутъ другаго названія, кромѣ мужества, дѣйствительно не подберешь.

Поведеніе офицеровъ, помимо уже личной храбрости, неоднократно обнаруженной ими во время стоянки на Балканахъ, представляло также не мало примѣровъ самоотверженія иного рода, когда, напримѣръ, большинство офицеровъ, не смотря на то что и они, за рѣдкими исключеніями, не имѣли теплой одежды,—не дозволяли строить себѣ землянокъ до тѣхъ поръ, пока не былъ укрытъ отъ мороза *послѣдній солдатъ изъ роты.* Гвардейскіе и армейскіе офицеры, съ лицами немытыми, забрызганными грязью, загрубѣлыми подъ ненастьемъ и морозами, съ одинаковымъ мужествомъ переносили всѣ труды, невзгоды и лишенія стоянки. Надо было самому испытать жизнь въ снѣгу на бивуакахъ, самому пробыть долгое время на діэтѣ, состоявшей изъ чая безъ сахара и черстваго куска хлѣба, чтобъ во всей полнотѣ оцѣнить значеніе вышеописаннаго поведенія офицеровъ и того, какъ тяжелы были, въ сущности, лишенія, переносимыя безропотно этою молодежью.

Таково было положеніе на Балканахъ нашихъ храбрыхъ войскъ, которыя стояли, не зная конца своихъ бѣдствій, а только со страстнымъ желаніемъ какого нибудь выхода изъ этихъ страданій, въ ко-

торыхъ дисциплина, въ силу этихъ ужасныхъ условій, должна была ослабѣть, и которыя стояли только въ силу великаго чувства долга!

Погода на Балканахъ становилась все свирѣпѣе. Войска, особенно стоявшія на позиціяхъ, буквально вымерзали. Генералъ Гурко цѣлые дни ходилъ угрюмый и сердитый; генералъ чувствовалъ, что это ужъ не война съ турками, которыхъ ему не было причины страшиться, а борьба съ иными силами, превышавшими силы человѣческія. И неизвѣстно, какихъ бы еще жертвъ впереди потребовала отъ насъ суровая зима въ горахъ, если бы еще хоть немного замедлилось паденіе Плевны...

Нельзя также не замѣтить, что мужество солдатъ, съ которымъ они переносили ужасную стоянки на Балканахъ, значительно поддерживалось еще поистинѣ доблестнымъ поведеніемъ нѣкоторыхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей, многія достоинства которыхъ выказались, болѣе чѣмъ когда либо, именно во время этой тяжкой жизни на непріютныхъ горахъ.

Наибольшимъ вліяніемъ на войска и положительно всеобщею любовью пользовался командиръ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантъ графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ. Популярность графа, доходившая у многихъ до обожанія и восторженныхъ отзывовъ, укрѣпилась за нимъ еще со времени дѣла при Горнемъ Дубнякѣ, гдѣ онъ выказалъ примѣрную личную храбрость. Что касается до военныхъ способностей графа Шувалова, то въ нихъ тогда уже никто не сомнѣвался, и онъ блистательно оправдалъ это своими распоряженіями, какъ въ дѣлахъ при занятіи Балканскихъ перевалокъ, такъ и, въ особенности, впослѣдствіи, при преслѣдованіи арміи Сулеймана-паши отъ Софіи къ Филиппополю; настиженіе этой арміи и окончательное разбитіе ея, безспорно, обязаны, главнымъ образомъ, энергическимъ распоряженіямъ этого генерала...

На видъ графу Шувалову лѣтъ сорокъ; онъ средняго роста, плотно и крѣпко сложенъ. На Балканахъ графъ Шуваловъ раздѣлялъ съ войсками всѣ невзгоды и лишенія трудной стоянки. Обстановка его бивуака, помѣщавшагося въ узкомъ Вратешскомъ ущельи, посреди дороги, гдѣ былъ расположенъ и лагерь нашихъ резервовъ противъ Арабъ-конака,—была до крайности сурова и поражала взоръ невзыскательностью къ условіямъ жизни хозяевъ би-

вуака—графа Шувалова, его штаба и свиты. Простыя солдатскія палатки (захваченныя у турокъ) были разбиты прямо на снѣгу, рядомъ съ палатками солдатъ; горѣвшій снаружи на снѣгу костеръ служилъ кухней, а также и мѣстомъ для отогрѣванія коченѣющихъ отъ холода ногъ и рукъ. Нѣсколько охапокъ сѣна, брошенныхъ въ палаткѣ на мерзлую землю, замѣняли коверъ на полу. Палатка графа Шувалова только тѣмъ и отличалась отъ остальныхъ солдатскихъ палатокъ, что она была турецкая и потому круглая, тогда какъ у нашихъ солдатъ полотно было натянуто въ видѣ треугольника. Снѣгъ лежалъ толстымъ слоемъ на всѣхъ этихъ палаткахъ. Вокругъ бивуака видны были лишь высокія горы, покрытыя снѣгомъ и сплошь поросшія густымъ лѣсомъ; кругомъ все было бѣло, и давило суровостью. Вверху, надъ ущельемъ, простиралось вѣчно туманное небо, гдѣ гудѣли изрѣдка гранаты, отправленныя съ одной вершины на другую... Впечатлѣніе отъ этого мертвеннаго, пустыннаго ландшафта еще болѣе усиливалось жестокимъ холодомъ...

Тѣмъ неменѣе, хозяинъ бивуака, графъ Шуваловъ казался человѣкомъ видимо довольнымъ суровою обстановкою бивуачной жизни и не придающимъ никакого значенія связаннымъ съ нею непривычнымъ лишеніямъ. Показывая столь доблестный примѣръ терпѣнія и мужества войскамъ, графъ, конечно, самъ сильно рисковалъ если не жизнью, то, во всякомъ случаѣ, здоровьемъ; такъ что генералъ Гурко, во время одного изъ своихъ объѣздовъ, нашелъ нужнымъ, наконецъ, отдать приказаніе командиру гвардейскаго сапернаго батальона, полковнику Свалону, о постройкѣ саперами землянки для графа, который, однако, согласился перейти въ нее только тогда, когда нѣсколько десятковъ человѣкъ были обмороженными.

Помимо того, графъ всячески заботился о солдатѣ, постоянно расходуя свои собственныя средства на него и на ежедневную по возможности чарку водки для людей своего отряда, особенно для часовыхъ на аванпостахъ, гдѣ безъ спирта обойтись было довольно трудно. По всегдашней своей привычкѣ заботиться прежде всего о солдатахъ, графъ часто самъ не ѣлъ ничего съ ранняго утра, заботясь прежде всего, чтобъ были сыты люди. Немудрено, послѣ этого, что онъ сдѣлался скоро общимъ любимцемъ среди войскъ. Часто графъ Шуваловъ отправлялся для осмотра позицій и въ это время

въ рядахъ солдатъ, собравшихся погрѣться къ костру, раздавались веселые крики: «Графъ Шуваловъ ѣдетъ! нашъ графъ ѣдетъ»! Графъ умѣлъ и пошутить съ солдатами, и сказать, гдѣ нужно, живое и ободрительное слово. Сквозь тучи холоднаго тумана и дыма отъ костровъ слышались ему, обыкновенно, оживленные отвѣты: «Здравія желаемъ, ваше сіятельство»! Офицеръ сбрасывалъ бурку и бѣжалъ къ своей ротѣ навстрѣчу начальнику позиціи, который каждому офицеру всегда находилъ сказать привѣтливое слово. Не смотря на страшный холодъ, графъ часто былъ одѣтъ, трудно повѣрить, въ одномъ сюртукѣ! «Что, финляндскіе, куришь»? спрашивалъ шутливо графъ, указывая на клубы холоднаго тумана и ѣдкаго дыма отъ костровъ.—«Ничего, ваше сіятельство; не только намъ и вамъ холодно»... — «Нѣтъ, мнѣ ничего», отвѣчалъ обыкновенно съ улыбкой графъ... Въ то же время, графъ Шуваловъ умѣлъ съ большимъ тактомъ поддерживать дисциплину въ войскахъ и возбуждать потухавшую энергію въ этихъ изнуренныхъ воинахъ. Такъ, въ одинъ изъ своихъ осмотровъ позиціи, графъ Шуваловъ, выѣхавъ на нейтральную полосу между нашею цѣпью и турецкою, встрѣтилъ драгунскій разъѣздъ изъ четырехъ всадниковъ.

— До какого мѣста доходили? спросилъ графъ Шуваловъ.

— Вонъ до этой караулки доходили, отвѣчали драгуны, указывая на построенный неподалеку впереди домикъ.

— Непріятеля видѣли?

— Никакъ нѣтъ.

— Такъ поѣзжайте за мной,—прибавилъ графъ и отправился впередъ по шоссе; онъ проѣхалъ мимо домика, на который указывали драгуны, отъ него еще съ полверсты и затѣмъ у слѣдующаго подъема увидѣлъ еще караулку и шесть человѣческихъ фигуръ въ башлыкахъ у дымящагося костра: пятеро лежали на землѣ вокругъ огня, одинъ стоялъ облокотившись на ружье; это былъ турецкій пикетъ. «Вотъ до этого мѣста вы должны были доѣхать»,—обратился графъ Шуваловъ къ драгунамъ...

Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что если значительная часть трудной службы, во время стоянки на Балканахъ, выпала на долю войскъ графа Шувалова, то, конечно, прежде всего на него лично, потому что онъ былъ такъ занятъ постоянно, что спалъ положительно меньше каждаго солдата...

Другою замѣчательною личностью, постоянно подававшею войскамъ доблестный примѣръ отваги и выносливости, былъ извѣстный генералъ Даніилъ Васильевичъ Красновъ, командовавшій сводною драгунскою бригадою.

Генералъ Красновъ представлялъ нѣкоторую противоположность графу Шувалову, не смотря на одинаковое почти вліяніе ихъ на войска. Даніилъ Васильевичъ по происхожденію простой казакъ и выслужился до генерала изъ простыхъ урядниковъ *). Это типъ истаго казака воина,—типъ, который, къ сожалѣнію, встрѣчается уже рѣдко между самими казаками.

Не имѣя книжныхъ свѣдѣній о тонкостяхъ военнаго искусства, Даніилъ Васильевичъ, тѣмъ не менѣе, былъ незамѣнимъ на войнѣ. Всегда довольный и веселый, онъ послѣ перваго же выстрѣла еще болѣе оживлялся; подъ пулями сыпалъ остротами, прибаутками, добродушными насмѣшками; подъ ядрами стоялъ молодцомъ, находя какое-то удовольствіе подъ ихъ музыкой, и не упускалъ случая, при этомъ, пошутить или подбодрить окружающихъ. Пылкость его въ бою доходила до того, что онъ подъ-часъ становился въ головѣ небольшой части своихъ казаковъ, чтобы лично броситься въ рукопашную...

Стратегическими соображеніями и другими тонкостями военнаго искусства, съ которыми книжно онъ не былъ знакомъ, Даніилъ Васильевичъ не занимался, и на военныхъ совѣтахъ обыкновенно молчалъ. Но какъ только поручали ему военную задачу выполнить на дѣлѣ, тутъ ужъ онъ показывалъ себя! Тогда онъ и разсказывалъ все обстоятельно, только вмѣсто «атаковать» онъ говорилъ «долбануть»; вмѣсто «отрѣзать путь отступленія»—«отхватить отъ норы»; вмѣсто: «обезпечить и устроить базу»—«назадъ оглядывайся, не зѣвай»; вмѣсто: «освѣтить мѣстность»—«гляди въ оба» и т. д. Словомъ, вездѣ и во всемъ у него принималось за основаніе одно: здравый смыслъ. Редутъ на горѣ Шандорникѣ онъ для краткости называлъ «шиндарникъ», да кстати и всѣ турецкія укрѣпленія кре-

*) Біографическія данныя о генералѣ Красновѣ и характеристика этого генерала заимствованы нами изъ статьи «Воспоминанія о Бабѣ-горѣ». В. «Сборникъ воен. разсказовъ» кн. Мещерскаго, т. III.

стилъ тѣмъ же именемъ... Иныхъ ученыхъ, неумѣющихъ ѣздить верхомъ, онъ снисходительно называлъ «начальникъ-штабчиками».

Недостатокъ книжнаго военнаго образованія у Данила Васильевича пополнялся огромной опытностью, личной храбростью, находчивостью, острымъ зрѣніемъ и необыкновенной внимательностью ко всему происходящему у противника. Дѣло его 4-го января подъ Караагачемъ, когда, появившись на флангѣ движенія непріятеля, онъ началъ съ нимъ дѣло въ сумерки, а ночью штыками отбилъ у туровъ 18 орудій и съ ними отошелъ съ пути слѣдованія всей арміи Сулеймана-паши, — сдѣлало бы честь не только всякому искусному тактику, но и отличному стратегу.

Кончилось дѣло,—Данилъ Васильевичъ садился ужинать, затѣмъ стоя прочитывалъ про себя молитву, крестился, засыпалъ, и только на другой день, умывшись, причесавшись и снова помолившись, начиналъ: «А каково мы ихъ вчера долбанули»!.. И пошли разсказы и воспоминанія.

Вообще, Данилъ Васильевичъ былъ крайне простъ въ образѣ жизни и безпритязателенъ.. Не смотря на свои 60 лѣтъ, онъ всю зиму проходилъ на Балканахъ въ шерстяной фуфайкѣ, подъ форменнымъ чистенькимъ чекменемъ съ Георгіемъ,— въ теплыхъ сапогахъ и въ лѣтнемъ пальто съ башлыкомъ. При этомъ, крѣпкіе сѣдые волосы на головѣ его и въ усахъ какъ-то не ладились съ его свѣжимъ еще, молодымъ по выраженію, добрымъ лицомъ, и юркими, подъ-часъ насмѣшливыми глазами.

Къ военнымъ качествамъ турокъ Данилъ Васильевичъ относился въ высшей степени саркастически. Часто употребляемое имъ выраженіе относительно турокъ: «да не могуть они этого сдѣлать» — сдѣлалось вскорѣ общей поговоркой въ отрядѣ.

Вообще, генералъ-маіоръ Красновъ былъ всеобщимъ любимцемъ въ отрядѣ и считался безспорно храбрѣйшимъ изъ храбрыхъ. Видъ этого веселаго, бодраго старика, постоянно на конѣ разъѣзжавшаго всюду въ одиночку, его боевые разсказы, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ, дѣйствовали магически, особенно на молодежь, которая большею частью была еще мало обстрѣлена и совсѣмъ непривычна къ чрезвычайнымъ лишеніямъ военнаго времени.

Б. на Б.

Нельзя также умолчать о заслугахъ флигель-адъютанта полковника Любовицкаго, отличившагося столь необычайно храбростью въ дѣлѣ подъ Горнымъ Дубнякомъ. На Балканахъ онъ заявилъ себя какъ крайне предусмотрительный къ своему дѣлу начальникъ, всегда входившій во всѣ подробности даннаго дѣла или положенія; изучавшій его до тонкостей и всегда приступавшій ко всему съ тщательно обдуманнымъ и твердымъ рѣшеніемъ. Не смотря ни на какую погоду и на полученныя имъ раны въ предшествовавшихъ дѣлахъ, которыя давали себя чувствовать, и теперь полковникъ Любовицкій ежедневно обходилъ на перевалѣ всѣ участки позицій, принималъ участіе во всѣхъ сколько нибудь серьезныхъ стычкахъ съ непріятелемъ и не отказывался ни отъ какихъ мѣръ къ облегченію участи солдатъ."

Тѣмъ не менѣе, оставаться долѣе въ томъ ужасномъ положеніи, въ которомъ находились наши войска на Балканахъ, было немыслимо. Дальнѣйшее пребываніе на горахъ, при усиливавшемся холодѣ, грозило истребленіемъ морозами всего отряда. Необходимо было для спасенія войскъ немедленно спуститься съ горъ назадъ, или двинуться впередъ черезъ горы, въ болѣе теплый климатъ Софійской долины. Этого требовало и дальнѣйшее развитіе плана военныхъ операцій на Балканахъ, заранѣе составленнаго генераломъ Гурко еще подъ Плевной и такъ неожиданно прерваннаго стратегическими дѣйствіями туровъ подъ Еленой и на самомъ Баба-конакскомъ перевалѣ. Переходъ за Балканы въ долину Софіи долженъ былъ быть лишь заключительнымъ актомъ того длиннаго ряда маневровъ, который былъ предпринятъ генераломъ Гурко съ самаго момента его вступленія въ Балканы, съ цѣлью уничтоженія арміи Мегемета-Али и оказанія потомъ содѣйствія генералу Радецкому на Шипкѣ. И если туркамъ удалось заставить насъ отказаться отъ продолженія этихъ маневровъ съ вышеупомянутою цѣлью, то теперь переходъ черезъ Балканы необходимъ былъ хотя бы для того только, чтобы выйдти изъ невыносимаго положенія. И дѣйствительно, въ половинѣ декабря, началось движеніе за Балканы.

ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ БАЛКАНЫ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Невозможность фронтальной атаки турецкихъ позицій.—Планъ генерала Гурко.—Распредѣленіе колоннъ.—Начало движенія главной колонны на Чурьякъ.—Усилія войскъ.—Медленность движенія.—Прибытіе въ Чуріакъ.

Въ виду чрезвычайной обширности и неприступности турецкихъ позицій, противъ которыхъ стояли наши войска зимою на Балканахъ, переходъ за Балканы для отряда генерала Гурко, не смотря на то, что отрядъ этотъ значительно превосходилъ турокъ численностію *), былъ возможенъ только съ прибытіемъ къ нему подкрѣпленій, отдѣленныхъ изъ войскъ, освободившихся подъ Плевной. До прибытія же этихъ подкрѣпленій, отрядъ генерала Гурко не могъ покинуть своихъ мѣстъ, какъ ни тяжелы были его бѣдствія и лишенія на суровыхъ вершинахъ Балканскихъ горъ.

Между тѣмъ войска, вышедшія изъ подъ Плевны на подкрѣпленіе Западнаго отряда (9-й корпусъ и 3-я гвардейская пѣхотная дивизія), были задержаны на пути страшной распутицей и чрезвычайными трудностями горныхъ дорогъ. Имъ пришлось повторить тотъ же горный походъ, который съ такимъ трудомъ совершенъ былъ отрядомъ ге-

*) Отрядъ генерала Гурко, какъ было сказано, заключалъ въ себѣ около 35,000 человѣкъ; у турокъ въ это время стояло на Балканахъ около 25,000 человѣкъ.

нерала Гурко, во время его движенія къ Этрополькимъ Балканамъ, но еще при болѣе худшихъ условіяхъ. По выходѣ упомянутыхъ войскъ изъ-подъ Плевны, невылазная грязь, покрывавшая до того времени болгарскія долины, покрылась теперь толстымъ слоемъ снѣга. Начиная съ 1-го декабря, три дня и три ночи, почти не переставая, падалъ густой снѣгъ; рѣзкій сѣверный вѣтеръ поднималъ страшную мятель. Что испытывали въ эти дни двигавшіяся войска— трудно передать. Шагая по колѣно въ снѣгу, подъ которымъ не совсѣмъ еще застыла клейкая грязь, доходившая въ иныхъ мѣстахъ буквально до ступицы,— заносимыя снѣгомъ, обледенѣлыя. тащились они съ горы на гору подъ тяжкою ношею ранца и ружья. Обозы, орудія и ящики останавливались на каждомъ шагу, усилія лошадей истощались, и только съ помощью людей все это медленно и съ неимовѣрными трудностями двигалось по Софійской дорогѣ. Повозки положительно увязали въ сгустившейся отъ холода грязи; артиллерія мѣстами загромоздила дорогу и не позволяла остальному обозу двигаться впередъ. Солдаты промерзали до костей, ворочаясь въ грязи подъ хлопьями снѣга около повозокъ и орудій. Вдобавокъ, всѣ были постоянно впроголодь. Обозъ съ провіантомъ каждый разъ приходилъ на мѣсто ночлега къ тому времени, когда отдохнувшимъ войскамъ нужно было уже отправляться дальше; вслѣдствіе этого варить что нибудь времени уже не хватало, такъ что до самаго Врачеша солдатамъ приходилось довольствоваться одними сухарями...

Немудрено послѣ всего вышесказаннаго, что войска эти окончательно сосредоточились въ Орханіе лишь къ 12-му декабря, т. е. спустя около двухъ недѣль по выходѣ изъ-подъ Плевны.

Съ прибытіемъ въ Орханіе столь давно ожидаемыхъ подкрѣпленій, генералъ Гурко предположилъ немедленно приступить къ переходу черезъ Балканы. Получивъ подкрѣпленіе силою въ три дивизіи, генералъ Гурко располагалъ теперь отрядомъ численностію около 47,000 человѣкъ пѣхоты и 6,000 кавалеріи, т. е. по крайней мѣрѣ въ два раза больше противъ численности турецкаго отряда. Столь значительное численное превосходство нашихъ силъ позволяло намъ не только спокойно приступить къ спуску съ горъ въ Софійскую долину, но попытаться съ нѣкоторымъ шансами на успѣхъ

окружить, наконецъ, армію Мегмета-Али въ занимаемыхъ ею укрѣпленіяхъ на Бабакопакѣ. Оставались составить планъ перехода за Балканы и привести его въ выполненіе.

Отъ движенія въ прямомъ направленіи, т. е. отъ фронтальной атаки противника, намъ пришлось отказаться, какъ вслѣдствіе неприступности непріятельской укрѣпленной позиціи, такъ и, главное, вслѣдствіе ничтожности, сравнительно, могущихъ быть достигнутыми чрезъ это результатовъ. Такимъ образомъ, невольно пришлось опять обратиться къ маневрированію и обходамъ, съ цѣлью дебушированія изъ горъ и, по возможности, охвата противника. Во все время стоянки на Балканахъ и ожиданія подкрѣпленій изъ-подъ Плевны, генералъ Гурко и устремилъ главное свое вниманіе на подготовительную работу для окончательнаго перехода за Балканы, именно на изысканіе обходныхъ путей черезъ перевалы въ долину Софіи, путей, позволявшихъ зайти неожиданно во флангъ и тылъ противнику.

Между тѣмъ, найти сколько-нибудь сносныя дороги черезъ горы было крайне трудно, ибо всѣ проходимые пути были въ рукахъ непріятеля; свободными же оставались лишь немногія горныя тропинки, недоступныя для артиллеріи и столь крѣпко защищенныя самою природой, что даже турки не сочли нужнымъ охранять ихъ. Какъ-бы то ни было, а въ концѣ концовъ намѣчены были *три пути* для движенія войскъ: одинъ на д. Умургачъ, другой на Чуріякъ, и третій на Бабу-гору.

Что касается до дороги на д. Чурьякъ, по которой предположено было двинуть главныя силы и которая выводила непосредственно въ тылъ арабъ-копакской позиціи турокъ, то путь этотъ былъ не только тщательно обслѣдованъ, но даже и разработанъ, на сколько было возможно, удовлетворительно. Рекогносцировку этого пути производилъ, еще 4-го декабря, генеральнаго штаба подполковникъ Ставровскій, съ полковникомъ Скалономъ; а разработка самой дороги производилась, начиная съ 5-го декабря, гвардейскими саперами и л.-гв. Преображенскимъ полкомъ. Въ сущности, это была тропинка, извивавшаяся по кручамъ и скатамъ лѣсистыхъ Балкановъ, отдѣлявшаяся вправо отъ Софійскаго шоссе, верстахъ въ 4-хъ отъ д. Врачеша, и выводившая въ д. Чурьякъ. Грунтъ этой тропинки допу-

скалъ, однако, разработку; кромѣ того, тропинка шла все время лѣсомъ, что могло помочь намъ въ извѣстной степени скрыть какъ самую разработку, такъ и движеніе по тропинкѣ войскъ и, въ то же время, служить для нихъ защитой въ бурную погоду. Гвардейскіе саперы и преображенцы устроили здѣсь нѣсколько фашинныхъ мостовъ черезъ ручьи, затѣмъ уширили тропу и сдѣлали зигзаги для избѣжанія слишкомъ крутыхъ подъемовъ. Разработка же спуска съ перевала къ д. Чурьякъ была отложена до начатія самаго движенія, чтобы не привлечь преждевременно вниманія турокъ.

Путь на гору Умургачъ былъ осмотрѣнъ, 2-го декабря, генеральнаго штаба подполковникомъ Пузыревскимъ, и затѣмъ, 4-го декабря, генераломъ Раухомъ, вмѣстѣ съ подполковникомъ Пузыревскимъ и командиромъ гвардейскаго сапернаго батальона полковникомъ Скалономъ. Нужно замѣтить, что генералъ Гурко, еще ранѣе всѣхъ вышеупомянутыхъ рекогносцировокъ, предполагалъ двинуть чрезъ Умургачъ главныя силы. Между тѣмъ изъ рекогносцировокъ подполковника Пузыревскаго и генерала Рауха выяснилось, что путь на Умургачъ почти непроходимъ для артиллеріи и трудно доступенъ для разработки, по причинѣ каменистаго грунта и чрезвычайной крутизны подъемовъ; къ тому же разработка эта и не могла производиться заблаговременно, такъ какъ тропинка шла вблизи лютиковской позиціи турокъ, вслѣдствіе чего могло быть преждевременно обнаружено наше намѣреніе. Путь на Умургачъ выводилъ въ д. Жилляву. Частыя промоины на этомъ пути, узкіе и крутые карнизы, по которымъ взбиралась тропинка, заваленная мѣстами свалившимися деревьями, крутая и обнаженная вершина самаго перевала— все это дѣлало путь на Умургачъ трудно-доступнымъ даже для одиночнаго путника. По разсказамъ болгаръ, по этой тропинкѣ лишь пастухи гоняли лѣтомъ козъ. Не смотря на всѣ эти неблагопріятныя свѣдѣнія, генералъ Гурко рѣшился, однако, двинуть и на Умургачъ часть войскъ, согласившись направить главныя силы по Чурьякской дорогѣ.

Что касается до дороги черезъ перевалъ Баба-Гора, выводящій въ деревни Мирково и Буново, во флангъ и тылъ Шандорникской позиціи турокъ, то путь этотъ былъ изслѣдованъ генеральнаго штаба штабсъ-капитаномъ Протопоповымъ, еще 14-го ноября, въ то время,

когда происходило преслѣдованіе турокъ, отступавшихъ изъ Этрополя. Неизвѣстно, производилось-ли обслѣдованіе этого пути позднѣе, но дорога на Бабу-Гору была найдена болѣе другихъ удобною и доступною для перехода артиллеріи безъ всякой разработки, не смотря на чрезвычайную высоту совершенно обнаженнаго отъ лѣса перевала Баба-Горы.

Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ свѣдѣній о произведенныхъ рекогносцировкахъ трехъ, намѣченныхъ генераломъ Гурко, обходныхъ дорогъ, совершенно не оберегавшихся турками, можно вывести то заключеніе, что рекогносцировки этихъ путей требовались весьма тщательныя. Зимою, когда началось наше движеніе за Балканы, эти пути могли оказаться недоступными.

Въ этомъ случаѣ особенно опасно было появленіе на открытыхъ вершинахъ Умургача и Бабы-Горы снѣжныхъ мятелей, или вьюги, а также появленіе на всѣхъ вышеупомянутыхъ путяхъ снѣжныхъ сугробовъ, гололедицы и т. под. спутниковъ зимняго времени. Предвидѣть все это, разумѣется, было трудно заранѣе, хотя случаи эти были уже знакомы намъ еще по первому движенію на Вратешскій перевалъ и, вдобавокъ, повторялись нѣсколько разъ во время самой стоянки на горахъ; поэтому принять во вниманіе возможность повторенія всѣхъ этихъ случаевъ было необходимо, тѣмъ болѣе что, напримѣръ, дорога на Умургачъ и безъ того найдена была почти непроходимою. Можетъ быть легкая удача лѣтней экспедиціи за Балканы заставила насъ легко отнестись и къ зимнему походу. Но то было лѣтомъ, а теперь наступала зима, которая уже успѣла показать намъ себя во время стоянки на горахъ.

Планъ спуска войскъ въ Софійскую долину съ цѣлью, по возможности, окружить армію Мегмета-Али, генералъ Гурко, въ общихъ чертахъ, предположилъ слѣдующій: противъ укрѣпленныхъ турецкихъ позицій на Бабаконакскомъ перевалѣ, на Лютиковскихъ высотахъ и у Златицы, предположено было оставить достаточно сильныя заставы на прежнихъ нашихъ позиціяхъ. Затѣмъ предположено было составить три наступительныя колонны, изъ которыхъ главную двинуть по Чурьякской дорогѣ, непосредственно въ тылъ Арабъ-конакской позиціи; другую колонну предполагалось направить черезъ Умургачъ въ д. Жиляву, для заслона Чурьякской ко-

лонны со стороны г. Софіи, гдѣ у турокъ имѣлся, по слухамъ, сильный гарнизонъ, и для дѣйствія кавалеріей на сообщенія турокъ съ Софіей и далѣе. Третья наступательная колонна должна была направиться на Бабу-Гору и оттуда демонстрировать пѣхотой и артилеріей во флангъ и тылъ Шандорникской позиціи, съ цѣлью отвлечь силы турокъ отъ Арабъ-Конака, а кавалеріей дѣйствовать на сообщенія турокъ съ Петричевомъ и Златицей; въ случаѣ же начатія турками отступленія изъ Шандорвика, колоннѣ этой предписывалось энергически преслѣдовать ихъ.

Что касается до заслоновъ, оставленныхъ на прежнихъ нашихъ позиціяхъ, то они должны были ограничиться чисто демонстративными дѣйствіями, съ цѣлью наблюденія за непріятелемъ и удержанія его до времени на мѣстѣ. Только въ случаѣ оставленія непріятелемъ его позицій, заслонамъ предписывалось немедленно перейти въ наступленіе и преслѣдовать турокъ.

Передъ походомъ войскамъ было розданы сухари, по 18-е декабря включительно, считая по 1 фунту на человѣка въ день, а во вторыхъ—трехдневная порція мяса, а также водка, чай и сахаръ на три дня. Затѣмъ, предписывалось имѣть въ каждой части въ запасѣ лямки, и при движеніи прикомандировать къ каждому орудію или ящику по одной ротѣ.

Когда наступилъ срокъ перехода за Балканы, погода сдѣлалась необычайно суровою... Генералъ Гурко, давъ войскамъ, прибывшимъ изъ-подъ Плевны, всего лишь одинъ день отдыха, назначилъ выступленіе обходныхъ колоннъ на утро 13-го декабря...

Такимъ образомъ, войскамъ, истомившимся тяжкой и продолжительной стоянкой на Балканахъ, и частью труднымъ переходомъ изъ-подъ Плевны, предстояло теперь сдѣлать послѣдній и рѣшительный шагъ за Балканы... Всѣ, конечно, съ радостью покидали свои настоящія, суровыя стоянки.

Для большаго удобства, начнемъ описаніе перехода за Балканы съ движенія главной колонны изъ Врачеша по Чурьякской дорогѣ.

Движеніе главной колонны, должно было происходить въ слѣдующемъ порядкѣ: *Авангардъ*, изъ л.-гв. Преображенскаго и Измайловскаго полковъ, 1-го и 4-го батальоновъ гвардейской стрѣлковой бригады, Козловскаго пѣхотнаго полка и Кавказской казачьей бри-

гады, при 16-ти пѣшихъ и 4-хъ конныхъ орудіяхъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Рауха,—выступаетъ изъ Врачеша 13-го декабря, въ 5½ часовъ утра. Слѣдомъ за нимъ, въ 7 часовъ утра, выступаетъ изъ Врачеша *первый эшелонъ*, изъ л.-гв. Волынскаго и Прусскаго полковъ, Астраханскаго драгунскаго полка и одной сотни кавказцевъ, при 16-ти пѣшихъ орудіяхъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Курлова. Затѣмъ, изъ той же деревни выступаетъ *второй эшелонъ*, изъ л.-гв. Литовскаго и Австрійскаго полковъ, 2-го и 3-го батальоновъ гвардейской стрѣлковой бригады, при 8 пѣшихъ орудіяхъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Философова. Въ диспозиціи приводится подробное росписаніе дальнѣйшаго движенія этихъ колоннъ, одной вслѣдъ за другою; но все это осталось лишь на бумагѣ...

Всего въ главной колоннѣ должно было двинуться 31 батальонъ и 16-ть эскадроновъ и сотенъ, при 44-хъ орудіяхъ.

Общее начальствованіе надъ всей главной колонной принялъ лично самъ генералъ-адъютантъ Гурко.

Наступила достопамятная ночь на 13-е декабря. Непроглядная темнота еще покрывала городокъ Орханіе, когда рожки затрубили зорю, и скоро пѣхота наполнила улицы и выступила по направленію Врачеша... Холодъ былъ безпощадный; морозъ достигалъ 15° градусовъ. Рѣзкій вѣтеръ, дувшій изъ ущельевъ, обдавалъ холодомъ лицо и руки... Въ то же время, надъ мѣстностью спустился такой густой туманъ, что до солнечнаго восхода мракъ былъ непроницаемъ, и даже послѣ разсвѣта трудно было различить предметы въ десяти шагахъ. Сырой туманъ окутывалъ дома, деревья, солдатскія шинели и замерзалъ на нихъ, покрывая всѣ предметы блестящей бѣлой пеленой. Не успѣли войска пробыть получаса на воздухѣ, какъ ледяныя сосульки нависли на бородахъ людей и на лошадиныхъ мордахъ... Между тѣмъ, произошла задержка въ движеніи. Изъ Орханіе во Врачешъ вела одна дорога, по которой двинулась не одна главная колонна, но и слѣдомъ за нею Умургачскій отрядъ. Колонны полковъ и батарей, въ темнотѣ, поминутно сталкивались и останавливались. Артиллерія всю дорогу загромоздила; пѣхота и казаки обходили стороною дорогу. Войска двигались такъ тихо, что двухверстное разстояніе отъ Орханіе до д. Врачешъ нѣкоторыя части шли

3½ часа. Въ самомъ Врачешѣ разомъ столпилось столько войскъ, что шедшимъ сзади пришлось остановиться и прождать безъ движенія часа два... Солдаты при этомъ страшно мерзли. Стужа все еще была нестерпимая; нельзя было устоять отъ страшнаго холода! Люди топтались на мѣстѣ и хлопали руками... Такимъ образомъ движеніе еще не началось надлежащимъ образомъ, а войска начали уже терпѣть отъ холода. Такъ, въ Измайловскомъ полку, во время вышеупомянутыхъ остановокъ, выбыло изъ строя въ каждой ротѣ человѣкъ по пяти, а не то и болѣе, обмороженными...

Темнота въ это морозное и туманное утро была такъ велика, что части съ трудомъ могли отыскать у Врачеша назначенныя имъ по диспозиціи и приказу мѣста. Наконецъ, когда все было устроено, голова авангарда двинулась впередъ по шоссе, къ такъ называемый «караулкѣ», расположенной верстахъ въ 4-хъ отъ Врачеша, гдѣ назначенъ былъ первый привалъ и гдѣ начинался поворотъ съ шоссе на западъ, прямо къ подъему на д. Чурьякъ.

Съ самаго уже начала движенія стало выходить что-то совсѣмъ не по диспозиціи... Нужно замѣтить, что, помимо прекрасныхъ качествъ софійскаго шоссе, самая тропинка на деревню Чурьякъ была разработана саперами довольно удовлетворительно: такъ, дорогу разравняли немного, расширили ее почти на всемъ ея протяженіи, нѣкоторые слишкомъ крутые подъемы были обойдены зигзагами и т. п. Но дѣло въ томъ, что, когда производились эти работы, погода стояла очень холодная, морозъ доходилъ по ночамъ до 18° по Реомюру; 10-го декабря, когда разработка дороги была совсѣмъ уже окончена, вдругъ наступила оттепель, а 12-го опять ударилъ морозъ... вслѣдствіе этого сдѣлалась такая гололедица, что даже одиночные люди съ трудомъ могли подвигаться не только по чурьякской дорогѣ, но и по софійскому шоссе... Правда, саперы подѣлали тогда же ступеньки на слишкомъ крутыхъ подъемахъ, чтобы ноги не скользили, и даже на извѣстныхъ пунктахъ разставлены были команды саперъ съ цѣлью постоянно наблюдать за состояніемъ пути и своевременно производить на немъ починки и поправки; тѣмъ не менѣе движеніе, даже на ровной мѣстности, оказалось въ высшей степени затруднительнымъ и даже опаснымъ, по причинѣ страшной гололедицы и сильнаго мороза. Такъ еще до выхода на чурьякскую дорогу, по со-

фійскому шоссе люди и лошади еле уже могли двигаться. Въ этомъ могъ убѣдиться вскорѣ и самъ начальникъ отряда, выѣхавшій со своимъ штабомъ изъ Врачеша вслѣдъ за авангардомъ. Оригинальное зрѣлище представляла эта группа всадниковъ, медленно подвигавшаяся по обледенѣлому шоссе. Адъютанты генерала были одѣты въ самые фантастическіе костюмы: нѣкоторые были въ длинныхъ шинеляхъ, другіе закутались въ черкесскія бурки съ капишонами и башлыками на головахъ. Генералъ Гурко одинъ былъ одѣтъ въ простое пальто и безъ башлыка. Онъ медленно ѣхалъ во главѣ этой группы и конвоя изъ кубанскихъ казаковъ, молчаливый и задумчивый, какъ бы не замѣчая, что борода его вся побѣлѣла отъ инея и что весь онъ вмѣстѣ съ конемъ былъ покрытъ бѣлыми кристаллами..... Шоссе, по которому двигались всадники и войска, сильно обледенѣло и было скользко, какъ отполированное стекло. Лошади не шли, а скользили по немъ и разъѣзжались ногами въ разныя стороны... Всадники то и дѣло спѣшивались и тянули своихъ коней за повода; многія изъ лошадей хромали, побивъ себѣ ноги при паденіи; мѣстами тяжелые лазаретные фургоны, запряженные четверкою лошадей, неподвижно останавливались посреди дороги: напрасно солдаты кричали и били лошадей кнутами и палками: обезсилѣвшія животныя рвались впередъ, скользили ногами и падали на ледъ... Съ дороги свернуть было некуда, ибо съ одного края шоссе пролегалъ замерзшій ручей, а съ другаго лежалъ снѣгъ выше пояса. Солдаты также начали отставать; многіе падали въ изнеможеніи отъ усталости и холода; нѣкоторые ушибались, падая на льду... Наконецъ, среди холодной мглы, войска авангарда начали втягиваться во Врачешское ущелье, гдѣ, покрытыя снѣгомъ, деревья, стоящія по обѣ стороны дороги, скрыли ихъ подъ собою... Нѣсколько времени спустя войска очутились въ яркомъ солнечномъ сіяніи: туманъ немного прояснился и снѣжныя вершины горъ, сверкая отъ солнечныхъ лучей, показались въ туманѣ, какъ будто повиснувъ на воздухѣ, между тѣмъ какъ подошвы горъ все еще были окутаны туманомъ. День вообще обѣщалъ быть яснымъ и солнечнымъ, и это нѣсколько оживило людей.

До «караулки» на шоссе—мѣста перваго привала, войска авангарда добрались еще сносно, къ назначенному времени (11 ч. утра), хотя и не безъ большихъ усилій. Но это была еще легчайшая часть

кути, такъ какъ обледенѣлое шоссе представляло, по крайней мѣрѣ, ровную сравнительно поверхность. Настоящія же мученія для войскъ должны были начаться при подъемѣ съ шоссе на чурьякскую дорогу.

Сдѣлавъ у «караулки» небольшой привалъ, голова авангарда тронулась въ дальнѣйшій путь, въ то время какъ войска 1-го и 2-го эшелоновъ, согласно диспозиціи, начали подходить къ той же «караулкѣ»—сборному пункту всѣхъ частей главной колонны.

Подъемъ на Чурьякскій перевалъ, помимо страшной гололедицы, оказался чрезвычайно труднымъ еще вслѣдствіе громадности своего протяженія, верстъ на 7 или на 8 вверхъ, а также вслѣдствіе страшной крутизны скатовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ даже одиночные люди должны были цѣпляться за кусты и сучья, чтобъ подняться вверхъ, а между тѣмъ тутъ должны были пройти стопудовыя девятифунтовки съ ихъ тяжеловѣсными зарядными ящиками! Вырубленныя здѣсь саперами ступеньки во льду скоро были безслѣдно стерты движеніемъ артиллеріи, да и не стертыя мало помогали дѣлу на такой страшной крутизнѣ...

Козловскій полкъ, пущенный впередъ во главѣ авангарда, дойдя до перваго подъема, тотчасъ же застрялъ съ прикомандированными къ нему четырехъ-фунтовыми пушками. Стрѣлки, шедшіе съ другими орудіями, сзади козловцевъ, поневолѣ пріостановились, да и имъ самимъ приходились не легче; измайловцы, выступившіе съ девятифунтовками въ хвостѣ авангарда, и подавно совсѣмъ не могли тронуться съ мѣста... Оказалось, что двигать артиллерію на лошадяхъ на обледенѣлый подъемъ рѣшительно не было возможности: козловцамъ первымъ пришлось выпрячь лошадей при самомъ началѣ движенія и тащить орудія, вмѣстѣ съ ящиками, исключительно на своихъ плечахъ. Солдаты впряглись въ нихъ сами, перекинувъ гужи и лямки себѣ за плечи; къ каждому орудію, или ящику прикомандировывалось, такимъ образомъ, по одной ротѣ солдатъ, изъ которыхъ одна половина тянула орудіе, другая несла ружья и мѣшки рабочихъ. Но такъ какъ лямки были коротки и не позволяли болѣе шестидесяти человѣкамъ взяться за нихъ разомъ, то остальные рабочіе ухватывались за колеса орудія, за оси и хоботъ, и начиналась утомительная, изнуряющая работа подъема орудій на уходившій, казалось, въ безконечность перевалъ... Тяжело согнувшись, по четыре и

по шести человѣкъ въ рядъ, солдаты тянули на себѣ вверхъ массивное чудовище, напирая изо всей мочи и безпрерывно ободряя себя криками; но усталые, изнеможенные и голодные, они поминутно скользили по льду, падали, снова поднимались и опять нагибались всѣмъ тѣломъ... «Го-го-го! у-у-у! вали, вали, вали! у-р-р-р-а-а!» раздавалось по горѣ. Съ зарядными ящиками было еще труднѣе; тутъ что ни шагъ, то остановка. Буквально черезъ каждыя двѣ минуты вокругъ ящика повторялся монотонный припѣвъ: «ну, ребята, двинемъ! пойдетъ, пойдетъ идетъ! иде-оо-тъ!..». Между тѣмъ орудіе или ящикъ, поднятые на нѣсколько шаговъ, начинали катиться назадъ, быстро уничтожая плоды неимовѣрныхъ усилій.. «Камень подложи! камень!» раздавались крики; но, какъ на грѣхъ, камешекъ, подложенный подъ колесо, скользитъ внизъ вмѣстѣ съ колесомъ, и вся махина летитъ назадъ... Часть солдатъ отскакиваетъ въ сторону, другая налегаетъ на лямку, третья наваливается на задокъ орудія, и общими усиліями грузъ удерживается, наконецъ, на мѣстѣ.

Вся видимая по горѣ часть дороги и шоссе у подошвы горы были такимъ образомъ запружены войсками: солдатами, орудіями, зарядными ящиками, конными и пѣшими людьми. Шумъ, говоръ, крики и понуканія, повторяемые глухимъ эхомъ горъ, непрерывно стояли въ этой толпѣ, медленно втягивавшейся въ гору, до того медленно, что казалось по цѣлымъ часамъ тѣ же группы, тѣ же лица стояли все на томъ же мѣстѣ... То и дѣло повторялись досадныя и продолжительныя остановки; переднія постоянно задерживали заднихъ. Начальникъ авангарда, генералъ Раухъ, бѣгалъ отъ одной кучки солдатъ къ другой, понукалъ, кричалъ: «впередъ! № 4-й орудіе — маршъ!» — «Дорога загромождена» — раздавался отвѣтъ... «Впередъ, впередъ!» торопилъ генералъ, пробираясь сторонкой орудія по глубокому снѣгу... Самъ онъ видимо измучился и усталъ страшно.

Между тѣмъ, къ «караулкѣ» на шоссе продолжали подходить войска 1-го и 2-го эшелоновъ. Людей сводили съ дороги и ставили бивуакомъ прямо по поясъ въ снѣгу, въ ожиданіи, пока авангардъ очиститъ имъ мѣсто для дальнѣйшаго движенія. По диспозиціи предполагалось, что это должно было сдѣлаться очень быстро, а потому подходившимъ войскамъ не приказано было даже и располагаться особенно, а быть ежеминутно готовыми двинуться дальше. Разсчеты

однако оказались не вѣрны. Авангардъ выбился изъ силъ и почти не трогался съ мѣста.. Войскамъ у «караулки» пришлось выжидать безъ движенія часъ за часомъ. Тогда разрѣшено было людямъ варить себѣ пищу; но ходьба по глубокому снѣгу и неимѣніе топоровъ для рубки сучьевъ сдѣлали то, что лишь незначительная часть могла сварить себѣ чего нибудь поѣсть.

У той же «караулки» раскинутъ былъ перевязочный пунктъ уполномоченными общества Краснаго Креста. Ихъ войлочныя кибитки скоро наполнились обмороженными и ушибленными при паденіяхъ на льду.

Генералъ Гурко, видимо недовольный и мрачный, нетерпѣливо ходилъ взадъ и впередъ около войлочныхъ кибитокъ и сердито глядѣлъ на запруженную войсками горную дорогу. Было уже три часа дня, а половина авангарда еще и съ мѣста не трогалась... Генералъ Гурко то и дѣло посылалъ къ генералу Рауху ординарцевъ съ вопросами: «до какого мѣста дошли орудія?» а иногда и съ суровыми восклицаніями на клочкѣ бумаги: «спятъ что-ли у васъ люди?» Но люди не спали: они тянули и тянули вверхъ огромныя тяжести, по обледенѣлому подъему, страшно измучились и выбивались изъ силъ... Чѣмъ выше поднималось орудіе въ гору, тѣмъ утомленнѣе дѣлались люди и тѣмъ медленнѣе подвигалось дѣло... Переднему орудію оставалось еще версты двѣ до перевала; люди окончательно уже выбились изъ силъ... Между тѣмъ дорога шла все въ гору, которая, чѣмъ выше, тѣмъ, казалось, становилась круче.

Начинало уже темнѣть. По диспозиціи, авангарду генерала Рауха къ вечеру надлежало быть ужъ на той сторонѣ перевала, а на дѣлѣ вышло такъ, что хвостъ его ночью еще не трогался съ шоссе.

Съ наступленіемъ темноты, само собою разумѣется, затрудненія при движеніи еще болѣе возрасли, особенно на крутыхъ поворотахъ и въ узкихъ мѣстахъ дороги, гдѣ произошло нѣсколько несчастныхъ случаевъ: такъ, напримѣръ, въ л.-гв. стрѣлковомъ Его Величества батальонѣ, въ одномъ опасномъ мѣстѣ, оборвалась лямка у зарядnаго ящика, который сорвался назадъ, причемъ одинъ рядовой былъ убитъ, а трое получили увѣчья...

Ночь была темная. Морозъ и холодъ страшно усилились на горѣ. По диспозиціи, разведеніе костровъ на дорогѣ было строго воспре-

щено; но противъ природы трудно было идти: утомленные солдаты пробывъ цѣлый день на ногахъ и окончательно выбившись изъ силъ, пользовались каждой удобной минутой, чтобъ развести огонь, прилечь и погрѣться у костра... Скоро вся дорога засвѣтилась дымящимися кострами, непрерывно обозначавшими путь движенія колонны но и костры мало помогали дѣлу. Сучья изъ сыраго дерева на снѣгу разгорались плохо, гасли ежеминутно; солдаты, упорно, пригнувшись къ землѣ, по цѣлымъ часамъ раздували огонь. Нѣкоторые совсѣмъ отказывались и отъ разведенія костровъ. Вотъ солдатикъ въ изнеможеніи бросается съ какимъ-то стономъ прямо на снѣгъ...

— Ноги какъ есть умираютъ,—говоритъ онъ.

— Замерзнешь, и очень просто,—поддакиваетъ другой...

Но отдыхать и на голомъ снѣгу было некогда. Чрезъ какія нибудь минутъ десять—пятнадцать по дорогѣ раздавались голоса офицеровъ: «вставать, вставать! къ орудіямъ!» И опять слышались по дорогѣ крики, походившіе на вопли, и понуканія изнемогающихъ подъ огромною тяжестью людей. Черезъ нѣсколько шаговъ орудіе опять останавливалось, и солдаты тотчасъ ложились во всемъ, какъ были, прямо на дорогу, чтобы перевести изнеможенный духъ... Офицеры тоже пристраивались гдѣ нибудь, или просто клали голову на бокъ какого нибудь рядового, съ цѣлью подкрѣпиться сномъ; но не проходило и четверти часа, какъ надъ ухомъ снова раздавались слова: «вставать, вставать! переднее орудіе тронулось!»—это значило, что заднимъ пора подниматься и продолжать путь, до новой остановки.

Уже нѣсколько часовъ кряду тянули и кричали люди, но чѣмъ позднѣе ночь, тѣмъ заунывнѣе становились пѣсни, раздраженнѣе крики, голоса нестройнѣе... Силы надорвались. Скользя по дорогѣ, люди падали, и моментально засыпали на мѣстѣ, какъ убитые. Мѣстами цѣлыя партіи солдатъ, съ гужами и веревками черезъ плечо и въ рукахъ, лежали прямо на дорогѣ, у орудій, и спали глубокимъ сномъ... Добудиться ихъ не было уже никакой возможности.

Генералъ Гурко не выдержалъ долѣе стоять у «караулки» на шоссе и дожидаться, когда вытянется на гору авангардная колонна. Онъ сѣлъ на коня, чтобы лично слѣдить за работой, и отправился по дорогѣ въ гору, подбодряя людей, самъ помогая имъ криками, торопилъ, распоряжался, приказывалъ,—но люди окончательно выбились

изъ силъ. Крики, раздававшіеся по дорогѣ, когда солдаты тащили вверхъ тяжелыя орудія, замолкли наконецъ совсѣмъ и повидимому всѣ предались сну... Генералъ Раухъ тщетно также сновалъ всю ночь внизъ и вверхъ по крутой дорогѣ склона, тщетно пытаясь влить часть своей энергіи въ офицеровъ и солдатъ: протащивъ орудіе нѣсколько шаговъ, люди снова задремывали и валились на землю какъ убитые... Около полуночи вся дорога была покрыта солдатами, или спавшими въ растяжку, или грѣвшимися у огней.

Генералъ Гурко, въ сопровожденіи своего штаба, объѣхавъ сторонкой орудія, зарядные ящики и спящихъ людей, взобрался на перевалъ и остановился на ночлегъ у казачьяго поста, расположеннаго въ лѣсу, у перевала. Генералъ и его адъютанты расположились прямо на снѣгу, вокругъ двухъ костровъ, и тутъ они провели ночь какъ простые солдаты. Генералъ, усталый и угрюмый, молчаливо сидѣлъ у костра. Да и у всѣхъ на душѣ было не весело. Движеніе авангардной колонны происходило слишкомъ медленно, какъ никто по-видимому и не ожидалъ. Былъ уже часъ ночи, а ни одного орудія еще не было встащено на перевалъ, между тѣмъ какъ турки могли догадаться о нашемъ движеніи... Къ тому же, пришло сюда донесеніе о томъ, что путь на Умургачъ найденъ положительно невозможнымъ для прохода артиллеріи.

Генералъ Гурко видимо тревожился и поминутно посылалъ своихъ ординарцевъ въ разныя колонны съ различными приказаніями. Между тѣмъ становилось все морознѣе и холоднѣе. Дымъ отъ костровъ разъѣдалъ глаза. Холодъ отъ жесткихъ снѣжныхъ постелей пробиралъ до костей. Ѣсть было нечего. Усталость, однако, взяла свое, и расположившіеся у костровъ начальники тоже заснули, наконецъ, какъ убитые... Генералы и адъютанты, одни закутанные въ бурки и мѣха, другіе—въ однихъ пальто безъ дополнительной одежды, лежали на снѣгу, прижимаясь другъ къ другу вокругъ костровъ и пододвигаясь поближе къ огню, потому что вѣтеръ свободно гулялъ по бивуаку и жесткій снѣгъ нисколько не согрѣвалъ.

Между тѣмъ, различныя части авангарда, въ теченіи всей ночи, хотя чрезвычайно медленно и съ большими остановками, продолжали движеніе по обледенѣлому подъему, побуждаемыя къ тому личными распоряженіями генерала Рауха. Около двухъ часовъ ночи, два не-

редовыя орудія достигли, наконецъ, перевала. Начавъ подъемъ въ гору ровно въ одиннадцать часовъ утра, орудія эти пробыли, такимъ образомъ, въ пути пятнадцать часовъ, сдѣлавъ въ это время всего лишь около 6-ти верстъ... Медленно прибывавшія на перевалъ части были останавливаемы здѣсь и располагались на ночлегъ прямо по колѣно въ снѣгу. Развести костры изъ сыраго дерева не многимъ удавалось, а потому большинство, закусивъ жесткимъ сухаремъ и вырывъ себѣ ямы въ снѣгу, спокойно залѣзало въ нихъ на покой...

Слѣдующія части авангарда, сильно отставшія съ зарядными ящиками и девятифунтовками, не могли, конечно, воспользоваться и такимъ отдыхомъ. Всю ночь они тянули вверхъ тяжести, и кто въ чемъ былъ, гдѣ кто стоялъ,—тамъ, на дорогѣ, посреди сугробовъ снѣга, пользуясь невольными остановками, только и могли вздремнуть...

Войска 1-го и 2-го эшелоновъ, собранныя на шоссе у «караулки», тщетно ожидали подъема на перевалъ авангардной колонны, и принуждены были заночевать на томъ же шоссе. Ночлегъ былъ и тутъ не изъ пріятныхъ: чуть не по поясъ въ снѣгу, подъ рѣзкимъ, холоднымъ вѣтромъ...

Вообще, въ этотъ день, войска главной колонны должны были потерять не мало людей ознобившимися и ушибленными при паденіи на льду.

Незначительная часть авангарда, успѣвшая за ночь подняться на перевалъ, не только переночевала на немъ, но и на слѣдующій день не могла быть спущена внизъ, изъ опасенія попасть подъ удары превосходныхъ силъ и несвоевременно открыть наше движеніе противнику, а потому ей пришлось весь день 14-го декабря пробыть на перевалѣ въ весьма невыгодныхъ условіяхъ, въ ожиданіи сосредоточенія остальныхъ частей авангарда. Въ д. Чурьякъ были, однако, скрытно спущены, еще на разсвѣтѣ 13-го декабря, разработывавшіе въ эту ночь спускъ съ перевала—саперы и преображенцы, съ приказаніемъ не выходить въ деревнѣ изъ домовъ и не обнаруживать себя туркамъ. Такимъ образомъ, лишь немногимъ передовымъ частямъ авангарда пришлось оставаться на перевалѣ.

Остальныя части авангарда, весь слѣдующій день, 14-го декабря, подъ личнымъ наблюденіемъ генерала Гурко, продолжали съ неимо-

вѣрными усиліями втягиваться по обледенѣлому подъему на вершину того-же перевала. Очередь была теперь за стрѣлками и измайловцами, составлявшими хвостъ авангарда. Силы гвардейцевъ, разумѣется, были свѣжѣе, нежели у козловцевъ, только что сдѣлавшихъ переходъ съ артиллеріей изъ-подъ Плевны въ Орханіе. Зато гвардейцамъ пришлось тянуть на себѣ по обледенѣлой горѣ, съ помощью тѣхъ же лямокъ, стопудовыя девятифунтовки... Чтобы хоть немного оживить движеніе, гвардейцы прибѣгли къ помощи русской «Дубинушки»:

«Эхъ, зеленая, сама пойдетъ!»...

раздавалось цѣлый день по горнымъ вершинамъ, и стопудовыя пушки хотя и черепашьимъ шагомъ, но всетаки подавались впередъ... Гвардейцы тащили орудія безъ отдыха, безъ остановки. Дружно гремѣли по всему подъему ихъ могучіе крики, и вся масса рабочихъ, подобно живому змѣю, непрерывно вползала на неприступныя вершины.

Вдругъ, послѣ полудня, поднялся страшный вѣтеръ, почти ураганъ. Онъ несъ массу снѣга на дорогу, залѣплялъ глаза и уши... Идти и свободному человѣку было трудно, а тутъ приходилось еще тащить стопудовыя орудія!... Но среди вихря и свиста бури неумолкаемо продолжала гремѣть русская «Дубинушка», и при помощи ея девятифунтовки, хотя и съ величайшими усиліями, продолжали вползать вверхъ, по обледенѣлой и заметаемой снѣгомъ тропинкѣ...

Особенно трудно было, въ это время, протаскивать девятифунтовки въ тѣхъ мѣстахъ подъема, гдѣ дорога становилась особенно узкой, крутой и извилистой. Тутъ приходилось въ одно время и всгаскивать орудіе, и удерживать его отъ паденія въ пропасть, и постоянно поворачивать его... Для этого людямъ, съ лямками на плечахъ приходилось сходить съ дороги, карабкаться по скаламъ по поясъ, въ сугробахъ снѣга, подкладывать подъ колеса камни, и снова выползать всей вереницей на дорогу... Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ узкая тропинка примыкала съ одной стороны къ крутому склону горы, а съ другой къ почти отвѣсному обрыву, тамъ приходилось предварительно прикручивать орудіе къ росшимъ по дорогѣ деревьямъ, чтобъ оно не опрокинулось съ карниза внизъ... Но и тутъ дѣло все-таки не обходилось безъ несчастій: орудія то и дѣло сваливались въ обрывъ и повисали въ воздухѣ на веревкѣ... Кряхтя, крича и натужи ясь,

солдаты, послѣ долгихъ усилій, вытаскивали, наконецъ, орудіе снова на тропинку. Въ одномъ мѣстѣ такимъ образомъ, люди не удержали орудія, и оно полетѣло съ кручи, придавивши двухъ несчастныхъ... Едва ли не большихъ усилій стоило втаскивать стопудовыя пушки, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дорожка была такъ крута, что даже одинокому пѣшеходу нужно было протянуть впередъ руку съ палкою, чтобы стоящій выше человѣкъ, ухватившись за другой конецъ ея, помогъ ему взобраться на кручу... Въ такихъ мѣстахъ даже офицеры брались за лямку и вмѣстѣ съ солдатами, затянувъ «Дубинушку», дружно двигались впередъ; крики «идетъ! идетъ!» раздавались изъ могучихъ грудей—и тяжелая девятифунтовка безъ остановки катилась въ гору... Паръ валилъ отъ кучи этихъ тружениковъ, облѣпившихъ орудіе какъ рой муравьевъ, съ красными отъ напряженія лицами; охрипшіе голоса неумолкаемо гремѣли, и орудіе въѣзжало, наконецъ, на кручу! Но тутъ наступала реакція: изнеможенные солдаты тотчасъ же валились всѣ въ повалку на снѣгъ, и на похвалы начальства: «ну, молодцы же вы, братцы», они, лежа, охрипшими голосами отвѣчали: «рады стараться»...

Немудрено, что, послѣ такихъ страшныхъ препятствій къ движенію, вся авангардная колонна могла стянуться на перевалъ лишь поздней ночью съ 14-го на 15-ое декабря.

Всѣ части авангарда оставлены были и въ этотъ разъ ночевать на самомъ перевалѣ, отчасти по утомленію войскъ, отчасти по невозможности двигаться всѣмъ въ темнотѣ по крутому спуску въ д. Чурьякъ.

Эта ночь, съ 14-го на 15-ое декабря, была особенно тяжелою для оставленныхъ на перевалѣ войскъ. Поднялась опять сильнѣйшая мятель, костры погасли, мелкій снѣгъ набивался въ платье, таялъ, пускалъ ручьи по лицу и шеѣ... Рѣзкій вѣтеръ пронизывалъ насквозь. Къ тому же двое сутокъ никто не раздѣвался, находясь постоянно въ работѣ и неся на себѣ тяжелую намокшую одежду и все вооруженіе; плечи ломило отъ тяжести, ноги ныли отъ тяжкой ходьбы по обледенѣлымъ кручамъ, кожаные пояса отъ натуги образовали на тѣлѣ круговыя раны... Всего же болѣе мучилъ людей голодъ... Не смотря на нечеловѣческую работу, солдаты двое сутокъ уже питались одними черствыми сухарями, да и тѣхъ употребляли по одному

лишь фунту въ день... Разогрѣетъ солдатъ снѣгъ на огнѣ, положитъ туда горсть сухарей, дождется, пока они размокнутъ и, помолившись Богу, начинаетъ «обѣдать»... Не казистъ былъ обѣдъ, но и этому были рады. Когда ночью поднялась мятель на перевалѣ, солдаты, закутавши голову башлыками и завернувшись въ полотнища палатокъ, ложились на снѣгъ, прижимались плотно другъ къ другу и оставались такъ неподвижно до утра, когда всѣ они оказались занесенными на поларшина снѣгомъ.. Но это не особенно тревожило ихъ, напротивъ, подъ этимъ естественнымъ одѣяломъ имъ было теплѣе и не такъ продувало вѣтромъ.

Войска 1-го и 2-го эшелоновъ, слѣдовавшія за авангардомъ. 14-го декабря не успѣли продвинуться отъ «караулки» на шоссе и одной версты, такъ какъ весь этотъ день, какъ мы уже видѣли, втягивался въ гору хвостъ авангарда. Упомянутыя войска провели ночь на 15-е декабря бивуакомъ у подъема на перевалъ, а частью еще на самомъ шоссе..

Пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что авангардъ, въ ночь на 15-е декабря, началъ стягиваться наконецъ на перевалъ, генералъ Гурко, вечеромъ того же дня, въ сопровожденіи своего штаба, спустился внизъ, въ д. Чурьякъ, гдѣ уже были расположены раньше саперы и преображенцы. Въ то же время, генералъ Гурко отдалъ приказаніе начать съ разсвѣтомъ спускъ съ перевала передовыхъ частей авангардной колонны.

Посреди мятели, въ 3 часа утра 15-го декабря, начали спускаться съ перевала, въ головѣ авангарда, кавказская казачья бригада, а за нею Козловскій пѣхотный полкъ и 8-я Донская батарея.

Спускъ орудій съ перевала представлялъ едва ли не болѣе трудностей, нежели подъемъ. Вначалѣ конечно, казалось, что дѣло это совсѣмъ не мудреное, гораздо напримѣръ легче, чѣмъ подниматься. На дѣлѣ, однако, вышло совсѣмъ не такъ. Во-первыхъ, эта часть пути, обращенная въ сторону непріятеля, не могла быть тщательно разработана, изъ опасенія открыть противнику наше движеніе, такъ что весьма спѣшной разработкѣ спуска была посвящена одна только ночь. Во-вторыхъ, по чрезвычайной крутизнѣ спуска и скользкости пути, здѣсь трудно было найти какую-либо опору для ноги, а потому не возможно было ни сдерживать орудій, ни регулировать ихъ

движеній. Тутъ спускъ шелъ за спускомъ непрерывно, съ одной террасы на другую, при этомъ дорожка была постоянно такъ крута и скользка, что если бы поставить на перевалѣ салазки, то онѣ могли бы не останавливаясь катиться до самой подошвы горы, т. е. всѣ 4—6 верстъ разстоянія отъ перевала до подошвы.. Словомъ, какъ при подъемѣ орудій приходилось заботиться о безостановочной тягѣ ихъ въ гору, такъ при спускѣ орудій слѣдовало постоянно останавливать и задерживать ихъ, чтобы они не слишкомъ скоро катились съ горы, и соблюдать въ то же время извѣстную осторожность, разсчетъ движенія, во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ при столкновеніи частей артиллеріи, которыя нужно было спускать послѣдовательно одну за другой.

Вслѣдствіе всѣхъ вышеупомянутыхъ обстоятельствъ, пришлось спускать артиллерію, какъ и при подъемѣ, безъ лошадей, на канатахъ и лямкахъ. Въ 3 часа утра, какъ мы сказали выше, голова авангарда начала спускъ съ перевала. Теперь лямки привязывались къ орудіямъ сзади, колеса тормозились, и солдаты, схватившись за канаты, удерживали орудіе. Два артиллериста становились у дышла и направляли ходъ передка. Орудіе трогалось, и все шибче и шибче шло подъ гору... Люди почти ложились и еле-еле держались на ногахъ, упирались и не пускали орудіе. Но вотъ одинъ поскользнулся, упалъ и подбилъ другаго, тотъ третьяго, валились уже многіе, а орудіе пріобрѣтало новую скорость, и, въ концѣ концовъ, вся эта масса людей, колесъ и металла летѣла внизъ до перваго большого камня или дерева... Тутъ орудіе сразу останавливалось, а раскатившіеся солдатики по инерціи катились далѣе, наѣзжали другъ на друга, и изо всего этого образовывалась огромная куча, надъ которою стонъ стоялъ отъ смѣха, возгласовъ и криковъ отъ боли... Оправившись, солдаты снова брались за веревки и опять тѣмъ же порядкомъ катили орудіе далѣе...

Прибавьте къ этому темноту ночи и мятель. Вѣтеръ неистово завывалъ и кружилъ въ воздухѣ массы снѣга. Вьюга била въ лицо мелкими ледяными иглами.. Всадники принуждены были также слѣзть съ лошадей, вели ихъ въ поводу и ежеминутно падали. Лошади, скользя, наѣзжали на людей и тоже падали. Люди валились за ними и т. д... Вообще, чудовищную картину представлялъ солдатъ - гвар-

децъ, спускающійся въ мятель съ перевала.. На посторонній взглядъ онъ показался бы какимъ-то особымъ, страннымъ существомъ: на ногахъ его была мѣшковатая, неуклюжая обувь, сдѣланная изъ свѣжей шкуры буйволовъ; обувь эта надѣвалась поверхъ сапогъ для лучшаго согрѣванья ногъ, и потому вся нога казалась огромною, безобразною; солдатъ съ трудомъ выворачивалъ ее изъ снѣга... На плечи было накинуто полотно палатки; въ это полотно солдатъ закутывался совсѣмъ, прижавъ концы его вмѣстѣ съ ружьемъ къ своей груди. Виднѣлись только глаза, часть носа, да торчащій на верху остроконечный кусочекъ башлыка... Полотно насквозь пропитывалось снѣгомъ и сидѣло на солдатѣ коломъ, на-подобіе ризы..

Не менѣе оригинальный видъ представляла и наша кавалерія, спускавшаяся во вьюгу въ д. Чурьякъ. Она тянулась по склону горы длинною, извивающеюся по тропинкѣ чертою. Крутившіеся въ воздухѣ столбы снѣга стушевывали на время всѣ предметы, сливавшіеся въ одно бѣлое, безформенное пятно. Даже очертанія горъ пропадали за этой бѣлой пеленою. Но черта кавалеріи, хотя не ясно, выдѣлялась еще на бѣломъ фонѣ вьюги. Черта эта казалась въ ту минуту висящею на воздухѣ—какимъ-то длиннымъ, чернымъ змѣемъ, спускающимся съ неба...

Что касается до артиллеріи, то спускъ ея нѣсколько облегчался въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по склону горы росли деревья. Въ этомъ случаѣ веревки обматывались вокругъ придорожныхъ пней, камней и кустовъ, и вытравлялись, подобно якорямъ, послѣдовательно одна за другой; такимъ образомъ орудія и ящики на извѣстномъ протяженіи постепенно переходили отъ одного пня къ другому, отъ камня до куста и т. д., пока обнаженная мѣстность не заставляла прибѣгнуть опять къ прежнему способу спусканія орудій. Для ускоренія движенія, генералъ Гурко приказалъ проложить еще одну дорогу, которая хотя пролегала среди глубокаго снѣга, но въ этомъ именно и заключались, до нѣкоторой степени, ея удобства, такъ какъ люди могли найти тамъ хотя нѣкоторый упоръ ногамъ въ снѣжныхъ сугробахъ. Къ сожалѣнію, дорогой этой далеко не всѣ могли воспользоваться, такъ какъ генералъ Гурко присылалъ изъ Чурьяка гонца за гонцомъ въ авангардъ, торопя его движеніе, въ виду обнаруженнаго турками намѣренія заградить намъ выходы въ долину Софіи.

Поэтому пришлось направлять войска, для ускоренія спуска, обѣими вышеупомянутыми дорогами.

Особенно труденъ былъ спускъ съ послѣдней террасы. Спускъ этотъ, высотою саженъ въ двадцать—тридцать, былъ страшно крутъ и скользокъ. Здѣсь несчастный случай зависѣлъ отъ малѣйшей неосторожности спускавшихся. Поэтому заряды и снаряды были вынуты здѣсь изъ передковъ и ящиковъ и, каждый отдѣльно, переносились солдатами на рукахъ. Нечего и говорить, какъ непріятно было положеніе солдата, спускающагося съ такой крути съ подобною ношею! Тутъ и съ пустыми-то руками люди еле-удерживались, чтобъ не сорваться съ какого-нибудь коварнаго камешка и не пересчитать своими боками всѣхъ остальныхъ камней на спускѣ...

Кто былъ послабѣе, дѣйствительно, не могъ сойти безъ посторонней помощи, и часто солдаты и офицеры валились внизъ и съѣзжали по нѣсколько саженъ на собственныхъ салазкахъ... Другіе, упавши неловко, валились внизъ прямо черезъ голову и, попавши въ сугробы снѣга, застрявали тамъ съ головой... Можно теперь представить себѣ положеніе солдата съ какою нибудь гранатою въ рукахъ, котораго предупредили предварительно, что упусти онъ эту гранату изъ рукъ—она разорвется и онъ можетъ остаться на мѣстѣ... По замѣчанію одного очевидца, ни одна нянька въ свѣтѣ, вѣроятно, такъ нѣжно и заботливо не относилась къ ввѣренному ребенку, какъ эти солдаты къ положеннымъ имъ на руки гранатамъ... И нужно еще удивляться, съ какой осторожностью и успѣхомъ доносилъ каждый изъ нихъ страшную ношу до мѣста назначенія!

Понятно, что при этомъ спускѣ съ перевала батальоны разстроивались страшно, и только внизу, у подошвы горы, всѣ они снова сбирались и направлялись, уже по ровной дорогѣ, въ д. Чурьякъ.

Такимъ образомъ, къ вечеру 15-го декабря, авангардъ собрался весь въ д. Чурьякъ. Войска же 1-го эшелона, слѣдовавшія за авангардомъ, въ этотъ день только еще стали подыматься на перевалъ, когда имъ очистилъ путь, продвинувшійся впередъ, хвостъ авангарда. Лишь около часу ночи на 16-е декабря, голова 1-го эшелона достигла перевала, а 16-го числа спустилась въ д. Чурьякъ. Остальныя же войска главной колонны сильно запоздали, такъ какъ движеніе ихъ, сверхъ вышеописанныхъ препятствій, было замедлено еще страшнымъ

ураганомъ, начавшимся вечеромъ 16-го декабря, продолжавшимся всю ночь и окончившимся только днемъ 17-го декабря. Вслѣдствіе этого, всѣ войска главной колонны могли собраться въ долину Чурьяка лишь 18-го декабря, да и то, чтобъ не затягивать слишкомъ долго выходъ въ долину, имъ велѣно было оставить на шоссе *двѣ батареи*. Такимъ образомъ, чтобы пройти съ шоссе до д. Чурьяка, т. е. сдѣлать всего 16 верстъ, главная колонна употребила шесть дней времени, вмѣсто назначенныхъ въ диспозиціи однѣхъ сутокъ.

Тѣмъ не менѣе, генералу Гурко удалось, еще 15-го декабря, съ имѣвшимися у него подъ рукой частями авангарда, овладѣть выходами изъ горъ въ долину Софіи, благодаря тому обстоятельству, что турки въ это время, по своей всегдашней оплошности, еще не успѣли распознать цѣлей нашего движенія. Послѣ этого, войска генерала Гурко, выславъ кавалерію въ долину Софіи, тотчасъ же заняли, у д. Чурьяка и въ окрестныхъ съ нимъ деревняхъ, оборонительное положеніе, въ ожиданіи спуска съ горъ 1-го и 2-го эшелоновъ и остальныхъ нашихъ обходныхъ колоннъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Трудность пути на Умургачъ.—Полная невозможность поднять артиллерію.—Неимовѣрныя усилія войскъ.—Затруднительное положеніе отряда генерала Вельяминова.—Мученія Пензенскаго и Тамбовскаго полковъ.—Отчаянное положеніе отряда.—Послѣдняя ночь на Умургачѣ.—Спускъ и движеніе на Чурьякъ.

Еще болѣе трудный путь, нежели чурьякская дорога, выпалъ на долю нашей правой колонны, направленной на Умургачскій перевалъ. Дѣло въ томъ, что главная колонна переходила по дорогѣ заранѣе разработанной, и ей пришлось бороться только со скользкою и крутою дорогой. Подъемъ же на дикія вершины Умургача былъ вовсе не разработанъ, въ виду скалистости грунта и близкаго сосѣдства съ лютиковскою позиціею турокъ. Къ тому же подъемъ этотъ былъ несравненно круче чурьякскаго и состоялъ мѣстами изъ узенькой тропинки, лѣпящейся карнизомъ почти по отвѣснымъ скаламъ... Достаточно сказать, что перевалъ Умургача помѣщается на высотѣ 6,500 ф. надъ уровнемъ моря! Наконецъ, какъ самый перевалъ, такъ и его южная часть, были совершенно обнажены отъ лѣса,

Подъемъ на Балканы.

и потому занесены глубочайшими снѣгами, въ высшей степени затруднявшими движеніе по нимъ. Словомъ, правой колоннѣ предстояло взлѣзать съ артиллеріей на страшныя высоты, почти безъ всякихъ дорогъ... Непонятно послѣ этого, какъ рѣшились наши взбираться на эти кручи, когда заранѣе было извѣстно, какъ изъ нашихъ рекогносцировокъ, такъ и изъ разсказовъ болгаръ, что на Умургачѣ, ни лѣтомъ, ни зимой, дороги не существуетъ, исключая какой-то, мало кому извѣстной, козьей тропинки...

Правая колонна, изъ Тамбовскаго и Пензенскаго пѣхотныхъ полковъ, 1-й и 2 бригадъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, при 6-й батареѣ 31-й артиллерійской бригады и двухъ батареяхъ (2-й и 5-й) гвардейской конно-артиллерійской бригады, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Вельяминова, — собралась въ д. Врачешъ, въ морозное и туманное утро 13-го декабря, вмѣстѣ съ войсками главной колонны. Задержанная на пути движеніемъ этихъ послѣднихъ, колонна генерала Вельяминова могла выступить изъ Врачеша къ Умургачу лишь около 11 ч. утра, т. е. гораздо позднѣе назначеннаго ей въ диспозиціи часа.

Первыя версты три-четые отъ Врачеша, пѣхота и артиллерія правой колонны шли почти безостановочно, хотя и чрезвычайно медленно, шагая то по гололедицѣ, то по колѣно въ снѣгу. Дорога шла все время ущельемъ, по правому скату высотъ, дѣлая частые изгибы и подъемы, правда, по довольно отлогому склону; но для артиллеріи уже и здѣсь представлялись значительныя затрудненія, вслѣдствіе крутыхъ поворотовъ, косогоровъ, гололедицы и, наконецъ, ручейковъ, постоянно пересѣкавшихъ путь слѣдованія. Тонкій слой льда на послѣднихъ постоянно проламывался, лошади скользили, падали, люди мокли... Батареи спѣшились, и прислуга шла молча, бодрымъ шагомъ, стараясь сколько нибудь согрѣть коченѣющіе отъ холода члены... Руки и ноги ныли у всѣхъ порядочно. Паръ столбомъ поднимался съ измученныхъ лошадей. Во многихъ мѣстахъ, вслѣдствіе промоинъ, дорога съуживалась до такой степени, что люди могли идти лишь подвое и потрое въ рядъ, передки и орудія въ этихъ мѣстахъ склонялись на бокъ, нависая надъ кручею, и не разъ приходилось выпрягать передніе уносы и съ помощью ямокъ протаскивать орудія мимо опасныхъ мѣстъ. Тѣмъ не менѣе

обходились еще большею частію безъ содѣйствія пѣхоты, съ помощью одной прислуги. Ѣхавшія за батареями нанятыя болгарскія сани на волахъ, числомъ до 24-хъ, также пока не употреблялись въ дѣло.

Наконецъ около часа по полудни, вся колонна, пройдя не болѣе $4^1/_2$ верстъ, остановилась совсѣмъ...

Оказалось, что войска подошли къ началу подъема на Умургачъ, на который трудно было взобраться даже одиночному конному или пѣшему человѣку. Къ сожалѣнію, въ этомъ только теперь убѣдились...

Генералъ Вельяминовъ немедленно отправилъ донесеніе въ этомъ смыслѣ генералу Гурко.

Изъ произведенной тогда же рекогносцировки оказалось, что предстоящій путь представлялъ необычайно крутой подъемъ, около восьми верстъ длиною, идущій все время карнизомъ, шириною отъ двухъ до трехъ шаговъ и ограниченный съ одной стороны почти отвѣсными склонами вершинъ, а съ другой — глубокимъ обрывомъ... Къ тому же, эта узкая и крутая тропинка была покрыта сплошною ледяною корою, а мѣстами завалена камнями и снѣгомъ... Офицеры, производившіе рекогносцировку этого пути верхами, принуждены были въ самомъ началѣ подъема слѣзть съ лошадей, которыя начали не идти, а положительно карабкаться... Добравшись же до обледенѣлаго камня, лошади рѣшительно уже не могли цѣплять подковами, поминутно обрывались и, едва переводя дыханіе, скользили на мѣстѣ, перебирали ногами, но впередъ не подавались.. Боясь слетѣть вмѣстѣ съ лошадьми въ пропасть, офицеры оставили ихъ и пошли одни пѣшкомъ, цѣпляясь за камни и сучья... Но и тутъ приходилось расчитывать каждый шагъ куда поставить ногу, чтобы имѣть хоть какую нибудь опору. Въ концѣ концовъ офицеры, вслѣдствіе сильнаго утомленія, должны были отказаться отъ дальнѣйшаго карабканія. Между тѣмъ это было только начало подъема, которому казалось и конца не было и который съ каждымъ шагомъ становился все круче и труднѣе...

Этою рекогносцировкою было выяснено, что гора проходима съ трудомъ только пѣхотою, что отъ движенія впередъ артиллеріи, при помощи лошадей, нужно окончательно отказаться; втащить орудія на колесахъ людьми также невозможно...

Всѣ тогда поняли, что отъ отряда, посланнаго на Умургачъ, потребованы неестественныя усилія...

А идти впередъ все-таки нужно!

Генералъ Вельяминовъ тотчасъ же собралъ военный совѣтъ, съ цѣлью придумать способъ дальнѣйшаго движенія, каковой и былъ, наконецъ, найденъ, вѣроятно, на основаніи убѣжденія, что человѣку только на небо взлѣсть невозможно..

Между тѣмъ, отъ генерала Гурко было получено приказаніе: не считать никакія препятствія непредолимыми и безъ замедленія двигаться впередъ, во чтобы то ни стало, таща за собою артиллерію.

Генералъ Вельяминовъ отдалъ приказаніе сводно-саперной командѣ немедленно приступить къ разработкѣ пути и нарубить вдоль всего подъема ступеньки во льду. Приказано было также безотлагательно приступить къ заготовкѣ саней для перевозки артиллеріи по частямъ, въ разобранномъ видѣ, ибо имѣвшихся при отрядѣ саней оказалось далеко недостаточно для этой цѣли.

Всѣ эти предварительныя работы, равно какъ и разработка пути заняли все 13-е число. Изъ этого видно, какъ вообще мало была подготовлена правая колонна къ трудностямъ предстоявшаго движенія.

Вслѣдствіе необходимости выждать окончанія всѣхъ этихъ подготовительныхъ работъ, войска правой колонны принуждены были расположиться на ночлегъ, не начиная подъема, на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, на которыхъ остановились еще въ часъ по полудни. Вскорѣ по всей дорогѣ засверкали костры. Солдаты поужинали, закусивъ моченными сухарями... Утомленные предшествовавшимъ движеніемъ, начатымъ еще до разсвѣта, солдаты тотчасъ послѣ ужина расположились спать; всякій старался лечь на самой дорогѣ, на умятый снѣгъ, потому что по сторонамъ проваливались по поясъ. Счастливцемъ считалъ себя тотъ, кому удалось спать около костра. Было холодно, но пока еще сносно...

Съ разсвѣтомъ 14-го декабря, всѣ уже поднялись отъ пробравшаго насквозь мороза, и опять принялись за подготовительныя работы, которыя заняли и все утро этого дня, такъ что голова колонны могла двинуться на подъемъ лишь около часу по-полудни.

Подготовительныя работы состояли въ слѣдующемъ: вся артил-

лерія была разобрана на части, тѣло орудія снимали съ лафета и, вынувъ клиновой механизмъ, крѣпко-на-крѣпко привязывали къ санямъ; тутъ же рядомъ прикрѣплялся и механизмъ въ чахлѣ. Лафетъ отдѣльно, безъ колесъ, привязывался на другія сани. Колеса надѣты были каждое отдѣльно на палку, и такимъ образомъ катились двумя солдатами. Передокъ орудія, съ зарядами, но тоже безъ колесъ, былъ поставленъ на третьи сани. Подъ передокъ ящика подводились четвертыя сани и т. д. Но такъ какъ саней оказалось мало, то при размѣщеніи слѣдующихъ орудій пришлось ставить тѣла ихъ вмѣстѣ съ лафетами на одни сани, а передки катить на колесахъ, не снимая послѣднихъ. Кромѣ того, по недостаку саней, пришлось отправить назадъ во Врачешъ всю пѣшую батарею (31-й артиллерійской бригады) и всѣ задніе ходы зарядныхъ ящиковъ, какъ слишкомъ тяжелый грузъ. При войскахъ остались, такимъ образомъ только восемь конныхъ орудій (по дивизіону отъ 2-й и 5-й батареи л.-гв. конной артиллеріи).

Къ каждымъ санямъ съ орудіемъ или передкомъ были прикрѣплены спереди канаты такой длины, чтобъ болѣе 30-ти человѣкъ могли впрячься въ каждыя изъ нихъ; сзади привязывались двѣ лямки, которыя служили для предупрежденія раскатовъ саней. На каждое орудіе съ передкомъ назначено было въ помощь по одной ротѣ. Ружья тѣхъ рабочихъ, которымъ не было назначено смѣны, прикрѣплялись имъ на спину. Прислуга орудій была снабжена, на всякій случай, толстыми рычагами. Кромѣ того, каждый солдатъ, въ помощь себѣ, вырубилъ палку, которая служила ему опорою при подъемѣ на гору.

Во главѣ колонны двинулся Тамбовскій пѣхотный полкъ, съ 2-й конной батареей. Человѣкъ по 50—60-ти тамбовцевъ взялись за канаты и отводы саней, и вся процессія тронулась. За орудіемъ слѣдовалъ передокъ его, сзади шла смѣна, неся ружья своихъ товарищей, а за ними ѣздовые и коноводы вели въ поводу лошадей. По сторонамъ саней тоже шли рабочіе.

Уже съ самаго начала подъема тамбовцы встрѣтили величайшія затрудненія. Буквально черезъ каждые два, три шага приходилось останавливаться передъ попадающимися препятствіями. Люди сильно утомлялись, скользили по обледенѣлымъ камнямъ, падали... Пер-

вые разы каждое паденіе вызывало смѣхъ, но потомъ недовольныя лица падавшихъ отняли всякую охоту подсмѣиваться.

Чѣмъ выше поднимались тамбовцы, тѣмъ уже и круче становилась дорога. Послѣ каждаго крутаго подъема, людямъ давалось нѣсколько минутъ роздыха, и затѣмъ, переведя дыханіе, они снова брались, съ удвоеннымъ рвеніемъ и настойчивостью, за лямки и канаты, и тянули грузъ вверхъ... Чтобы облегчить, по возможности, трудъ рабочихъ, смѣна ихъ производилась довольно часто.

Понятно, что между каждой отдѣльной частью—орудіемъ или передкомъ, постоянно задерживаемыми мѣстными преградами, мало-по-малу промежутки увеличивались и, такимъ образомъ, понемногу вся гора усѣялась отдѣльно борющимися съ природой партіями....

Тѣмъ не менѣе, отрядъ поднимался все выше и выше, хотя и чрезвычайно медленно и съ постоянными остановками. Солдаты съ величайшимъ терпѣніемъ и настойчивостью лѣзли въ гору. Лишь изрѣдка, когда ужъ больно приходилось не въ моготу, слышались одиночные недовольные возгласы: «Чтобъ тебѣ лопнуть»!... «Вотъ связались съ проклятыми» (т. е. орудіями) и т. п.

Въ сумерки отрядъ втянулся въ крупный буковый лѣсъ, и, не смотря на наступившую темноту, все шелъ впередъ, пока, наконецъ полное изнеможеніе людей не заставило ихъ остановиться на ночлегъ.

Гдѣ застала ночь, тамъ войска и расположились ночевать. На дорогѣ оставлены были сани съ орудіями и передками, а люди расположились по сторонамъ, мѣстами расчистивъ кое-какъ снѣгъ. Изъ сыраго лѣса успѣли развести нѣсколько дымныхъ костровъ, вокругъ которыхъ и улеглись измученные люди, стараясь подвинуть подошвы поближе къ огню. Ноги сильно ныли отъ усталости и еще больше страдали отъ холода. Вдобавокъ, ночью разразилась сильная мятель; деревья съ трескомъ раскачивались, осыпая людей снѣгомъ... Всѣ лежали прямо на землѣ, безъ всякой подстилки, подпершн рукою голову и изрѣдка поворачиваясь къ огню то той, то другой стороной, такъ какъ въ то время, когда грѣлась у огня одна сторона, другая сильно зябла...

Мѣсто ночлега тамбовцевъ находилось всего лишь верстахъ въ двухъ отъ начала подъема, на первомъ уступѣ горы. Далѣе имъ

предстояло преодолѣть второй и третій—еще болѣе трудные подъемы на гору Умургачъ...

Въ тотъ-же день, 14-го декабря, въ 2½ часа по полудни, отъ правой колонны былъ высланъ впередъ, на Умургачъ, безъ артиллеріи, въ видѣ авангарда, отрядъ изъ одного батальона Тамбовскаго и одного батальона Архангелогородскаго полковъ, съ 10-ю драгунами; но отрядъ этотъ поднялся съ неимовѣрнымъ трудомъ только на второй уступъ и, будучи застигнутъ тамъ сильной мятелью при сильной стужѣ, принужденъ былъ вернуться обратно на первый уступъ горы; при этомъ 13 человѣкъ сильно пострадали отъ мороза а частью совсѣмъ замерзли...

5-я батарея, оставленная съ Пензенскимъ полкомъ въ хвостѣ колонны, у самаго начала подъема, къ вечеру 14-го декабря была также вся разложена на сани, но за темнотою движеніе ея было отложено до завтра.

Кавалерія правой колонны въ этотъ день также не начинала подъема, оставаясь еще во Врачешѣ, въ ожиданіи очищенія пути пѣхотою и артиллеріею.

Съ разсвѣтомъ 15-го декабря, всѣ выше упомянутые отряды: авангардъ, тамбовцы съ 2-ю батареею, пензенцы съ 5-ю батареей и кавалерія изъ Врачеша,—двинулись на Умургачъ, не смотря на продолжавшуюся сильную мятель при страшномъ морозѣ...

Особенно тяжело пришелся этотъ день для тамбовцевъ со 2-й батареей. Имъ предстояло теперь взбираться на второй, чрезвычайно длинный и крутой подъемъ, съ совершенно обледенѣлой поверхностью. Люди и лошади здѣсь безпрестанно скользили по скользкой поверхности этихъ, почти отвѣсныхъ, ледяныхъ горъ; но, тѣмъ не менѣе, тамбовцы настойчиво продолжали свое трудное движеніе впередъ, карабкаясь по этимъ скаламъ и таща за собою на лямкахъ и канатахъ тяжелыя орудія и зарядные ящики... Нечего, конечно, и говорить, что остановки и теперь повторялись на каждомъ шагу. Въ первый день движенія, во время этихъ безпрестанныхъ остановокъ люди, стоя, дожидались дальнѣйшаго движенія; теперь же отъ сильнаго утомленія,—чуть остановка, и всѣ валились на снѣгъ, и черезъ пять минутъ слышался уже храпъ... Тяжело было просыпаться изъ этого минутнаго сна, когда надъ ухомъ раздавалось приказаніе: «Вста-

вать, вставать! къ орудію!.. Однако, на морозѣ и сонъ былъ опасенъ Пока люди шли—еще ничего, а чуть остановка—тотчасъ же начиналось мучительнѣйшее замерзаніе и безъ того ноющихъ отъ усталости ногъ...

Между тѣмъ холодъ, сопровождаемый мятелью и сильнымъ, пронизывающимъ вѣтромъ, становился съ каждымъ шагомъ подъема все сильнѣе. Вьюга била въ лицо мелкими ледяными иглами и моментально заметала слѣды снѣгомъ... Протоптанная анвагардомъ тропинка иногда совсѣмъ исчезала. Съ каждымъ шагомъ снѣгъ становился все глубже, подъемъ круче...

Тамъ и сямъ, по сторонамъ дороги, валялись уже солдаты, окончательно выбившіеся изъ силъ и коченѣющіе отъ холода... Даже многіе офицеры то и дѣло садились и поговаривали о томъ, что выбились совсѣмъ изъ силъ... Такихъ, конечно, старались всѣми способами подбодрить и убѣдить, что отставать или останавливаться въ ихъ положеніи—значило совсѣмъ замерзнуть.

Вотъ попался и замерзшій трупъ солдатика, съ блѣднымъ лицомъ и откинутою назадъ головою распростертаго въ снѣгу... Это была первая жертва нашего движенія на Умургачъ. Карабкавшіеся мимо него солдаты молча поглядывали на трупъ, какъ будто боялись увидѣть замерзшаго товарища, и крестились.

Въ одномъ мѣстѣ тамбовцы подошли съ орудіями почти къ отвѣсной горѣ. Попробовали тащить—стали. Не по силамъ пришлась эта круча! И, дѣйствительно, обледенѣлая гора стояла почти стѣной и была, вдобавокъ, покрыта слоемъ снѣга толщиною болѣе аршина. Люди страшнымъ отпоромъ насилу сдерживали скользящія внизъ орудія... При втягиваніи же вверхъ, сани врѣзывались въ снѣгъ и застрявали... Пришлось позвать еще людей, и только тогда, двигаясь со скоростью черепахи, съ невѣроятными усиліями, сани были подняты, наконецъ, на кручу.

Пензенцы съ 5-й батареей преодолѣвали не меньшія затрудненія и, не смотря на страшный холодъ и усталость, настойчиво лѣзли за тамбовцами.

Вообще, пѣхота въ этотъ день понесла невѣроятные труды. Между солдатами были даже случаи смерти отъ утомленія...

Не смотря, однако, на эту страшную физическую работу, пища

людей становилась съ каждымъ днемъ все скуднѣе... Даже сухари у многихъ вышли. Вотъ подходятъ двое армейскихъ пѣхотныхъ солдатиковъ къ гусару. Одинъ изъ нихъ, на видъ сильно изнуренный, сѣлъ и говоритъ, обращаясь къ гусару:

— Землякъ, дай, сдѣлай милость, этого круглаго пряника (лошадиной галеты).

Гусаръ ему и говоритъ:

— Да вѣдь это лошадиная!

— Ничего, братъ, онѣ тоже сладкія, я ужъ ихъ ѣлъ...

Гусаръ далъ ему двѣ галеты.

— Вотъ, братъ, спасибо! а то вовсе изъ силъ выбился, упалъ, да хоть, что хошь, не могу идтить, да и только...

Кавалерія скоро нагнала пѣхоту и шла за нею по скользкой и крутой тропинкѣ, ведя лошадей въ поводу. Кавалерія растянулась на огромное пространство, представляя изъ себя безконечную вереницу людей и лошадей, такъ какъ приходилось идти гуськомъ, то есть справа по одному. Нечего и говорить, что и кавалеристамъ пришлось тащиться шагъ за шагомъ, поминутно останавливаясь, то на пять минутъ, то на полчаса, а иногда и на цѣлый часъ, такъ какъ впереди то и дѣло застрявала артиллерія. Мѣстами даже спѣшеннымъ кавалеристамъ приходилось съ трудомъ карабкаться по узкому, крутому и обледенѣлому карнизу. Многіе изъ нихъ были вооружены посохами, но, не смотря на это, то и дѣло падалъ то одинъ, то другой. Шесть кавалерійскихъ лошадей даже совсѣмъ слетѣли съ кручи... Послѣ этого кавалеристы невольно переставали вѣрить глазамъ своимъ, что здѣсь, впереди ихъ, тащатъ орудія!

Между тѣмъ, начало уже смеркаться, а вьюга и вѣтеръ на подъемѣ все усиливались...

Вслѣдствіе страшнаго утомленія, войска принуждены были прекратить движеніе и остановиться на ночлегъ. Тамбовскій полкъ, въ теченіи дня, успѣлъ втянуть только головныя два орудія на второй уступъ, т. е. на разстояніе какихъ-нибудь трехъ верстъ; остальныя же орудія съ тамбовцами ночевали на серединѣ втораго подъема. Пензенскій полкъ успѣлъ встащить 5-ю батарею лишь на первый уступъ, гдѣ бивуакировали наканунѣ тамбовцы.

Ночлегъ войскъ 15-го числа былъ ужасенъ. Пальто и шинели на людяхъ окончательно промерзли, сидѣли на нихъ коломъ, и оттого нисколько не грѣли. Усталые, голодные, солдаты продрогли до костей; руки, ноги коченѣли отъ холода, зубъ не попадалъ на зубъ... Сильные порывы вѣтра обдавали холодомъ всю гору, и люди чувствовали, что если не предпримутъ чего нибудь, чтобы согрѣть свои коченѣющіе члены, то всѣ поголовно замерзнутъ... Между тѣмъ, на сильномъ вѣтрѣ невозможно было даже костра развести изъ мокрыхъ сучьевъ. Наступала минута близкая къ отчаянью! Кругомъ темно, холодно, средствъ нѣтъ согрѣться, а между тѣмъ усталость, послѣ страшныхъ физическихъ трудовъ, неодолимо клонитъ къ опасному сну... Къ счастью, кой-кому удалось, на безвѣтренной сторонѣ склона, развести нѣсколько тощихъ костровъ, къ которымъ и перебрались почти всѣ, шагая по поясъ въ снѣгу... Однако, костры эти плохо согрѣвали и нисколько не обеспечивали людямъ спокойнаго сна. Какъ ни хотѣлось каждому спать, чувство самосохраненія никому не дозволяло этого. Съ появленіемъ дремоты, люди все болѣе и болѣе зябли... Тогда приходила въ голову мысль о замерзаніи, и всякій дѣлалъ усиліе надъ собою, чтобы не заснуть, и ближе надвигался на тощій костеръ.

— Братцы, вы не давайте заснуть, а то какъ разъ уснемъ навсегда,—слышалось у костровъ.

— Да, да, не давайте, другъ за другомъ наблюдай!

А вѣтеръ, съ густой снѣжной пылью, ураганомъ проносился надъ головами людей, костры гасли и холодъ еще сильнѣе пробиралъ всѣхъ... Ужасна была эта ночь!

Тяжело было русскому солдату, проработавшему цѣлый день буквально какъ волу, всю ночь напрягать свои надорванныя силы, чтобъ не заснуть и не замерзнуть, а назавтра, съ утра, опять впрячь себя въ орудіе!

Между тѣмъ, шедшіе въ авангардѣ правой колонны безъ артиллеріи, два батальона (Тамбовскій и архангелогородскій) взобрались, наконецъ, еще днемъ 15-го декабря, въ 2 часа по-полудни, на самую вершину Умургача... Отсюда, батальонъ архангелогородцевъ былъ направленъ на юго-западъ, для заслона со стороны лютиковскихъ турокъ, а батальонъ тамбовцевъ—двинулся на монастырь Богородицы

и чрезъ Елешницу къ Желявѣ. При этомъ движеніи тамбовцамъ пришлось преодолѣвать новыя неимовѣрныя препятствія, двигаясь по поясъ въ снѣгу, во время вьюги и мятели, по страшнымъ заоблачнымъ горамъ.. Но, не смотря на то, 1-й батальонъ тамбовцевъ мужественно перенесъ всю эту по-истинѣ геройскую борьбу съ природой, и на другой, день, 16-го декабря, въ 2 часа по-полудни, дошелъ до дер. Елешницы, гдѣ и соединился съ батальономъ Козловцевъ, прибывшимъ изъ Чурьяка.

Между тѣмъ, тамбовцы и пензенцы, оставшіеся ночевать съ артиллеріей на подъемѣ, еще до разсвѣта 16-го декабря, двинулись прежнимъ порядкомъ далѣе на Умургачскій перевалъ. Утомленные безсонною ночью, борьбою съ природою и трехдневною, тяжелою работою, люди тащили орудія уже безъ прежней энергіи. Уменьшенная дача сухарей также не могла достаточно подкрѣпить силы тружениковъ, а у нѣкоторыхъ сухарей и вовсе уже не было.

— Ну, братецъ, если теперь еще недѣлю намъ такимъ манеромъ идти,—бѣда! говорилъ тащившій орудіе солдатъ.

— Эвое, вѣдь, проклятое мѣсто какое! гора за горой, конца нѣту!

— Тутъ, братъ, лютый звѣрь—и тотъ себѣ ничего не найдетъ да и жить-то тутъ не станетъ,—подтвердилъ его товарищъ...

Обмороженные солдаты въ этотъ день попадались навстрѣчу все чаще и чаще, а вскорѣ начали попадаться и обмороженные офицеры. Вотъ бредетъ внизъ, еле волокущій ноги, солдатъ въ кепи съ краснымъ околышкомъ, Архангелогородскаго полка.

— Ты откуда и куда?—спрашиваютъ его.

— Изъ авангарда, ваше благородіе, ноги заморозилъ,—покряхивая отвѣчаетъ, дрожащій какъ листъ, солдатъ: въ такую вьюгу забрались, чуть весь батальонъ тамъ не занесло! Кабы не всѣ въ одну кучу сбились, навѣрно бы занесло...

Помочь этому бѣднягѣ, да и прочимъ обморозившимся людямъ—было нечѣмъ. Какъ они добирались до Орханіе—одинъ Богъ вѣдаетъ! Нѣкоторые, конечно, замерзли на дорогѣ...

Между тѣмъ войска все лѣзли и лѣзли въ гору. Послѣ всякаго подъема имъ открывалась новая и новая вершина. Всѣмъ казалось, что вотъ эта вершина и есть Умургачъ; но не тутъ-то было; только

поднимутся на вершину — смотрятъ — тамъ стоитъ другая еще выше!

Было около четырехъ часовъ пополудни, когда головныя части отряда увидали вверху куполообразную вершину, всю черную отъ нависшихъ облаковъ и снѣжной бури, разразившейся на ней...

Проходитъ обмороженный солдатъ.

— Далеко-ли до Умургача? спрашиваютъ его.

— Вонъ онъ самый и есть,—отвѣчалъ солдатъ, указывая на черную вершину.

Какъ ни непривлекателенъ былъ видъ этой вершины, но люди, почуя близкій конецъ своимъ трудамъ, чуть не бѣгомъ потянули вверхъ орудія.

Около полудня, сани за санями начали, наконецъ, подтягиваться на Умургачъ, и вскорѣ тамбовцы со 2-й батареей были уже на перевалѣ.

Здѣсь, на вершинѣ Умургача, отъ свирѣпствовавшихъ тамъ мятелей снѣга накопилось страшно! Сугробы были такъ глубоки, что даже одиночный всадникъ ежеминутно останавливался, проваливаясь вмѣстѣ съ конемъ по брюхо... Для глаза кругомъ виднѣлась одна лишь снѣжная, необъятная сѣдловина. Сѣрое небо разражалось безпрерывною мятелью: вѣтеръ дулъ страшный и морозъ доходилъ до 15° градусовъ по Реомюру. Отъ рѣзкаго, ледянаго вѣтра спирало дыханіе, глаза залѣплялись снѣгомъ, идти дальше было невозможно...

Прибывъ еще утромъ на гору Умургачъ, генералъ Вельяминовъ получилъ здѣсь донесеніе изъ авангарда, отъ капитана Биргера, шедшаго съ батальономъ тамбовцевъ на д. Елешницу, что по пути, по которому шелъ этотъ батальонъ и по которому должна была прослѣдовать и вся колонна съ Умургача на д. Жиляву,—никакимъ образомъ нельзя протащить артиллерію, даже на рукахъ, по причинѣ страшныхъ крутостей и снѣжныхъ заносовъ... При этомъ капитанъ Биргеръ указывалъ на возможность движенія артиллеріи съ Умургача прямо на д. Чурьякъ, куда безъ особенныхъ затрудненій прошелъ посланный имъ драгунскій разъѣздъ.

Такъ какъ путь этотъ, выводящій въ концѣ концовъ въ ту же д. Жиляву, дѣйствительно представлялся наиболѣе удобнымъ и значительно могъ сократить труды войскъ, то генералъ Вельяминовъ,

съ разрѣшенія генерала Гурко, и согласился повернуть войска съ Умургача въ д. Чурьякъ.

Такимъ образомъ, правой колоннѣ пришлось сдѣлать страшный, кружный путь на Умургачъ, и выйдти къ тому же Чурьяку, къ которому вышла и главная колонна, но по кратчайшей и болѣе доступной дорогѣ..

Между тѣмъ, пока обсуждалась необходимость движенія на Чурьякъ, на перевалѣ Умургачъ мятель все продолжала свирѣпствовать. Къ генералу Вельяминову явился какой-то пастухъ, который доложилъ ему, что отряду долѣе оставаться на открытой площадкѣ Умургачскаго плато—значило рисковать быть занесеннымъ снѣгомъ: столь сильны здѣсь въ горахъ мятели!

Не желая и безъ того оставлять взобравшихся сюда тамбовцевъ, со 2-й батареей, ночевать на этой горѣ во время вьюги и сильной стужи, генералъ Вельяминовъ приказалъ имъ со всею поспѣшностью приготовиться покинуть площадку и начать въ тотъ же день, во что бы то ни стало, спускаться на Чурьякъ.

Не такъ счастливы были остальныя войска правой колонны: 5-й батареѣ и пензенцамъ, прибывшимъ на Умургачъ поздно вечеромъ, пришлось ночевать тутъ же...

Эта послѣдняя ночь на Умургачѣ была еще болѣе ужасна, чѣмъ предъидущая. Стоило солдату только присѣсть гдѣ-нибудь, и его буквально заметало снѣгомъ... Утомленные до нельзя люди, не смотря на всю опасность положенія, засыпали какъ мертвые, прямо въ снѣгу... Число обморозившихся въ эту ночь должно было быть не маловажное, Много еще спасало людей сознаніе, что это послѣдній день страшныхъ трудовъ и что завтра, во всякомъ случаѣ, будетъ легче...

Утромъ дали людямъ водки, что было по-истинѣ большимъ благодѣяніемъ. Солдаты точно ожили и подбодрились. 6-я рота пензенцевъ, трое сутокъ тащившая орудія, четыре дня получавшая половинную порцію сухарей, на радостяхъ, что получила отъ начальства по чаркѣ водки, затянула даже лихую солдатскую пѣсню, да такую плясовую, что усталыя ноги проходившихъ мимо солдатъ невольно стали переступать въ тактъ этой пѣсни... Всѣ были поражены этой удалью обледенѣлыхъ молодцовъ, послѣ столь тяжкихъ трудовъ

Зимній привалъ въ Балканахъ.

веселящихся на вершинѣ Умургача! Даже жутко какъ-то было слушать этихъ героевъ, поющихъ и пляшущихъ по колѣно въ снѣгу въ рваныхъ, промерзшихъ шинеляхъ...

Кавалерія, слѣдовавшая за пензенцами, только утромъ этого дня, т. е. 17-го декабря, подтянулась на перевалъ. Она шла всю ночь, ведя въ поводу лошадей, безпрестанно скользившихъ и падавшихъ, по ледянымъ, почти отвѣснымъ скаламъ и по узкимъ, едва замѣтнымъ тропинкамъ, ограниченнымъ по сторонамъ страшными обрывами... Совершить этотъ форсированный маршъ было настолько трудно, что объ этомъ вполнѣ можетъ судить только тотъ, кто видѣлъ эту массу всадниковъ (двѣ кавалерійскихъ бригады), растянутыхъ въ одинъ конь по снѣжнымъ высотамъ Умургача верстъ на восемь и взбиравшихся по ледянымъ склонамъ на-подобіе дикихъ козъ... Доказательствомъ тому, насколько былъ труденъ этотъ по-истинѣ молодецкій переходъ нашей гвардейской кавалеріи, можетъ служить тотъ фактъ, что кавалерія, слѣдуя изъ Врачеша днемъ и ночью безъ ночлега, прибыла въ Чурьякъ лишь черезъ три дня, сдѣлавъ въ это время не болѣе 18 верстъ!

Обѣимъ кавалерійскимъ бригадамъ, по приходѣ на Умургачъ, приказано было немедленно спускаться въ Чурьякъ, не дожидаясь пензенцевъ. Къ 11-ти часамъ утра 17-го декабря кавалерія уже очистила перевалъ, и пензенцы съ 5-й батареей тоже двинулась внизъ.

Вначалѣ спускъ съ Умургача представлялся довольно отлогимъ, такъ что рѣшено было прибѣгнуть къ помощи лошадей. Разобранныя на части орудія живо были собраны и надѣты вновь на передки, лошади запряжены, и отрядъ приступилъ къ спуску.

Однако, дѣло это оказалось вскорѣ не только труднымъ, но и опаснымъ. Путь началъ идти вскорѣ по глубокому снѣгу, круто спускаясь съ одной горной площадки на другую. Къ тому же, холодъ и вьюга достигали здѣсь крайнихъ предѣловъ, и казались еще чувствительнѣе вслѣдствіе того, что вѣтеръ тутъ билъ людямъ прямо въ лицо... Пальто и бурки у всѣхъ обратились въ настоящую ледяную кору. Болѣе слабые люди положительно падали отъ безсилія и холода. Вотъ свалился бѣдняга пѣхотинецъ. Къ нему подходятъ двое, наклоняются, толкаютъ...

— Эй, товарищъ, вставай, полно валяться-то,—говоритъ одинъ.

Упавшій лежитъ безъ движенія. Ему раскрываютъ башлыкъ, смотрятъ: лицо блѣдное, глаза закатились, помутились... Упавшаго солдата оставляютъ и уходятъ прочь.

— Что-же, братцы, вы товарища-то бросаете?

— Кончается, ваше благородіе, замерзъ...

И всѣ идутъ дальше, какъ будто ничего не случилось. Оттереть человѣка было не чѣмъ, спасти его невозможно, да и самимъ опасно останавливаться на этомъ страшномъ холоду...

Мало-по-малу спускъ все съуживался и становился все круче и круче. Дорога отъ гололедицы была ужасно скользка. Скоро пришлось передніе уносы выпрячь и оставить однѣхъ только коренныхъ лошадей; колеса орудій были заторможены; къ дышлу стали по два нумера, которые, налегая всѣмъ вѣсомъ туловища, старались дать направленіе орудію; цѣлый взводъ людей брался за веревки, привязанныя сзади къ станинамъ лафета, чтобъ сдерживать орудіе. Не смотря на то, орудіе страшно раскатывалось и ежеминутно грозило слетѣть съ кручи... Видя это, ѣздовые осаживали лошадей совсѣмъ на зады. Солдаты, цѣпляясь за кусты и камни, увлекаемые стремительностію раската орудія, падали, но не бросали веревки. Какъ бы отчаяннымъ отпоромъ они старались сдержать, летящій внизъ и грозящій ежеминутно увлечь ихъ за собою, тяжелый грузъ... Вдругъ орудіе завертывало, и кувыркомъ, съ ѣздовымъ и лошадьми, вверхъ колесами, летѣло къ подошвѣ горы, таща за собою и сбившихся въ кучу людей, все еще державшихся за веревки... Вся эта масса останавливалась у конца спуска: люди, кто покрякивая отъ боли, кто посмѣиваясь, вставали и извлекали изъ подъ орудія разбившихся лошадей... Затѣмъ орудія вновь запрягали, и продолжали дальнѣйшій путь.

Падали не одни только солдаты, спускавшіе орудія, но и люди, шедшіе сзади, относительно налегкѣ, и несшіе ружья товарищей. Попадались также мѣста, гдѣ дорога такъ съуживалась, что орудіе одною стороною нависало надъ пропастью... Иногда же путь пролегалъ по совершенно неразработанному снѣжному откосу, съ котораго не разъ тоже слетали и опрокидывались запряженныя орудія.

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ отчаянной работы, войска, измученныя до послѣдняго предѣла, достигли подошвы горы, и шли

нѣсколько времени до Чурьяка уже болѣе удобной долиной. Но стоило имъ обернуться назадъ, чтобъ увидѣть все еще весь черный отъ бури Умургачъ... Невольно дрожь пробирала всѣхъ при воспоминаніи о проведенныхъ тамъ ночахъ!.. За то теперь люди шли уже по ровной, освѣщенной солнцемъ мѣстности, казавшейся даже теплой... Лучшей награды и быть не могло для войскъ. У всѣхъ на душѣ какъ-то посвѣтлѣло, всѣ пріободрились, точно страшныхъ трудовъ и не испытали...

И какъ было не ободриться: войска побѣдили лютаго врага—суровую природу!

Часть Тамбовскаго полка, выступившая съ Умургача еще днемъ 16-го декабря, прибыла въ Чурьякъ, съ двумя орудіями 2-й батареи, ночью того-же числа. Остальныя орудія 2-й батареи съ тамбовцами прибыли утромъ 17-го числа. Кавалерія достигла Чурьяка того-же числа, въ 3 часа пополудни. Пензенскій полкъ съ 5-ю батареей прибылъ въ Чурьякъ ночью 17-го, а частью утромъ 18 числа.

Въ тотъ же день, 18-го числа, войска правой колонны перешли въ дд. Жиляву и Яну, ставъ заслономъ главныхъ силъ со стороны Софіи.

Такимъ образомъ, планъ генерала Гурко, хотя и чрезвычайно медленно и съ неимовѣрными усиліями, мало-по-малу приближался къ осуществленію.

Оставалось выждать исхода движенія лѣвой обходной колонны, направленной на Бабу-Гору.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Движеніе колонны генерала Дандевиля.—Гора-Баба.—Радость полковъ Великолуцкаго и Псковскаго при извѣстіи о движеніи.—Мученія войскъ при подъемѣ.—Ужасная погода.—Гибельная мятель.—Отчаянное положеніе войскъ на вершинѣ горы.—Геройскій подвигъ дисциплины войскъ въ ночь съ 16-го на 17-е декабря.—Страшныя потери отъ мороза.—Отступленіе въ Этрополь.

Лѣвая колонна, изъ Псковскаго, Великолуцкаго и Воронежскаго пѣхотныхъ полковъ, Екатеринославскаго драгунскаго полка и двухъ сотенъ донскихъ казаковъ, при 1-й батареѣ 31-й артиллерійской бригады, четырехъ орудіяхъ 19-й донской батареи и двухъ орудіяхъ

16-й конной батареи, подъ начальствомъ генералъ-маіора Дандевиля,—должна была собраться въ Этрополѣ и, 13-го декабря, въ 6 часовъ утра, двинуться изъ Этрополя сначала по Златицкой дорогѣ, а потомъ свернуть на перевалъ огромной Бабы-Горы.

Нужно замѣтить, что лѣвая колонна была составлена изъ войскъ, большею частью сильно уже пострадавшихъ отъ морозовъ, во время тяжкой 24-хъ-дневной безсмѣнной стоянки ихъ на позиціи передъ Шандорникомъ. Передъ вступленіемъ въ новый походъ на Бабу-Гору, войска эти лишь три дня отдыхали, обогрѣвались и лечились въ Этрополѣ. Отдыхъ былъ — нельзя сказать, чтобы продолжительный! Въ три дня трудно было успѣть даже ремонтироваться и справить всѣ подготовительныя работы къ предстоявшему движенію, не только что отдохнуть. Войскамъ, значитъ, предстояло впереди мало хорошаго.

Гора-Баба, составляя высочайшую точку Этропольскаго Балкана, отличается отъ другихъ горъ тѣмъ, что перевалъ ея, т. е. самая верхняя часть горы, представляетъ огромную плоскость, совершенно открытую, а слѣдовательно и наиболѣе подверженную холодамъ и мятелямъ. Къ тому-же, болгары, вопреки нашимъ прежнимъ свѣдѣніямъ о предстоявшемъ пути, съ ужасомъ стали говорить, что невозможно взлѣзть на Бабу-Гору, что снѣгу въ эту зиму выпало множество, и что на эту гору зимой никто не ѣздитъ!.. Къ довершенію затрудненій, путь черезъ Бабу-Гору пролегалъ въ виду шандорникскихъ турокъ, которые, такимъ образомъ, могли своевременно загородить намъ спускъ съ Горы-Бабы. Наконецъ, движеніе отряда, направленнаго на Бабу-Гору, и безъ того было поставлено въ зависимость отъ движенія остальныхъ колоннъ, въ случаѣ запозданія которыхъ отряду предстояло болѣе или менѣе продолжительное пребываніе безъ движенія на непривѣтливой открытой вершинѣ Горы-Бабы...

Полученныя отъ болгаръ свѣдѣнія о Бабѣ-Горѣ заставили генерала Дандевиля принять всѣ необходимыя мѣры для предохраненія своего отряда отъ вышеупомянутыхъ неудобствъ. Командирамъ частей было отдано приказаніе исправить обувь и одежду нижнихъ чиновъ, привести въ порядокъ шанцевый инструментъ, запастись топорами для рубки дровъ на костры, закупить скота и сѣна, набрать

вьючныхъ лошадей и сѣделъ; приказано было печь хлѣбъ и запастись сухарями по 20-е число, а также спиртомъ, въ возможно большемъ количествѣ, на случай оттиранія ознобившихся. Артиллеріи отдано приказаніе заготовить сани и канаты для подъема орудій. Не имѣя саперъ, генералъ Дандевиль обратился къ мѣстнымъ жителямъ съ просьбою объ оказаніи содѣйствія нашимъ войскамъ при разработкѣ пути и подъемѣ орудій на перевалъ. На эту просьбу откликнулось до 720 болгаръ, пришедшихъ въ Этрополь изъ окрестныхъ деревень, съ киркими, лопатами, топорами, веревками и нѣсколькими парами саней, запряженныхъ волами. Многіе изъ предметовъ этихъ болгары отдавали даромъ. Лишь за подъемъ тяжестей имъ обѣщано было по золотому на каждую пару воловъ. Кромѣ того, имъ купили хлѣба на два дня и обѣщали смѣнять ихъ потомъ другими рабочими, по 300 человѣкъ въ день.

Люди лѣвой колонны, между тѣмъ, ни мало не унывали въ виду предстоявшихъ имъ трудовъ. Многіе изъ обморозившихся великолучевъ и псковцевъ, заслышавъ въ этропольскихъ лазаретахъ о новомъ выступленіи въ походъ, повыписались даже въ строй... Въ рядахъ этихъ героевъ, одѣтыхъ въ истрепанныя лохмотья и рваную обувь, только и слышно было: «намъ ни почемъ!..» «куда угодно!..» и все это говорилось съ такой добродушной улыбкой, что любо было смотрѣть.

Въ виду полученныхъ свѣдѣній о снѣжныхъ заносахъ и трудностяхъ пути, генералъ Дандевиль рѣшился двинуть впередъ, 13-го числа, только авангардъ, изъ трехъ эскадроновъ Екатеринославскихъ драгунъ, двухъ сотенъ донцовъ, Великолуцкаго пѣхотнаго полка и четырехъ орудій 19-й донской батареи, подъ начальствомъ генералъ-маіора Краснова. Къ нимъ была придана партія болгаръ для расчистки пути.

Нужно замѣтить, что генералъ Дандевиль получилъ диспозицію перехода за Балканы лишь въ ночь на 13-е декабря; поэтому и авангардъ могъ выступить изъ Этрополя лишь въ часъ по-полудни тогоже 13-го числа.

Части авангарда двинулись въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди шла кавалерія, затѣмъ болгары и, наконецъ, пѣхота съ орудіями, при которыхъ тоже шла часть болгаръ.

Высылка впередъ кавалеріи принесла большую пользу въ томъ отношеніи, что лошади кавалеристовъ нѣсколько протоптали дорогу, и тѣмъ облегчили работу болгарамъ; пѣхота же утоптала, затѣмъ, путь настолько, что до подъема на гору артиллерія прошла безъ особенныхъ затрудненій.

Верстахъ въ 7-ми отъ Этрополя путь на Бабу-Гору сворачиваетъ съ златицкой дороги направо и подымается на первый уступъ Горы-Бабы. Дорога идетъ здѣсь лѣсомъ и, на протяженіи около полуверсты, глубоко врѣзывается въ отлогость крутаго ската. На всемъ этомъ пространствѣ она была набита снѣгомъ на цѣлую сажень. Это мѣсто представляло наибольшія затрудненія при движеніи. Кавалерійскія лошади до такой степени тонули здѣсь въ снѣгу, что пришлось спѣшивать людей и вытаскивать коней изъ сугробовъ... Около часа выбиралась кавалерія черезъ это мѣсто. Когда она прошла, болгары начали очищать дорогу отъ снѣга, благодаря чему и пѣхота могла тутъ пройти. Протащить артиллерію, однако, было въ высшей степени трудно. Нѣсколько сотъ болгаръ и батальонъ пѣхоты бились тутъ вплоть до ночи, протаскивая четыре орудія. За наступленіемъ темноты, подъемъ пришлось остановить.

Два орудія съ батальономъ великолукцевъ успѣли подняться только на первый уступъ; остальныя два орудія остались ночевать еще внизу. Драгуны же и казаки, съ генераломъ Красновымъ во-главѣ, дошли до самаго перевала и расположились бивуакомъ на ночлегъ въ густомъ лѣсу, подъ самою вершиною совсѣмъ лысой Бабы-Горы, на западномъ ея скатѣ, не доходя совершенно обнаженнаго перевала. Окружающая мѣстность вполнѣ обезпечивала отрядъ отъ всякаго нападенія. Справа былъ глубокій оврагъ съ крутымъ лѣсистымъ скатомъ, покрытымъ глубокими сугробами, непроходимыми ни для коннаго, ни для пѣшаго; слѣва стояли еще болѣе крутыя, обледенѣлыя, снѣговыя кручи. Ни справа, ни слѣва даже отдѣльный человѣкъ не могъ подойти къ отряду. Такой характеръ мѣстности какъ нельзя болѣе пришелся кстати, дозволивъ отряду обойтись безъ аванпостовъ и карауловъ, содержаніе которыхъ, при 8° градусахъ мороза, повлекло бы за собою большую потерю въ людяхъ. Только 10-ти казакамъ приказано было выставить часовыхъ у опушки лѣса, откуда видна была вся снѣжная равнина обширнаго

перевала Горы-Бабы. Приказано было смѣнять часоваго черезъ часъ, такъ какъ сильная стужа и постоянная вьюга на перевалѣ дѣлали долгое пребываніе на часахъ въ этомъ мѣстѣ немыслимымъ. Генералъ-маіоръ Красновъ еще ранѣе осмотрѣлъ перевалъ и нашелъ его не только не занятымъ, но и не наблюдаемымъ турками, хотя вправо, на Шандорникѣ, виднѣлись огни въ ихъ лагерѣ, а за переваломъ, передъ деревней Буново, разъѣзжали турецкіе всадники.

На другой день, 14-го декабря, въ 7 часовъ утра, по смѣнѣ рабочихъ болгаръ на горѣ, выступилъ изъ Этрополя и самъ генералъ Дандевиль, съ остальными частями отряда: псковцами и воронежцами, съ 720-ю болгаръ, сотней казаковъ и двумя конными орудіями (пѣшая батарея, назначенная въ лѣвую колонну, еще не прибыла въ Этрополь).

Отрядъ скоро нагналъ орудія авангарда, и болгары тотчасъ же принялись расчищать дорогу далѣе къ перевалу, отваливая огромные сугробы снѣга на нижній край дороги; часть же ихъ помогала втаскивать орудія. Псковцы и великолукцы, которымъ ранѣе того уже приходилось подымать орудія на Врачешскій перевалъ, распоряжались дѣломъ этимъ въ качествѣ знатоковъ. Орудія снимали съ лафетовъ и безъ церемоніи влали прямо на снѣгъ, принявъ лишь извѣстныя предосторожности, чтобъ не ободрать ихъ; потомъ привязывали къ орудію длинный канатъ съ прикрѣпленными къ нему, по всей его длинѣ, толстыми поперечными палками, за каждую изъ которыхъ ухватывались по два болгарина, — и такимъ образомъ человѣкъ 50—60 тащили каждое орудіе, волоча его по снѣгу, какъ по маслу.... Съ передками и ящиками дѣло вышло гораздо труднѣе; въ узкихъ мѣстахъ и на поворотахъ пришлось изъ нихъ заряды вынимать и нести на рукахъ; а иногда катить ихъ только на одномъ колесѣ, потому что другое, за неимѣніемъ мѣста на дорогѣ, надобно было держать на вѣсу. Сани болгарскія—широкія и длинныя—пришлось бросить; волы также мало помогали дѣлу. Встаскиваніе орудій стоило, вообще, значительныхъ усилій людямъ, хотя и не представлялось непреодолимымъ. Крики и гиканье болгаръ, тащившихъ орудія, раздавались на подъемѣ цѣлый день. Къ вечеру успѣли втащить въ лѣсъ, на бивуакъ, къ перевалу, всѣ четыре орудія 19-й донской

батареи. Два же конныя орудія, съ Воронежскимъ полкомъ, заночевали на полуподъемѣ.

Между тѣмъ, шедшіе впереди рабочіе болгары, съ кирками, лопатами, дубинами и метлами, успѣли расчистить дорогу на самомъ перевалѣ, на открытой площадкѣ котораго снѣгъ постояннымъ вѣтромъ переметался съ одного мѣста на другое. Мѣстами снѣгъ этотъ лежалъ здѣсь на полсажени въ глубину. Однако болгары расчистили и утоптали дорогу на перевалѣ почти до самаго грунта.

Въ то же время генералъ Красновъ и генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Протопоповъ, пробившись сквозь снѣжные заносы, осмотрѣли перевалъ вновь и отыскали дорогу на Буново. Положеніе наше относительно непріятеля представлялось съ перевала въ слѣдующемъ видѣ: вправо, на одной высотѣ съ Бабой-Горой, виднѣлся главный турецкій редутъ и лагерь на Шандорникѣ, отдѣлявшійся отъ Бабы-Горы огромнымъ лѣсистымъ оврагомъ, до верху заваленнымъ снѣгомъ. Прямо, впереди перевала, гораздо ниже его, на грядѣ лѣсистыхъ холмовъ, отдѣленныхъ отъ Бабы-Горы тоже оврагами, виднѣлись турецкіе посты и уже строились турками ложементы, загражданшіе намъ дорогу въ деревню Буново, которая лежала за этими холмами. Влѣво отъ перевала, подъ крутымъ уступомъ подножія Горы-Бабы, въ концѣ отлогой долины, виднѣлись дома и хаты села Миркова.

Генералъ Красновъ, для раскрытія силъ противника, направилъ было, по дорогѣ на Буново, два эскадрона драгунъ и двѣ сотни казаковъ; но кавалерія наша, двинувшаяся въ одинъ конь по узкой и заваленной снѣгомъ тропинкѣ, была встрѣчена выстрѣлами со стороны турецкихъ пѣхотныхъ пикетовъ и потому принуждена была вернуться обратно; казакамъ удалось только открыть, подъ выстрѣлами непріятеля, нѣсколько стоговъ сѣна, что было необыкновеннымъ счастіемъ для насъ, по той причинѣ, что безъ этого наши кавалерійскія лошади погибли бы, такъ какъ сѣна нельзя было достать, ближе какъ за 50—60 верстъ!

Появленіе нашихъ войскъ на Бабѣ-Горѣ, почти въ тылу Шандорника, произвело у турокъ большую суматоху: на Шандорникѣ послышались рожки и видно было какъ турки начали занимать укрѣпленія...

Въ 6 часовъ вечера, 14-го декабря, стужа на открытой площадкѣ перевала замѣтно усилилась; холодный вѣтеръ пронизывалъ насквозь. Поэтому генералъ Дандевиль отвелъ оттуда войска и болгаръ на бивуакъ, который помѣщался на сѣверномъ склонѣ Горы-Бабы, на площадкѣ въ лѣсу, гдѣ холодъ и вѣтеръ были не такъ чувствительны.

На бивуакѣ войска устроились уже по-домашнему, поставивъ свои палатки надъ снѣжными ямами, вырытыми до земли и развѣсивъ котелки надъ тысячами костровъ, разведенныхъ кругомъ и около которыхъ солдаты, вмѣстѣ съ болгарами, варили уже чай, мясо, кашу...

Между тѣмъ положеніе отряда было, въ сущности, далеко не завидное.

Какъ мы уже знаемъ, колонна генерала Дандевиля должна была выйдти на перерѣзъ пути отступленія турокъ, въ Буново и Мирково, какъ только остальныя наши колонны выйдутъ въ Софійскую долину; до этого же времени, колоннѣ Дандевиля слѣдовало оставаться на Бабѣ-горѣ и демонстрировать противъ укрѣпленій Шандорника, съ цѣлью привлечь на себя непріятельскія силы отъ лѣваго фланга турокъ. Все это было бы хорошо, если бы только главная и правая наши колонны перевалили черезъ Балканы въ однѣ сутки, какъ это предполагалось по диспозиціи: тогда лѣвой колоннѣ пришлось бы пробыть на Бабѣ-горѣ тоже не болѣе двухъ сутокъ. Но каково было этой колоннѣ, въ случаѣ промедленія остальныхъ отрядовъ, оставаться въ теченіи нѣсколькихъ сутокъ безъ движенія, на снѣжной и холодной вершинѣ Бабы-горы, постоянно пронизываемой сильнѣйшимъ вѣтромъ?..

Дѣйствительно, уже 14-го числа изъ отряднаго штаба пришло извѣстіе о замедленіи подъема нашихъ двухъ правыхъ обходныхъ колоннъ. Для отряда генерала Дандевиля это было тѣмъ болѣе непріятное извѣстіе, что онъ стоялъ на виду у турокъ, которые, разумѣется, пользовались каждой минутой, чтобъ заградить ему окончательно спускъ съ Бабы-горы... Они уже стали заслонять Буново ложементами и такимъ образомъ заградили дорогу, спускавшуюся къ нимъ съ Бабы-горы лѣсистыми оврагами, набитыми снѣгомъ... Такимъ образомъ, спускъ отряда съ Бабы-горы уже теперь

не могъ обойдтись безъ боя... Даже расчищать отъ снѣга дорогу на Буново теперь предстояло уже подъ выстрѣлами противника. А дорога эта была не что иное какъ лѣсная вьючная тропа, заваленная снѣгомъ, подъ которымъ ея и найти было невозможно безъ болгаръ...

Все это, конечно, не могло особенно радовать начальника лѣвой колонны, поставленной въ столь опасное положеніе. Къ тому же, стужа на перевалѣ уже 14 числа дала себя знать войскамъ, такъ что больныхъ отъ холода, въ этотъ день, въ отрядѣ оказалось: въ Великолуцкомъ полку—35 человѣкъ, Псковскомъ — 48, и въ Воронежскомъ—10 человѣкъ.

Но пока еще жила надежда на благополучный исходъ, и никто на бивуакѣ особенно не тревожился. Подъ яснымъ звѣзднымъ небомъ, подъ опушенными инеемъ вѣтвями, вокругъ дымныхъ костровъ спало богатырскимъ сномъ православное воинство, кучками, прижавшись плотно другъ къ другу...

15-го декабря, утромъ, оказалось, что дорогу на перевалѣ, такъ тщательно расчищенную наканунѣ болгарами, опять совершенно занесло за ночь снѣгомъ... Пришлось снова расчищать тропу. Работы, вообще, предстояло много въ этотъ день. Батальонъ великолукцевъ и болгары, назначенные на работу, раздѣлились: одни расчищали дорогу по гребню; другіе—раскапывали тропинку на Буново, съ которой еще надобно было вывести путь вправо—на гору Сухое-корыто, куда требовалось поставить орудія для стрѣльбы въ тылъ Шандорнику; третьи—расчищали путь на Мирково, къ ложементамъ, начатымъ наканунѣ турками на нашемъ виду. Особенно много набилось снѣга на всѣхъ этихъ путяхъ въ лощинахъ, гдѣ его съ трудомъ пришлось разгребать. Но болгаръ было много, и работа шла успѣшно.

Бивуакъ также оживился и котелки опять уже появились надъ дымящимися кострами. Позади, съ подъема на перевалъ, слышались уже дружные крики воронежцевъ, тащившихъ послѣднія (два) орудія. Словомъ, кругомъ работа кипѣла.

Увидѣвъ съ нашей стороны усиленное движеніе, турки высыпали на буновскіе холмы и на Шандорникскій редутъ; стоя неподвижно стѣной, они какъ будто любовались нашей работой, недоумѣвая, что изъ этого можетъ выйти... Въ то же время, у нихъ самихъ шла

усиленная работа по возведенію укрѣпленій на буновскихъ холмахъ...

День былъ сѣренькій, облачный и, противъ всякаго ожиданія, безвѣтряный. Даже на перевалѣ было тихо и, сравнительно, тепло. Доктора Краснаго Креста—Головачевъ и Веймаръ—поставили свою палаточку на краю бивуака, у дороги, и приготовили въ ней все, что нужно; но оставались безъ работы.

Между тѣмъ генералъ Дандевиль, для раскрытія непріятельскихъ силъ, приказалъ Екатеринославскому драгунскому полку и двумъ сотнямъ донцовъ двинуться на Мирково, а для поддержанія ихъ спустилъ съ гребня, на ближайшій холмъ, по расчищенной болгарами буновской дорогѣ, два конныхъ орудія, подъ прикрытіемъ батальона Великолуцкаго полка. Орудія съ упомянутаго холма открыли мѣткій огонь по буновскимъ ложементамъ. Но двинувшаяся къ Миркову кавалерія наша была встрѣчена, въ свою очередь, сильнымъ ружейнымъ огнемъ изъ турецкихъ ложементовъ, мимо которыхъ ей приходилось идти, вслѣдствіе чего она не могла проникнуть въ с. Мирково и принуждена была безъ всякихъ результатовъ вернуться обратно.

Тѣмъ временемъ уже завечерѣло. Поднялся опять сильный вѣтеръ. Болгары, успѣвшіе разработать половину дорогу на Буново и раскопавшіе путь вправо—до горы Сухое-корыто, были измучены и отпущены на бивуакъ. Батальонъ великолукцевъ перетаптывался съ ноги на ногу у орудій, на голой вершинѣ холма. Вѣтеръ рѣзалъ какъ ножемъ. Солнце быстро опускалось къ западу.

Вслѣдствіе усилившагося холода, генералъ Дандевиль снова отвелъ съ открытаго перевала войска и болгаръ на бивуакъ. Воронежцы, съ послѣдними орудіями, также уже всѣ подтянулись къ бивуаку. Работавшіе днемъ болгары были совсѣмъ отпущены въ Этрополь и замѣнены вновь пришедшими 200-ми человѣкъ.

Въ лѣсу, на бивуакѣ, за гребнемъ Горы-Бабы, было нѣсколько теплѣе и привольнѣе. Правда, землянокъ у солдатъ не было: жилища ихъ состояли просто изъ ямъ, вырытыхъ въ снѣгу до грунта: по бокамъ—грязный снѣгъ, сверху — или палатка на подпоркахъ, или покрышка изъ сучьевъ, или ничего, гдѣ не успѣли; въ серединѣ ямы или у входа—костеръ. Съ наступленіемъ ночи стужа даже на бивуакѣ сдѣлалась чувствительной, и костры около палатокъ увеличились числомъ и размѣрами...

Ночью получено было извѣстіе отъ буновскихъ болгаръ, что въ деревню ихъ прибыло до 1,000 человѣкъ пѣхоты и кавалеріи изъ Златицы, и что турки насильно заставляютъ болгаръ работать въ буновскихъ укрѣпленіяхъ, и потому болгары просятъ не стрѣлять по нимъ.

Въ ту же ночь генералъ Дандевиль получилъ записку изъ отряднаго штаба съ извѣщеніемъ о занятіи нашими войсками Чурьяка и о предполагавшемся выходѣ ихъ въ Софійскую долину, вслѣдствіе чего съ Бабы-горы должна была начаться сильная канонада къ сторонѣ Шандорника. Такимъ образомъ, колоннѣ генерала Дандевиля предстояло еще нѣсколько времени пробыть на перевалѣ...

Въ войскахъ снова появилось, въ теченіи дня, нѣсколько заболѣвшихъ отъ холода; а ночью было такъ холодно, что болгарамъ пришлось не въ-терпежъ, и они наполовину разбѣжались...

Утромъ 16-го декабря, дороги, расчищенныя наканунѣ на перевалѣ, опять оказались совершенно занесенными... День начинался ясный и морозный. Было гораздо холоднѣе, чѣмъ ночью. Пришлось назначить на расчистку дорогъ пѣхоту, частью для согрѣванья людей, частью за выбытіемъ болгаръ.

Неутомимые армейцы живо собрались на перевалѣ. Надъ ихъ сѣрыми, истрепанными рядами, какъ говорится, стонъ стоялъ отъ кашля, производившаго тяжелое впечатлѣніе...

— Что, молодцы, холодно, что-ли?—обратился къ нимъ начальникъ колонны.

— Холодно!?—никакъ нѣтъ.... Точно такъ, маленько озябли.... Ничего,—послышалось разомъ со всѣхъ сторонъ, и солдаты сами разсмѣялись своимъ разнымъ отвѣтамъ на вопросъ, о которомъ они подумали...

— Ну, кому холодно—выходи, ребята, грѣться на работу; а кому тепло—тоже выходи, не отставать же! Недолго ужъ намъ, братцы! Наши турокъ сегодня обходятъ. Слышите, палятъ какъ?

— Рады стараться!—грянули молодцы...

Ярко блистала на солнцѣ ослѣпительно-снѣжная пелена перевала, когда войска вышли на работу. Однако, несмотря на ясный день, на перевалѣ дулъ сильный и порывистый вѣтеръ... Оставшіеся болгары

и псковцы живо взялись за работу. Солдаты часто смѣнялись, чтобы согрѣться...

Около 3-хъ часовъ по-полудни, дорога была выведена вплоть до вершины холма, расположеннаго передъ буновскими ложементами, съ котораго наканунѣ дѣйствовали два наши конныя орудія,—и отсюда путь снова былъ расчищенъ вправо, по краю лѣспстаго оврага, отдѣлявшаго насъ отъ буновскихъ холмовъ, вплоть до гребня горы Сухое-корыто.

Тотчасъ же были выдвинуты на холмъ, противъ буновскихъ ложементовъ, два орудія, правѣе которыхъ, въ маленькомъ лѣскѣ, расположились бивуакомъ, въ видѣ прикрытія къ этимъ орудіямъ, батальонъ Воронежскаго пѣхотнаго полка и эскадронъ Екатеринославскихъ драгунъ. Воронежцы тотчасъ же развели костры для согрѣванія отъ сильнаго холода.

На гребень горы Сухое-корыто также были выдвинуты два орудія, для дѣйствія въ тылъ Шандорнику. Въ прикрытіе къ нимъ былъ назначенъ Псковскій пѣхотный полкъ, восемь казаковъ и эскадронъ драгунъ. Псковцы расположились бивуакомъ немного не доходя горы Сухое-корыто, на краю буновскаго оврага, у опушки поднимавшаго изъ него свои вершины лѣса. Псковцы немедленно также нарубили сучьевъ, построили шалаши, развели костры и сходились грѣться кучками.

Въ Мирково, на развѣдку, были отправлены лощиной, безъ дороги, шесть охотниковъ-казаковъ, съ урядникомъ Поповымъ во-главѣ, подъ прикрытіемъ казачьяго взвода. Кромѣ того, съ позицій воронежцевъ и псковцевъ были разосланы разъѣзды изъ казаковъ и драгунъ, къ Бунову и въ оврагъ къ Шандорнику. Но разъѣзды эти скоро должны были вернуться обратно, такъ какъ кони всадниковъ застрявали въ сугробахъ снѣга съ головой и ихъ приходилось буквально вытаскивать изъ снѣга за хвостъ... Только семь охотниковъ, направленные на Мирково, несмотря на встрѣченные ими снѣжные заносы, не отказались отъ своего намѣренія, и, сдавъ лошадей товарищамъ, отправились въ Мирково, на виду буновскихъ турокъ, пѣшкомъ...

Пока все это происходило, орудія наши, ставъ на холму передъ буновскими ложементами и въ тылу Шандорника, на гребнѣ горы

Сухое-корыто, тотчасъ же открыли огонь по непріятелю. Турки на Шандорникѣ всполошились, и, быстро возведя новую батарею противъ горы Сухое-корыто, отвѣчали, въ свою очередь, рѣдкими орудійными выстрѣлами... Но на солнце стали налетать облачка; изъ согрѣтыхъ имъ враговъ началъ подыматься туманъ, и какъ будто стало потеплѣе... Туманъ скоро усилился до того, что, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, оказалось совершенно ясно, что пальба безполезна...

Перестрѣлку велѣно было превратить. Былъ въ началѣ 5-й часъ вечера. Со стороны Миркова потянулъ сильный вѣтеръ, который мелъ передъ собою снѣгъ и надвигалъ тучи...

Псковскій полкъ и батальонъ воронежцевъ, съ орудіями, были оставлены ночевать на занятыхъ ими позиціяхъ, *съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день, рано утромъ, начать спускъ къ Бунову*, во-главѣ всей колонны. Командиръ Псковскаго полка, полковникъ Зубатовъ, былъ назначенъ начальникомъ обѣихъ позицій—Воронежскаго батальона и Псковскаго полка. Онъ получилъ приказаніе: устроить къ ночи шалаши, развести больше огней и держать разъѣзды въ Буново и къ Шандорнику; на ночь спустить людей въ оврагъ, пониже, если будетъ вѣтрено; при орудіяхъ смѣнять дежурную часть какъ можно чаще, а также чаще присылать записки на бивуакъ, къ начальнику колонны, съ каковою цѣлію на упомянутыхъ позиціяхъ были оставлены весемь казаковъ и эскадронъ драгунъ. Хотя и предполагалось, что ночью передоваго отряда никто не потревожитъ, а всетаки ему рекомендовалось держать ухо востро...

Такимъ образомъ, воронежцы и псковцы были отдѣлены отъ остальныхъ частей колонны и оставлены ночевать впереди перевала Горы-Бабы, передъ буновскими ложементами и у горы Сухое-корыто. Позиціи эти лежали отъ бивуака остальныхъ войскъ, расположеннаго въ лѣсу на сѣверной сторонѣ горы-Бабы, на разстояніи 6—7 верстъ...

Всѣ люди, даже оставшіеся на бивуакѣ, были какъ-то не въ духѣ, вѣроятно по тому безотчетному дѣйствію, которое производитъ на человѣка приближающаяся буря... Однако, никому и въ голову не приходило, что можетъ разыграться сильная мятель.

Присланные вечеромъ изъ Этрополя 200 болгаръ, въ пополненіе

Спускъ съ Балканъ.

разбѣжавшихся, тотчасъ же были отправлены на перевалъ для исправленія пути, на случай предстоящаго спуска. Оба артиллерійскіе взвода, оставленные на позиціяхъ псковцевъ и воронежцевъ, вечеромъ открыли огонь по туркамъ.

Около 6-ти часовъ вечера вдругъ налетѣла на перевалъ туча, посыпался страшный снѣгъ, и вѣтеръ зашумѣлъ въ деревьяхъ, стряхая съ нихъ клочья снѣга...

Пальба изъ орудій была прекращена, по случаю поднявшейся мятели, а болгары возвращены на бивуакъ. Но псковцы и воронежцы оставались на передовыхъ позиціяхъ, при орудіяхъ...

Уже въ теченіи дня 16-го декабря, отъ сильнаго холода, въ войскахъ снова выбыло нѣсколько человѣкъ изъ строя—въ полкахъ: Воронежскомъ заболѣло 12 человѣкъ, Великолуцкомъ—30, въ драгунскомъ—2, въ Псковскомъ—48. Спиртъ почти во всѣхъ частяхъ вышелъ. Нечѣмъ было ни согрѣться солдатамъ, ни оттереть товарища, въ случаѣ ознобленія при поднявшейся мятели. Поэтому генералъ Дандевиль немедленно отправилъ съ бивуака двухъ драгунъ на позиціи псковцевъ и воронежцевъ, съ приказаніемъ вернуться всѣмъ на бивуакъ.

Между тѣмъ вьюга усиливалась вѣтеръ шумно гудѣлъ на бивуакѣ на высокихъ вершинахъ лѣса. Снѣгъ валилъ сверху огромными, крутящимися хлопьями и окуталъ весь перевалъ непроглядною тьмой... Бивуакъ уже былъ заваленъ сугробами снѣга. Тихо шептавшіяся у костровъ неподвижныя кучки солдатъ, заносимыя снѣгомъ и ярко освѣщенные часовые у огней — съ одной стороны бѣлые отъ снѣга, а съ другой — къ огню — грязно-сѣрые, закутанные въ полотнища палатокъ,—корчились отъ холода и вѣтра; костры, разведенные въ ногахъ спящихъ, мало по малу гасли; только мѣстами изъ-подъ заваленныхъ снѣгомъ палатокъ или шалашей слышался еще здоровый солдатскій храпъ...

Два драгуна, посланные къ полковнику Забатову съ приказаніемъ вернуться на бивуакъ, выѣхавъ на перевалъ, скоро сбились въ потьмахъ и вьюгѣ съ дороги и потеряли другъ друга изъ вида... Одинъ изъ нихъ попалъ въ какой-то оврагъ, изъ котораго вылѣзъ одинъ, оставивъ тамъ увязшую по уши лошадь, и едва добрелъ назадъ пѣшкомъ, обморозивъ ноги и не исполнивъ порученія...

Генералъ Дандевиль немедленно отправилъ къ полковнику Зубатову вторую записку о возвращеніи на бивуакъ, съ двумя казаками изъ собственнаго конвоя. Мысль объ участи войскъ, оставленныхъ на ночь въ мятель на позиціи, приводила всѣхъ въ содроганіе...

Но вьюга все больше усиливалась, вмѣстѣ съ холодомъ... Даже на бивуакѣ всѣ проснулись отъ стужи и схватились за потухшіе костры. Вокругъ палатокъ слышалось какое-то безпокойство, непривычный въ ночное время шумъ.... Всю ночь здѣсь солдаты топтались на мѣстѣ, прыгали, чтобы не замерзнуть или не быть занесенными снѣгомъ. Вѣтеръ разыгрывался на дикомъ просторѣ и завывалъ страшными порывами. Къ постоянному шуму въ лѣсу примѣшивалось какое-то зловѣщее гуденье и завываніе внизу, въ лѣсистыхъ оврагахъ... Вѣтеръ смѣшался, завертѣлъ, забилъ повсюду и началъ порывами врываться и на бивуакъ. Палатки уже чувствовали его силу: вѣтеръ просто отрывалъ полы палатокъ, служившія дверью, и мятель врывалась къ людямъ въ постель... Костры, задуваемые вѣтромъ и заваливаемые снѣгомъ, едва курились и потухали... На бивуакѣ часто уже слышалось, между тихимъ говоромъ солдатъ, продолжительное покряхтыванье, которымъ русскій человѣкъ обыкновенно выражаетъ ощущеніе холода, когда сильно прозябнетъ...

Такъ прошла вся ночь. Вьюга ни на минуту не утихала. Отъ полковника Зубатова не было никакихъ извѣстій... Два казака, посланные къ нему во второй разъ съ запиской, тоже не возвращались... Послѣ, одинъ изъ этихъ казаковъ найденъ былъ на дорог полуживой, съ обмороженными ногами, а другаго его товарища и совсѣмъ не доискались...

Наступило утро 17-го декабря. Къ полковнику Зубатову была послана въ третій разъ записка, съ казаками, въ которой ему предписывалось отводить всѣхъ на бивуакъ, бросивъ орудія и взявъ съ собой замки отъ нихъ.

17 числа снѣгъ валилъ по-прежнему. Вьюга свирѣпѣла и превратилась въ настоящій ураганъ... Не смотря на утренній разсвѣтъ, было темно какъ ночью. На бивуакъ, закрытый съ одной стороны крутой вершиной Бабы-горы, вѣтеръ налеталъ теперь, со стороны Шандорникскаго оврага, страшными порывами, крутя тучи снѣгу, ломая что попало... Вершины деревьевъ, между громадными стволами

которыхъ помѣщался бивуакъ, быстро метались во всѣ стороны и гнулись какъ тростникъ. Огромныя вѣтви ихъ, совершенно обнаженныя, отчаянно хлестали во всѣ стороны, покрывая бивуакъ кучею обломанныхъ сучьевъ...

Обширный Шандорникскій оврагъ представлялъ видъ совершеннаго хаоса. Все это море лѣсу внизу волновалось и пригибалось какъ трава, подъ напоромъ проносившейся вдоль по оврагу бури... Мѣстами вѣтеръ кружился вихремъ и поднималъ съ лѣсныхъ полянъ столбы и тучи крутящагося снѣгу, унося вверхъ сучья и обломки вѣтвей...

Нашъ бивуакъ, съ 4-мя тысячами человѣкъ, совершенно терялся въ этой громадной и страшной картинѣ урагана. Костры давно уже потухли. Солдаты старались развести маленькіе костры внутри шалашей или палатокъ, куда входили черезъ отверстіе, вырытое въ сугробѣ, завалившемъ сплошь мѣсто бывшаго ночлега... Солдаты, влѣзая туда на встрѣчу дыму, поперемѣнно грѣлись, коптѣлись по очереди, и выходили совсѣмъ черные. Дожидавшіеся очереди грѣлись рубкой дровъ, собираніемъ сухихъ сучьевъ, и прыгали, размахивая руками и покряхтывая.

Дороги, расчищенныя наканунѣ, завалены были снова страшными сугробами; даже на бивуакѣ не стало и слѣда тропинки... Болгары, ночевавшіе на перевалѣ, были немедленно откомандированы, вмѣстѣ съ солдатами, для расчистки пути. Всѣ они, раздѣлившись на очереди, жарко принялись за дѣло; но страшная мятель понемногу вновь уничтожала плоды ихъ трудовъ.

А отъ полковника Зубатова все не было еще никакихъ извѣстій: посланные въ третій разъ казаки не возвращались.

Генералъ Дандевиль, въ сопровожденіи своего штаба и казаковъ, не выдержавъ долѣе, отправился самъ, утопая по колѣно въ снѣгу, на перевалъ, въ надеждѣ разъяснить положеніе оставленныхъ на позиціи войскъ. Взобравшись на перевалъ, онъ увидѣлъ впереди себя одну снѣжную крутящуюся стихію... ни одного очертанія!... Въ 20 шагахъ нельзя было увидать предмета. Порывы вѣтра валили съ ногъ... Дальше двигаться было невозможно. Ужасъ охватилъ всѣхъ при мысли о стоящихъ впереди, на позиціи.

Долго всѣ смотрѣли впередъ, прислушиваясь.

Ничего не было видно!... Стали стрѣлять изъ револьверовъ... звукъ выстрѣла, встрѣчая снѣжный вихрь, какъ-то обрывался и разбивался порывомъ вѣтра.

Былъ уже полдень... Вдругъ изъ этого моря крутящагося снѣга показалась, наконецъ, вдали фигура казака, пробиравшагося впередъ, по брюхо лошади въ снѣгу и по временамъ заметаемаго снѣжными тучами.

— Ѣдетъ, ѣдетъ кто-то! радостно закричали всѣ: сообщеніе съ полковникомъ открыто!

Казакъ, весь бѣлый отъ снѣга, подъѣхалъ наконецъ къ генералу и подалъ записку. Лошадь его, опустивъ голову и растопыривъ ноги, тяжко дышала... Это былъ посланный отъ самаго полковника Зубатова, который доносилъ: «Въ ввѣренномъ мнѣ полку (Псковскомъ) больныхъ 520 человѣкъ; изъ нихъ 170—съ отмороженными пальцами на рукахъ и ногахъ. Число заболѣвающихъ возрастаетъ. По случаю сильной бури костровъ развести невозможно».

Записка оказалась помѣченной еще часомъ съ четвертью пополудни! Что же дѣлалось у него теперь?

Изо всего этого было видно, что ни одинъ изъ посланныхъ генераломъ Дандевилемъ казаковъ не достигалъ полковника Зубатова, который, такимъ образомъ, не зналъ, объ отправленномъ къ нему приказаніи вернуться на бивуакъ, и, не смотря на страшныя потери отъ холода и бури, мужественно продолжалъ оставаться на позиціи.

Что перенесли войска его въ теченіи этой ночи—было по-истинѣ ужасно! Страшный вихрь въ какіе нибудь полчаса занесъ всѣ сообщенія. Костры потухли. Всѣ усилія поддержать ихъ оставались напрасными. Псковцы и воронежцы, поставленные на позицію, постепенно заносились снѣгомъ, среди глубокаго мрака ночнаго урагана... Безъ костровъ, безъ закрытія, стояли тамъ батальоны. Почти половина людей уже потеряла сознаніе; многіе медленно умирали. Полузамерзшіе солдаты старались спасти другъ друга отъ гибели и, среди ужасовъ неумолимой природы, откапывали и оттирали другъ друга. Офицеры, показывая образецъ истиннаго мужества, подбодряли людей и дѣлали распоряженія. Но никто не покидалъ позиціи, не получая приказанія объ отступленіи.

Прибывшій отъ полковника Зубатова казакъ объяснилъ, что

встрѣтилъ на дорогѣ, но далеко еще отъ позиціи псковцевъ, двухъ посланныхъ туда казаковъ, которые бились въ сугробахъ пѣшкомъ, и что полковникъ Зубатовъ съ своей стороны также пытался ночью отправить донесеніе, но всякій разъ безуспѣшно.

Полученная отъ него записка, въ которой ни слова не говорилось объ оставленіи позиціи, или о невозможности стоять на мѣстѣ, произвела на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе.

Тотчасъ же были посланы на позицію двадцать казаковъ-охотниковъ, съ маіоромъ Гречановскимъ во-главѣ, командовавшимъ двумя сотнями 26-го казачьяго полка, съ цѣлью или передать полковнику Зубатову приказаніе объ оставленіи имъ позиціи, или, если онъ ужъ получилъ таковое, помочь ему убрать больныхъ и обмороженныхъ. Казаки стремглавъ помчались на позицію и скоро скрылись въ снѣжномъ ураганѣ.

За ними же поѣхалъ, съ нѣсколькими офицерами, на позицію воронежцевъ и командиръ Воронежскаго полка, полковникъ фонъ-Клугенъ; но онъ вскорѣ вернулся со стономъ назадъ, ведомый подъ руки двумя офицерами, трясясь отъ холоду и обморозивъ себѣ на ногахъ пальцы.

Погода не перемѣнялась: вьюга не утихала. Не смотря на полдень, было темно какъ бы на развѣтѣ... снѣгъ массами крутился надъ головой и застилалъ все окружающее пространство. Голосъ захватывало вѣтромъ, такъ что по временамъ нельзя было говорить, иначе какъ спиной къ нему. На перевалѣ было градусовъ 15° мороза. Болгары тщетно пытались расчистить отъ снѣга дорогу: ее вновь заметало.

Бивуакъ въ лѣсу былъ уже весь на ногахъ. Здѣсь велась отчаянная борьба со снѣгомъ и холодомъ; солдаты отгребались, разводили постоянно задуваемые костры, которые, однако, давали больше дыму, нежели пламени; согрѣться было негдѣ, сварить пищи не на чемъ; людямъ раздавались уже остатки водки. На краю бивуака, у опушки лѣса, доктора Веймаръ и Головачовъ уже перевязывали въ своей палаткѣ обмороженныхъ и растирали озябшихъ. Ознобившимся, не могшимъ за перевязкой двигаться, раздавали согрѣтую водку. Въ ожиданіи большей и серьезной работы, доктора поставили еще нѣсколько палатокъ, готовясь какъ передъ сраженіемъ, собрали бѣлье

и одѣяла, носилки и санитаровъ. Страшное впечатлѣніе производили эти приготовленія въ снѣгу, когда не было слышно ни одного выстрѣла.

Положеніе дѣлъ, даже на бивуакѣ, становилось критическимъ. Командиръ драгунскаго полка доносилъ, что за вьюгою полкъ его остался безъ фуража, нѣсколько лошадей пало, и просилъ вернуть полкъ въ Этрополь.

Отъ полковника Зубатова, вскорѣ пришла вторая записка, писанная въ $11^{3}/_{4}$ ч. утра: «Во ввѣренномъ мнѣ полку, писалъ онъ, въ каждой ротѣ остается не болѣе 20 человѣкъ. Всѣ обмороженные отправлены. Костры не возможны. Если до вечера полкъ не будетъ отведенъ съ позиціи, то не останется людей»...

Такимъ образомъ, полковникъ Зубатовъ до полудня еще не получалъ записки съ приказаніемъ вернуться на бивуакъ. Онъ продолжалъ, съ жалкими остатками полка, твердо стоять на роковой позиціи... Только больныхъ и обмороженныхъ онъ отправилъ на бивуакъ. Это неуклонное исполненіе долга, прикованность къ мѣсту до приказа, это безотвѣтное самоотверженіе — достойны преданій старой арміи!

Больные и обмороженные, отправленные съ обѣхъ передовыхъ позицій на бивуакъ, были встрѣчены на дорогѣ маіоромъ Гречановскимъ и его казаками. На встрѣчу имъ вскорѣ послали съ бивуака также всѣхъ наличныхъ казаковъ и болгаръ.

Вскорѣ массы этихъ несчастныхъ, псковичей и воронежцевъ, утопая въ снѣгу и еле-пробиваясь сквозь мятель, начали прибывать на бивуакъ.

— Идутъ, идутъ! послышалось въ разныхъ концахъ бивуака. Ихъ встрѣтили...

Это были все больные. Нѣкоторыхъ несли на рукахъ; другихъ казаки везли на крупахъ лошадей; иныхъ вели за руки; третьи держались за хвосты и гривы лошадей... Еле волоча ноги, по колѣно и по поясъ въ снѣгу, не имѣя силъ нести ружья, больные ставили ихъ по дорогѣ въ снѣгъ, вмѣсто вѣхъ, для указанія пути отставшимъ. Стоны обмороженныхъ раздирали душу! Ни одно кровопролитное дѣло, своими послѣдствіями, не можетъ произвести столь удручающаго впечатлѣнія, какое испытывалось оче-

видцами при видѣ этихъ жертвъ неумолимой природы. Всѣ они направлялись въ палатки Краснаго Креста и полковыхъ докторовъ. Тамъ началась неустанная работа! Оттертыхъ и перевязанныхъ, не могшихъ ходить, доктора завертывали въ шинели, одѣяла, и тотчасъ отправляли на носилкахъ внизъ, въ Этрополь. Съ позиціи привозили и приносили многихъ безъ чувствъ отъ холода, между прочими трехъ офицеровъ и полковаго священника; но никто пока еще не выходилъ изъ рукъ докторовъ не ожившимъ и не спасеннымъ отъ холодной смерти. Многіе солдаты, менѣе пострадавшіе, не шли къ докторамъ, видя ихъ огромную работу: они перевязывались и оттирали ознобленные члены на бивуакѣ, у товарищей и у офицеровъ, которые обогрѣвали озябшихъ, поили горячимъ чаемъ съ водкой или коньякомъ, и кормили. Тутъ ужъ не было различій: общее бѣдствіе соединило всѣхъ; остававшіеся въ лагерѣ солдаты и офицеры наперерывъ старались помогать приходящимъ, чѣмъ могли.

Между обмороженными вскорѣ стали появляться даже казаки и болгары, спасавшіе больныхъ съ перевала или помогавшіе имъ. Такъ, одинъ сѣдой и высокій старикъ-болгаринъ, работавшій всѣмъ въ примѣръ, давно уже обморозилъ руки, но не обращалъ на это вниманія, пока наконецъ не вынужденъ былъ придти къ доктору. Онъ молча показалъ свои ободранныя по локоть, безъ кожи, окровавленныя руки, въ то время какъ холодъ сдавливалъ ему зубы и онъ трясся въ лихорадкѣ, какъ листъ.

Тѣмъ временемъ отъ полковника Зубатова была получена третья записка, въ которой онъ увѣдомлялъ, что приказаніе оставить позицію онъ наконецъ получилъ, именно—*въ 1 часъ 40 минутъ пополудни*, и что прежде того онъ никакихъ записокъ не получалъ... Очевидно было, что къ нему дошла записка, посланная съ бивуака въ третій разъ, въ 8 часовъ утра, и шедшая, слѣдовательно, на позицію на разстояніи 6—7 верстъ, около шести часовъ!

Получивъ вышеупомянутую записку, полковникъ Зубатовъ тотчасъ приказалъ всѣмъ уцѣлѣвшимъ людямъ отходить съ позиціи на бивуакъ. Орудія оказались занесенными такимъ сугробомъ, что ихъ не было видно... Казачью прислугу пришлось откапывать изъ-подъ орудій, гдѣ артиллеристы остались, укрывшись чѣмъ могли, не же-

лая покидать орудій, и при этомъ нѣкоторые озябили руки или ноги. Орудія были оставлены на мѣстѣ, замки вынуты, и всѣ тронулись въ путь, не будучи вполнѣ увѣренными, что не остался еще кто-нибудь подъ этими сугробами снѣга...

Между тѣмъ снѣгъ все валилъ, хотя вѣтеръ, повидимому, началъ ослабѣвать и стало какъ будто посвѣтлѣе.

Передъ вечеромъ стали подходить съ позиціи на бивуакъ оставшіеся какимъ-то чудомъ здоровыми псковцы и воронежцы. Первые изъ пришедшихъ принесли 10 человѣкъ замерзшихъ, безъ признаковъ жизни, поднятыхъ на дорогѣ... Здоровые спѣшили на бивуакъ, гдѣ съ большимъ трудомъ, въ немногихъ закрытыхъ ямахъ и палаткахъ, нагрѣвалась вода для чаю, варилась горячая пища... Не находя костровъ съ высокимъ пламенемъ, съ горячими угольями, пришедшіе солдаты, съ набитыми снѣгомъ сапогами и одеждою, нагибались кучками надъ дымящимися, тощими огнями... Снѣгъ таялъ на грѣвшихся съ одной стороны, и въ то же время съ другой стороны покрывалъ ихъ. Когда же надобно было отойти и уступить мѣсто товарищу, все отсырѣвшее платье опять застывало, такъ что оставаться безъ движенія было невозможно... Тогда пробовавшіе отогрѣться солдаты топтались и прыгали на мѣстѣ...

— Что, братцы, холодно?—спрашивалъ ихъ генералъ.

— Холодно, ваше превосходительство!—отвѣчала толпа прыгающихъ псковцевъ, трясясь отъ холода и продолжая свою пляску...

Ужасна была эта пляска продрогшихъ до костей солдатъ!..

Пока происходило описываемое, маіоръ Гречановскій, во второй разъ уже съѣздившій на перевалъ, принесъ съ казаками еще 8 труповъ... Онъ доложилъ, что вѣтеръ на перевалѣ немного стихъ, но снѣгъ все еще силенъ, что остальные скоро подойдутъ, но многихъ не досчитываются, и ихъ придется разыскивать...

Въ то же время, на самомъ бивуакѣ дѣла принимали тревожный оборотъ. Командиръ Великолуцкаго полка, маіоръ Беатеръ, доносилъ, что въ его полку въ этотъ день оказалось до 400 больныхъ, изъ которыхъ 109 уже отправлены въ Этрополь, и что остальные не пробудутъ въ строю и однѣхъ сутокъ...

Дѣлалось очевиднымъ, что измученные люди, оставшіеся цѣлыми, ночью, безъ огня, въ снѣгу, также свалятся съ ногъ, забо-

лѣютъ, и замерзнутъ, когда придется засыпать въ сыромъ до нитки и потомъ промерзшемъ платьи... Никто не имѣлъ возможности ни обогрѣться, ни высушиться, ни поѣсть горячей пищи...

Собранъ былъ военный совѣтъ, на которомъ всѣ пришли къ единогласному заключенію, что единственное спасеніе — въ движеніи. Но куда идти? О положеніи дѣлъ въ прочихъ нашихъ обходныхъ колоннахъ въ этотъ день не было получено никакихъ извѣстій. Да и вообще идти впередъ, на турецкіе ложементы, въ виду непрекратившейся еще мятели, было рискованно. А оставаться на мѣстѣ безъ движенія, при вышеописанныхъ условіяхъ, тоже представлялось невозможно. Оставалось идти назадъ, въ Этрополь, не исполнивъ даннаго отряду порученія. Къ этому рѣшенію военный совѣтъ, скрѣпя сердце, и вынужденъ былъ придти.

Черезъ пять минутъ всѣмъ уже стало извѣстно, что отрядъ покидаетъ Бабу-Гору... Вскорѣ, длинная веренница носилокъ, сопровождаемыхъ хромающими и подвязанными людьми, потянулась съ перевала въ Этрополь, вслѣдъ за драгунами, посланными впередъ для протаптыванія дороги. Съ ними же поплелись болгары, на половину тоже обвязанные. Потомъ тронулись великолукцы, также неся больныхъ и обмороженныхъ, позднѣе прибывшихъ... Осторожно спускалась въ вечернемъ сумракѣ эта процессія носилокъ съ больными и обмороженными по головоломнымъ тропинкамъ Горы-Бабы... Густой снѣгъ не переставалъ валить. Но больныхъ совсѣмъ не было слышно—ни одного стона, ни слова, какъ будто они всѣ умерли... Это они такъ крѣпко спали, благодаря тому обстоятельству, что доктора Краснаго Креста, предварительно оттеревъ и перевязавъ обмороженнаго и потеплѣе укутавъ его, давали затѣмъ каждому на дорогу по изрядному стакану водки,—«пускай, говорили они, спятъ, лучше донесете».

Безъ сомнѣнія, отрядъ страшно пострадалъ бы безъ тѣхъ средствъ, которыя нашлись у докторовъ Краснаго Креста и безъ ихъ самоотверженныхъ попеченій.

Поздно почью люди начали подтягиваться въ Этрополь. Болгары съ трудомъ размѣстили больныхъ по квартирамъ, назначили прислугу для ухода за ними, и давали имъ бѣлье и одѣяла. Кое-какъ, въ теченіи ночи, больные устроились наконецъ въ Этрополѣ.

Въ то же время послано было подробное донесеніе генералу Гурко о причинахъ отступленія съ Бабы-Горы.

А снѣгъ все продолжалъ валить хлопьями, и буря какъ будто преслѣдовала отрядъ и въ Эзрополѣ, по временамъ проносясь по городу, съ гудѣньемъ въ трубахъ и свистомъ между деревьями...

На перевалѣ оставались еще доктора, дѣло которыхъ далеко еще не было конечно... Въ помощь имъ и для подобранія отсталыхъ и слабыхъ здѣсь же оставлены были два батальона воронежцевъ и двѣ сотни казаковъ маіора Гречановскаго, которымъ приказано и оставаться на перевалѣ до тѣхъ поръ, пока всѣ, кого можно спасти, не будутъ отправлены въ Эзрополь.

Не смотря на продолжавшуюся 17-го числа страшную вьюгу, казаки Гречановскаго нѣсколько разъ проникали на перевалъ, откуда продолжали приводить и приносить погибавшихъ... Отставшіе и находимые подъ сугробами снѣга солдаты прибывали къ докторамъ Краснаго Креста до самыхъ сумерекъ. Иныхъ находили за переваломъ, на позиціи, отсиживавшимися въ лѣсу, подъ сучьями и сугробами снѣга... Всего казаками было спасено около 420 человѣкъ нижнихъ чиновъ, три офицера и священникъ. Казаки нашли также много солдатскихъ труповъ, которые они и принесли въ г. Эзрополь. Несмотря на то, что въ теченіи двухъ дней сами могли погибнуть, казаки работали день и ночь, отдавая страждущимъ и свой кусокъ хлѣба, и свой кровъ. Многіе изъ нихъ, спасая другихъ, сами отмораживались. Достаточно сказать, что въ двухъ сотняхъ маіора Гречановскаго къ вечеру 17-го числа осталось не болѣе 50-ти человѣкъ, изъ которыхъ на слѣдующій день обморозились еще человѣкъ десять...

О заслугахъ въ этомъ дѣлѣ докторовъ Краснаго Креста и говорить нечего. Они 24 часа безъ отдыха оттирали и перевязывали больныхъ, принимая сами при этомъ пищу и питье, какъ говорится, налету. Всю ночь съ 17-го на 18-е декабря, на бивуакѣ, у палатокъ Краснаго Креста, ярко освѣщенныхъ внутри, стояла плотная кучка людей,—изъ казаковъ, фельдшеровъ и санитаровъ, помогавшихъ докторамъ спасать несчастныхъ...

Воронежцы, не дождавшись окончанія этой работы, всѣ ушли ночью въ Эзрополь, захвативъ съ собою часть больныхъ. Утромъ, 18-го декабря, батальонъ воронежцевъ и около 200 болгаръ были снова

высланы на перевалъ, для откапыванья орудій и доставки ихъ и остальныхъ больныхъ въ Этрополь. Вмѣстѣ съ ними былъ отправленъ на перевалъ и полковой священникъ, для погребенія замерзшихъ...

День былъ ясный. Вьюга, опять-было разыгравшаяся ночью, стихла окончательно. Бивуакъ нашъ на Бабѣ-Горѣ былъ заваленъ снѣгомъ такъ, что отъ него и слѣда не осталось... Въ оврагахъ къ сторонѣ Миркова и Бунова лежали непролазные сугробы. Четыре наши орудія (19-й конной батареи), оставленныя на позиціи, едва были отысканы подъ снѣгомъ.. Къ вечеру 18-го декабря всѣ, наконецъ, вернулись съ перевала въ Этрополь.

Пришли въ Этрополь даже тѣ шесть казаковъ-охотниковъ, съ урядникомъ Поповымъ, которые въ ночь на 17 е декабря, какъ мы видѣли выше, отправились пѣшкомъ, безъ дорогъ, въ Мирково на развѣдку... Не смотря на застигшую ихъ въ пути страшную вьюгу, они благополучно добрались, въ ту же ночь, до Миркова, занятаго турками, разузнали тамъ все что нужно, угостились у болгаръ и опять безъ дорогъ, цѣликомъ, въ ужасную мятель, вернулись обратно, пригнавъ еще съ собою около 300 головъ барановъ!.. Не даромъ генералъ Красновъ называлъ своихъ казаковъ «землеѣдами»...

18-го декабря были приведены въ извѣстность и всѣ потери отряда въ мятель на Бабѣ-Горѣ. Оказалось ознобившихся: 13 офицеровъ и 676 нижнихъ чиновъ (изъ нихъ 31 сильно обмороженный); заболѣвшихъ простудою—89 нижнихъ чиновъ; замерзшихъ до смерти—23 нижнихъ чина; пропавшихъ безъ вѣсти, т. е. совсѣмъ не найденныхъ подъ сугробами снѣга,—30 нижнихъ чиновъ. Всего вьюга на Бабѣ-Горѣ вырвала изъ строя 831 человѣка... Если къ этому прибавить потери больными отъ холода на Бабѣ-Горѣ, понесенныя отрядомъ въ предшествовавшіе дни, то общая убыль 5-титысячнаго отряда, во время пятидневной стоянки на упомянутой горѣ, достигаетъ 1000 человѣкъ, т. е. $^1/_5$ всего отряда!

Между тѣмъ, генералъ Дандевиль два дня уже не получалъ никакихъ извѣстій о движеніи остальныхъ нашихъ обходныхъ колоннъ. Считая безполезнымъ оставаться въ Этрополѣ, онъ, по предложенію начальника Златицкаго отряда, генералъ-маіора Брока, рѣшился идти на соединеніе съ послѣднимъ. 19-го декабря, тотъ же отрядъ, который взлѣзалъ на Бабу-Гору, но сильно поредѣвшій, бодро дви-

нулся на Златицкій перевалъ, и 20-го декабря вечеромъ почти весь уже былъ на верху, за исключеніемъ орудій, подтянувшихся на перевалъ на слѣдующій день, 21-го числа.

Такимъ образомъ, своевременный выходъ колонны генерала Дандевиля въ тылъ Шандорнику, на перерѣзъ сообщенія арміи Шакир-паши съ Златицей и Петричевымъ, не состоялся.

Страшная мятель 16-го и 17-го чиселъ дала себя почувствовать и войскамъ, оставленнымъ заслонами противъ турецкихъ укрѣпленій; не смотря на имѣвшіяся здѣсь кое-какія укрытія отъ холода, войска эти не мало также потеряли обмороженными и ознобившимися, особенно на Златицкомъ перевалѣ. Вдобавокъ, заслоны наши, получивъ приказаніе демонстрировать постоянно артиллеріей и выдвиганіемъ пѣхотныхъ цѣпей, часто привлекали на себя ружейный и орудійный огонь турокъ, такъ что почти каждый день въ заслонахъ была убыль не только обмороженными, но и убитыми и раненными...

Такимъ образомъ, вышеописанная мятель и необычайныя трудности горныхъ тропинокъ—замедлили движеніе обходныхъ колоннъ, даже благополучно окончившихъ оное, на цѣлыя 4—5 сутокъ! Вмѣсто 14-го декабря, какъ предполагалось въ диспозиціи, главная и правая колонны сосредоточились за Балканами лишь 18-го декабря. Это замедленіе въ движеніи упомянутыхъ колоннъ, въ свою очередь, послужило главной причиной неудачнаго исхода движенія лѣвой колонны, застигнутой на Бабѣ-Горѣ, во время ожиданія сосредоточенія тѣхъ колоннъ, страшнымъ ураганомъ... Наконецъ, правая колонна генерала Вельяминова, какъ мы видѣли выше, въ концѣ конновъ, должна была отказаться отъ движенія въ Жиляву черезъ Умургачъ, потративъ на это много лишняго времени и придя на указанное ей мѣсто совершенно другой дорогой.

Результатомъ всѣхъ вышеупомянутыхъ обстоятельствъ было то, что непріятель заблаговременно открылъ движеніе нашихъ обходныхъ колоннъ и получилъ полную возможность принять своевременно всѣ необходимыя мѣры для совершенія своего отступленія и прикрытія его. Такъ, въ тылу главной Арабконакской позиціи, на высотахъ у д. Ташкисенъ, турки успѣли въ два-три дня воздвигнуть три каменные редута и цѣлые ряды ложементовъ, занявъ ихъ сильнымъ гарнизономъ. Такимъ образомъ, предполагавшаяся въ

диспозиціи непосредственная атака Арабконакской позиціи съ тылу не могла состояться, и нашей главной колоннѣ, хотя и вышедшей въ тылъ туркамъ, предстояло предварительно брать приступомъ вновь возведенныя турками въ тылу Арабъ-конака ташкисенскія укрѣпленія. Между тѣмъ, еще 15-го декабря, слѣдовательно на третій день нашего движенія за Балканы, турки ничего не знали объ этомъ движеніи, и въ Ташкисенѣ у нихъ не было еще ни одного ложемента, а лишь 60 человѣкъ мустахфиза... Только 15-го числа они догадались о нашемъ намѣреніи, и тотчасъ же приступили къ укрѣпленію Ташкисена. Наши же передовыя войска должны были въ это время спокойно смотрѣть на приготовленія турокъ и даже сами укрѣпляться, впереди Чурьяка, въ ожиданіи сосредоточенія сильно растянувшихся въ горахъ и борющихся съ природой и подъемомъ на горы остальныхъ частей обходныхъ колоннъ...

Принятыя турками своевременно мѣры въ тылу Арабъ-конака и неудачный исходъ движенія на Бабу-Гору колонны генерала Дандевиля, въ свою очередь, открыли туркамъ свободный путь отступленія на Петричево.

Не имѣя задачи входить въ разсмотрѣніе въ настоящемъ очеркѣ собственно военныхъ дѣйствій Западнаго отряда, мы должны, однако, замѣтить, что бой у Ташкисена, начатый войсками главной колонны, 18 декабря, веденъ былъ также блистательно и съ полнымъ воодушевленіемъ, несмотря на страшное утомленіе людей и на мѣстныя препятствія, заключавшіяся въ сугробахъ снѣга и горныхъ кручахъ, по которымъ пришлось опять двигать артиллерію и пѣхоту... Правда, колонна, вслѣдствіе этого, нѣсколько разъединилась и запоздала прибытіемъ къ мѣсту назначенія, но, тѣмъ не менѣе, турки были выбиты изъ деревни Ташкисенъ, а равно и съ окружающихъ ее высотъ и изъ редутовъ, и отступили къ вечеру на слѣдующія высоты. Наступившія сумерки прекратили жаркій бой, и войска наши остались ночевать на занятыхъ позиціяхъ. Наша кавалерія была немедленно послана на перерѣзъ туркамъ, черезъ Черкескіой, но, вслѣдствіе встрѣченныхъ ею на пути непреодолимыхъ мѣстныхъ препятствій, она не дошла до мѣста назначенія, подобно тому, какъ ранѣе того она не могла проникнуть въ тылъ туркамъ, въ д. Дальніе Камарцы, сильно занятую непріятельскою пѣхотою.

Между тѣмъ, въ ночь съ 19-го на 20-е, турки, пользуясь темнотою, очистили не только всѣ Ташкисенскія высоты, но и Арабъ-конакскую и Шандорникскую позицію, и благополучно отступили по направленію на Петричево...

Оставленные нами заслоны по ту сторону Арабъ-конакскаго перевала, убѣдившись изъ развѣдокъ охотниковъ въ очищеніи турками позиціи, и немедленно перебрались черезъ сугробы на Бабаконакскій перевалъ и заняли всѣ непріятельскія укрѣпленія, захвативъ въ нихъ 10 орудій, массу продовольственныхъ припасовъ и оставленныхъ турками раненыхъ.

Лютиковскую позицію турки очистили еще 15-го декабря, какъ только замѣтили движеніе имъ въ тылъ на Умургачъ колонны генерала Вельяминова.

Что же касается до нашего Златицкаго отряда, то онъ продолжалъ стоять на Златицкомъ перевалѣ вплоть до 21-го декабря. Какъ мы уже знаемъ, въ этотъ день подошли къ отряду генерала Дандевиля, соединившагося съ отрядомъ генералъ-маіора Брока, послѣднія орудія изъ Этрополя. Не получая никакихъ извѣстій о дѣйствіяхъ главной и правой обходныхъ колоннъ, генералъ-маіоръ Дандевиль, принявшій главное начальствованіе надъ всѣми войсками на Златицкомъ перевалѣ, рѣшился атаковать Златицу 22-го декабря. Но турки еще 21-го числа, передъ разсвѣтомъ, бѣжали изъ Златицы. Наши узнавъ объ исходѣ дѣла у Ташкисена, бросились къ Петричеву, гдѣ могли прижать только уже хвостъ уходившихъ турокъ...

Преслѣдованіе это производилось также 3-й гвардейской пѣхотной дивизіей, направленной по пятамъ турокъ изъ Ташкисена чрезъ Дальніе Комарцы, и окончилось 22-го декабря взятіемъ съ боя Петричева.

Тотчасъ по оставленіи турками Баба-конакскаго перевала, начался труднѣйшій спускъ съ горъ въ Комарційскую долину остальныхъ нашихъ войскъ, бывшихъ въ заслонахъ, съ ихъ артиллеріей, обозами и частью съ захваченными у турокъ орудіями. Всѣ эти лазанья по горамъ, съ артиллеріей на плечахъ, а равно и предшествовавшія военныя дѣйствія и продолжительная служба въ горахъ дотого изнурили людей, что подконецъ цѣлые батальоны буквально валились съ ногъ. Матеріальная часть войскъ была также въ ужас-

номъ состояніи. Не говоря уже о дырявой и большею частью импровизированной обуви и о прожженныхъ и вытертыхъ шинеляхъ, нѣкоторые солдаты ходили даже совсѣмъ безъ фуражекъ, несмотря на холодную погоду, или же надѣвали болгарскія шапки и даже турецкія фески... Продовольственная часть войскъ на переходѣ черезъ Балканы была еще болѣе въ плачевномъ состояніи. Провіантскій обозъ оставался еще за Балканами, и потому многія части положительно голодали. Достаточно сказать, что, по овладѣніи ташкисенскими укрѣпленіями, солдаты наши съ радостью набросились на оставленные въ нихъ турецкіе запасы и нѣкоторые преспокойно набивали себѣ рты мукой, съ лихорадочной торопливостью утоляя свой голодъ...

Подобное состояніе войскъ требовало, конечно, хотя кратковременнаго для нихъ отдыха и теплаго крова. Но нѣкоторымъ частямъ не пришлось и одного дня отдохнуть вслѣдствіе начавшихся вскорѣ передвиженій къ Софіи и къ югу и востоку отъ Арабъ-конакскаго перевала; а 25-го декабря началось преслѣдованіе арміи Сулеймана-паши отъ Софіи къ Адріанополю,—и войска наши снова двинулись впередъ форсированнымъ маршемъ, останавливаясь по временамъ только для схватокъ съ непріятелемъ, чтобъ затѣмъ опять спѣшить впередъ, таща за собой артиллерію, черезъ снѣжныя долины и обледенѣлыя горы, черезъ разлившіеся ручьи и рѣки, чрезъ топкія и грязныя равнины, и такъ до самыхъ воротъ Константинополя, куда наши славныя войска явились, дѣйствительно, въ страшномъ состояніи, но бодрые духомъ и гордые побѣдами!

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Всему на свѣтѣ бываетъ предѣлъ, а слѣдовательно есть предѣлъ и человѣческой выносливости. Ужасная стоянка на Балканахъ, нечеловѣческіе труды при переходѣ черезъ Балканы и послѣдовавшее затѣмъ страшное напряженіе силъ при движеніи къ Адріанополю и Константинополю—надломили, наконецъ, натуру русскаго солдата: въ Санъ-Стефано открылся въ войскахъ страшный тифъ, которымъ переболѣли почти всѣ солдаты и который не мало унесъ

дорогихъ жертвъ въ могилу... Вѣчная память этимъ героямъ, вмѣстѣ съ погибшими отъ морозовъ и павшими въ бою.

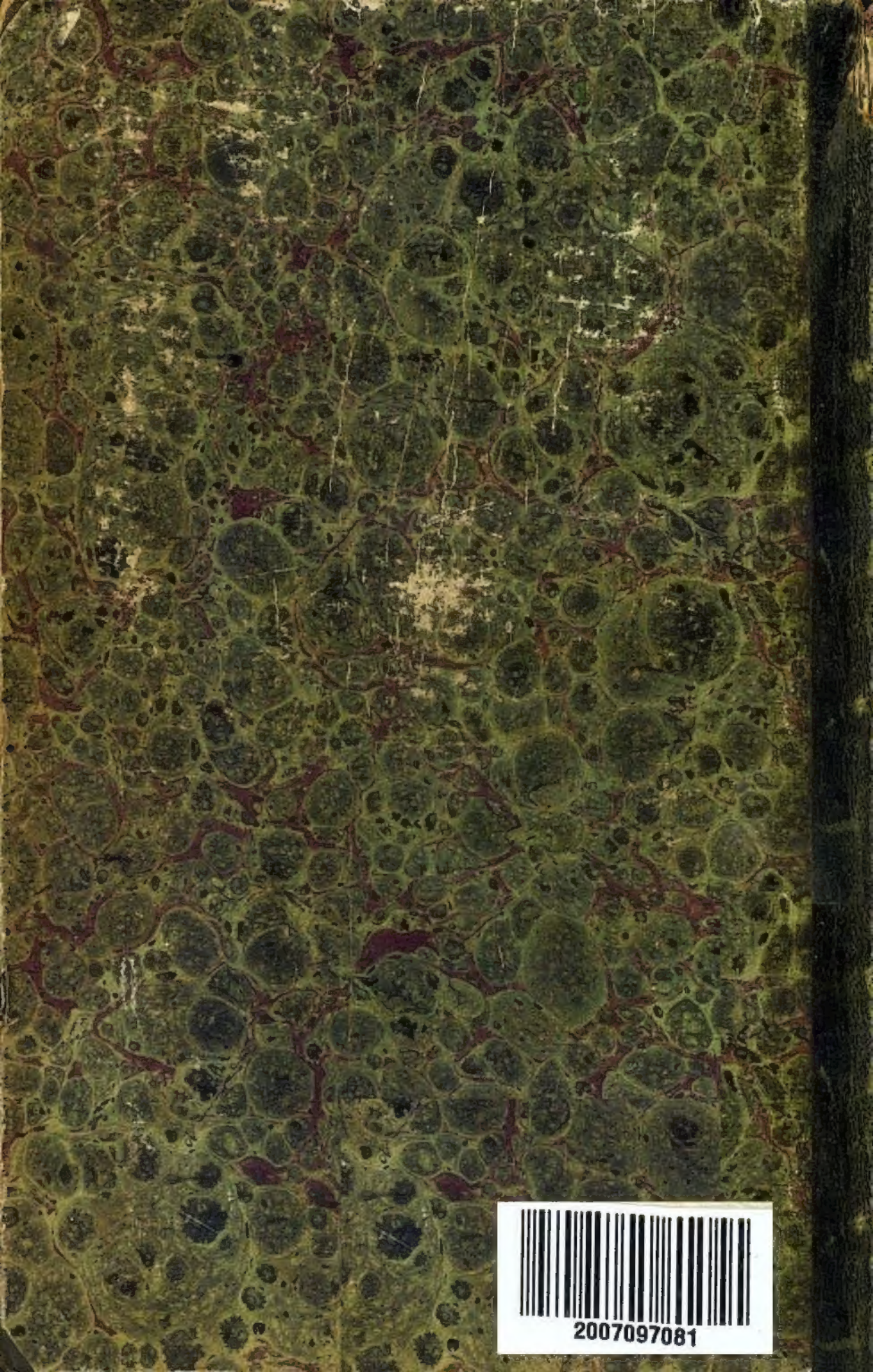
Колоссальные труды, понесенные нашими войсками при переходѣ черезъ Балканы, составятъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ величайшихъ подвиговъ нашей славной арміи. Впечатлѣніе, произведенное этими исполинскими трудами на всю Европу, не ожидавшую отъ русскихъ молодыхъ войскъ ничего подобнаго, было громадно. Въ самомъ дѣлѣ, припоминая одинъ подробности подъема артиллеріи на обледенѣлыя балканскія кручи, невольно приходишь въ изумленіе отъ страшной массы затраченнаго на это человѣческаго труда! Даже всемірная военная исторія нигдѣ не представляетъ ничего подобнаго. Гигантскій трудъ этотъ можно сравнить развѣ съ извѣстной исторической колоссальной работой—постройкой египетскихъ пирамидъ!... Но тамъ, по свидѣтельству ученыхъ, примѣнялись хотя нѣкоторыя техническія приспособленія, а здѣсь все сдѣлано одними усиліями людей!

Вообще, описанная нами операція перехода за Балканы была сопряжена съ такими трудами, потребовала такихъ нечеловѣческихъ усилій отъ войскъ, такого терпѣнія и мужества, на которыя, смѣло можно сказать, былъ способенъ только русскій солдатъ, и безъ которыхъ никакое искусство никакихъ военачальниковъ не въ состояніи было бы преодолѣть этихъ преградъ.

Да и, вообще, едва ли возможно было примѣненіе въ широкихъ размѣрахъ военнаго искусства въ необычайныхъ условіяхъ столь суроваго времени года и по-истинѣ въ адской мѣстности. Весьма характеристично въ этомъ случаѣ выраженіе, приписываемое генералу Дандевилю. Когда зашелъ разговоръ о стратегическихъ соображеніяхъ, исполненныхъ при переходѣ за Балканы, онъ отвѣчалъ: «Какая тутъ стратегія!—тутъ просто русскій народъ валитъ за Балканы—и больше ничего»!

Дѣйствительно, славный и трудный переходъ черезъ Балканы, главнымъ образомъ и по преимуществу, былъ исполинскою борьбою съ природой, изъ которой русскій солдатъ, какъ всегда и вездѣ, вышелъ, въ концѣ концовъ, побѣдителемъ!

КАРТОГРАФИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ А. ИЛЬИНА ВЪ С.ПЕТЕРБУРГѢ.


2007097081